

Г. БАНГЪ.

2

Г. БАНГЪ.

ФРЕКЕНЪ
КЛІЯ. ≡≡≡

Германъ Бангъ.

Германъ Бангъ.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

Томъ II.

Изданіе В. М. Саблина.

Германъ Бангъ.

ФРЭКЕНЪ КАЙЯ.
—
ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ.

ПЕРЕВОДЫ:

А. Койранскаго и А. Владиміровой.

Москва. — 1911.

Типографія В. М. Сабліна.
Москва, Петровка, домъ Обидиной Тел 131-34

ФРЭКЕНЪ КАЙЯ.

**Переводъ
А. Койранскаго.**

I.

Было уже довольно поздно, и все жители пансіона сошли вниз; слышно было, какъ хлопала дверь въ третьемъ этажѣ. Наконецъ, на лѣстницѣ слышно было только болтовню «инсепараблей».

Теперь пожалуй наступитъ на время тишина въ общей комнатѣ пансіона, въ такъ называсмомъ «салонѣ».

Фру Каутъ сидѣла на своемъ любимомъ мѣстѣ, въ углу на диванѣ, подъ поргретомъ своей матери. То она погружалась въ дремоту, то пробуждалась, и ленты чепца тихо двигались.

Фрѣкенъ Қайя крѣпко спала на своемъ стулѣ за швейной машиной; голова двигалась вверхъ и внизъ. Ротъ ея былъ открытъ, и дыханіе было тяжелое; казалось, что она трудится и во снѣ. Но вдругъ дыханіе ея притихло, она наполовину проснулась: ей показалось, что кто-то позвалъ ее. Но въ ближайшее мгновеніе она спала опять.

Фру Каутъ проснулась окончательно — она никогда не дремала подолгу — и стала теперь ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, мурлыча какую-то мелодію. Это

было ея привычкой, тихо напѣвать что-то, какія-то никому неизвѣстныя старыя пѣсни, передвигаясь легкими шагами на носкахъ, почти плывя, какъ будто собираясь танцовать. Платье она придерживала рукой, какъ для менуэта.

Она продолжала шагать назадъ и впередъ мимо фрэкенъ Кайи; громче и громче становилось ея мурлыканіе — нелѣпное храпѣніе дочери раздражало ее; наконецъ оно вывело ее изъ терпѣнія, и она разбудила ее.

Но фрэкенъ Кайя издала только глухое бормотаніе въ своемъ полутемномъ углу, и вскорѣ опять послышалось ея тяжелое дыханіе; если фрэкенъ Кайѣ удавалось усѣсться, она спала, какъ поденщикъ.

Фру Каутъ не могла больше выносить этого.

— Вынеси же машину! — сказала она рѣзкимъ тономъ, котораго никто не слышалъ отъ нея кромѣ дочери.

Фрэкенъ Кайя вскочила и провела рукой по непокорнымъ волосамъ; да, свѣчи были уже зажжены, но въ комнатѣ капитана надо было затопить; вспомнилось ей.

Она взяла машину; не говоря ни слова, — все дневное расписаніе опять воскресло въ ея мозгу — и вынесла ее.

Казалось, что она сразу пролетѣла черезъ двери всѣхъ трехъ этажей, и слышенъ былъ ея громкій крикъ: «Евгенія! Евгенія!» Она дѣлала особенное удареніе на слогѣ «ге».

Евгенія, горничная, ходившая въ стоптанныхъ танцевальныхъ башмакахъ, проводила весь день или въ

томъ, что отсыпалась (она особенно любила прикурнуть на краю постелей, которыя должна была убирать), или же въ томъ, что подвигала себѣ чолку. Она задумчиво и неспѣша зашлепала изъ своего чуланчика и послала въ догонку барышнѣ нѣсколько нѣжныхъ словъ вполголоса. А та уже давно сбѣжала по лѣстницѣ внизъ, и ея шаги раздавались по всему этажу.

«Инсепарабли» стояли рядышкомъ на колѣняхъ на кухонномъ столѣ, завернувшись въ плащи, глядя въ окно на карету невѣсты — какую-то свадьбу праздновали въ свадебныхъ залахъ Торупа, во флигелѣ. Они съ быстротой молніи соскочили, когда слышали шаги фрѣкенъ Кайи.

Барышень Зундби можно было вообще встрѣтить во всѣхъ углахъ; онѣ вмѣстѣ снимали комнату съ ванной въ третьемъ этажѣ за восемьдесятъ кронъ въ мѣсяцъ. За эту же цѣну Лисси имѣла право упражняться ежедневно три часа на рояли для консерваторіи.

Но фрѣкенъ Кайя не видѣла ихъ; она прошла къ капитану, черезъ коридоръ, гдѣ студентъ Катрупъ широко распахнулъ дверь, слышавъ ея шаги, чтобы она могла слышать, «какъ тепло пахнетъ».

Она затопила, постлала постель, поставила свѣчу, дѣлая все механически, быстро, безъ мысли. Мысли фрѣкенъ Кайи были всегда заняты тѣмъ, что ей надо сдѣлать въ ближайшее мгновеніе. Мимоходомъ она сняла одѣяла съ нѣсколькихъ постелей.

Въ коридорѣ на нее налетѣла фрѣкенъ Эмми.

— Ахъ, я хотѣла только пойти отпереть, — сказала та испуганно.

Въ сумерки у барышень Зундби была настоящая страсть отпирать дверь. Какъ только раздавался звонокъ, онѣ обѣ одновременно, усердныя какъ пара воробьевъ, летѣли отпирать и указывали господамъ и дамамъ нужныя двери. Въ эту пору въ третьемъ этажѣ звонили, какъ на телефонной станціи.

Фрѣкенъ Кайя опять поднялась наверхъ. Студентъ Катрупъ закрылъ свою дверь, а Эмми вернулась на свое мѣсто на кухонномъ столѣ, гдѣ Лисси опять уже стояла на колѣняхъ, прижавъ лицо къ стеклу надъ низкой раздвижной занавѣской.

Фрѣкенъ Кайя зажгла лампу въ коридорѣ и низкую лампу на столѣ въ столовой и разложила въ порядкѣ салфетки, разбросанныя на столѣ.

— Я ухожу, — крикнула она своимъ рѣзкимъ голосомъ въ жилыя комнаты и захватила нѣсколько тарелокъ, которыя оставались на несвѣжей субботней ска-терти отъ господина Лерхе, обѣдавшего послѣ другихъ.

— Захватишь кофточки! — крикнула фру Каутъ черезъ открытую дверь, но не была услышана; трое братьевъ Гаттингъ бурей пронеслись по столовой, спѣша на урокъ.

— Не можешь ты ходить тише, Константинъ? — сказала фрѣкенъ Кайя, шедшая имъ навстрѣчу съ тарелками.

Ни одинъ изъ школяровъ не отвѣтилъ ничего; послѣдній изъ нихъ такъ захлопнулъ парадную дверь, что обѣ лампы всполыхнулись. У братьевъ Гаттингъ была та особенность, что они вырывались всегда изъ своей

душной клѣтки, какъ три охотничьихъ собаки, бѣгущихъ за добычей.

— Захватишь ты кофточки? — повторила мать.

Изъ коридора раздалось громкое, рѣзкое «да», послѣ чего фру Каутъ уронила свой верблюжій платокъ (бурый пледъ, въ который она постоянно куталась, но который при живости своего характера она то и дѣло оставляла на какомъ-нибудь стулѣ), и поднялась, чтобы достать кофточки изъ своей спальни. Это была заботливо убранная комната, полная бѣлыхъ занавѣссы и одѣяль; передъ зеркаломъ сверкала пара старинныхъ серебряныхъ подсвѣчниковъ.

Комната фру Каутъ была единственной въ квартирѣ, о которой можно было сказать, что она сверкаетъ отъ чистоты.

Она собрала вещи — нѣсколько шерстяныхъ кофточекъ, которыя она вязала для одного магазина — и вернула ихъ въ бумагу. Но у ней были слишкомъ подвижные пальцы, и пакетъ развѣзжался.

— Ну, хорошо и такъ! — сказала Кайя, послѣдовавшая за ней, беря изъ ея рукъ неудачный пакетъ.

Она пошла въ ванную (ея комнату), гдѣ ея платья, закрытыя простыней, висѣли на одной стѣнѣ, а постель была сложена въ углу высокой кучей. Захваченныя кофты она заперла въ комодъ передъ тѣмъ, какъ одѣваться для выхода. Ея уличный нарядъ состоялъ изъ длиннаго пальто, заднія складки котораго, вслѣдствіе отсутствія турнюра, балтались какъ-то безполо, и изъ мѣхового берета, который былъ такъ великъ, что закрывалъ всѣ волосы. Поношенныя перчатки она на-

дѣла по дорогѣ, сходя по лѣстницѣ; ея запястье было костисто, какъ у мужчины.

Еще нѣсколько разъ раздалось: «Евгенія! Евгенія!», потомъ захлопнулась дверь крыльца. Фрѣкенъ Кайю чуть не задавила карета невѣсты, которая какъ разъ, звеня бубенцами, вѣзжала въ подъѣздъ.

Но она не видѣла и не слышала ничего, она только рассчитывала съ того мгновенья, какъ вышла изъ двери: наличность надо раздѣлить на столько-то частей; къ тому же предстояли субботнія закупки, значить надо было запастись провіантомъ на два дня.

А наверху въ квартирѣ миръ почилъ надъ всѣми комнатами.

Фру Каутъ зажгла свѣчи въ серебряныхъ подсвѣчникахъ; и, нагѣвая, носилась взадъ и впередъ. Она убиралась и возилась со щетками, гребенками и губками. Этимъ она могла заниматься цѣлыми часами; то она полировала ногти, то чесала волосы, болтая со всѣми, входившими въ комнату.

Всѣ рассказывали ей что-нибудь, и она при этомъ легко и плавно носилась на цыпочкахъ, куталась въ платокъ, роняла его опять и слышала только наполовину всю болтовню.

Фру фонъ Коссэ-Мукадель вошла и по дорогѣ поставила на мѣсто нѣсколько стульевъ — стулья въ «салонѣ» постоянно стояли такъ, какъ будто только что поспѣшно ушли гости; потомъ она взяла свои карты. Фру фонъ Коссэ-Мукадель, здоровая, круглая женщина, у которой еще оставалось что-то отъ прежней изнѣженности, раскладывала пасьянсы «о любовномъ счастьѣ и

выходѣ замужъ» для всѣхъ дѣвицъ въ пансіонѣ, при чемъ она возбужденно улыбалась краснымъ, жаднымъ ртомъ, съ видомъ пониманія глядя на карты. Иногда она слегка привставала, какъ будто не могла больше оставаться спокойной, какъ будто ей становилось жарко и необходимо было движеніе; ей все такъ ясно было видно по картамъ.

Барышенъ Зундби слышно было въ столовой; онѣ наполняли всю комнату своей болтовней, безостановочно и безустанно лившейся изъ ихъ рыбьихъ ротиковъ—казалось, какъ говорилъ медикъ Споркъ, что потоки ихъ рѣчи вовсе не проходилъ черезъ мозгъ. Болтали онѣ о томъ, кого видѣли и кому отперли дверь, и кто могла бы быть невѣста, прерывая водопадъ словъ обращеніемъ другъ къ другу: «Не правда ли, Исъ?» «Не правда ли, Имъ?». Потомъ онѣ продолжали, сопровождая слова такимъ количествомъ жестовъ, какъ будто необходимо было использовать драгоценное время молодости для возможно большаго количества движеній.

Фру фонъ Коссэ-Мукадель остановилась въ раскладкѣ пасьянса, склонивъ голову впередъ и кладя на круглыя колѣни свои все еще красивыя руки, похожія на пару бѣлыхъ жирныхъ кошечекъ:

— Кто былъ у Спарре? — спросила она и быстро подняла вверхъ абажуръ, чтобы лучше видѣть.

— Конечно, эта, въ коричневой шляпѣ — по обыкновенію, — сказала Эмми.

— Но я больше не подаю ему руки — прибавила она и сдѣлала строгій ротъ. Обѣ барышни Зундби имѣли обыкновеніе демонстративно карать «нѣкоторый» безо-

рядокъ въ жизни третьяго этажа отказомъ въ послѣ-
объденномъ рукопожатіи.

— Да, это она, — сказала фру фонъ Коссэ, съ нѣжно-
стью глядя на собственныя руки.

— Кто это? — спросила фру Каутъ, выходя изъ своей
спальни.

— Она была въ кашмирѣ, — сказала Лисси, опять
уже перешедшая къ невѣстѣ.

— Хотѣла бы я знать, будутъ ли сегодня внизу
танцы? — сказала фру Каутъ. Это было для нея са-
мымъ главнымъ; она съ удовольствіемъ слушала ве-
селую музыку, раздававшуюся по всему дому.

Лисси отвѣтила — Зундби отвѣчали всегда на вы-
воротъ:

— Да, всѣ онѣ были въ закрытыхъ платьяхъ.

Фру фонъ Коссэ сказала сухо, поднимая глаза отъ
пасьянса:

— Г...ста должна быть всегда въ закрытомъ платьѣ.

— Почему же?

— Почему же такъ? — спросили обѣ Зундби одновре-
менно и вытянули шеи, что дѣлали всегда, когда спра-
шивали.

— Потому что это умнѣе, — отвѣтила фру фонъ Кос-
сэ; ея сѣрые глаза нѣкоторое время колючимъ взгля-
домъ окидывали обѣихъ сестеръ.

— Ну, — сказала фру Каутъ, опять счастливо прича-
лившая къ углу дивана, — я предпочитаю видѣть кра-
сивую шею.

Зундби молчали. Одно мгновеніе ангелъ пролеталъ
по комнатѣ. Потомъ онѣ обѣ смущенно засмѣялись, и

Эмми подошла къ роялю, чтобы украсить еще лишнихъ полчаса, пока не было фрѣкенъ Кайи.

Когда Эмми поиграла нѣкоторое время, Арне Оули прошелъ черезъ столовую и сказалъ по-норвежски: «Добраго вечера». Онъ шелъ нѣсколько согнувшись, какъ бы подъ бременемъ своего молодого тѣла, и сѣлъ тихо въ своемъ углу, закрывъ глаза рукой. Такъ могъ онъ сидѣть цѣлыми часами и слушать скачущую музыку Эмми.

Эмми не обращала вниманія и продолжала играть, въ то время какъ коридорная дверь хлопала непрерывно и показывались чьи-то головы и опять исчезали. Черезъ каждыя пять минутъ кто-нибудь другой попытствовалъ, что происходитъ въ «салонѣ».

— Здѣсь становится такъ холодно, — сказала фру Каутъ Лисси, которая поднялась послѣ этого и подошла къ печкѣ. Отъ вѣчнаго хлопанья дверьми въ общихъ комнатахъ у Каутъ всегда царила температура покрытаго снѣгомъ рынка.

Фру фонъ Коссэ смѣшала карты и двигалась на своемъ стулѣ.

— Теперь ваша очередь, господинъ Оули, — сказала она и взглянула блестящими глазами на молодого норвежца.

Рука Оули опустилась со лба. «Да», сказалъ онъ и поднялся. Казалось, что малѣйшее движеніе для него — преодолѣніе, требующее напряженія всѣхъ силъ.

— Да, — сказалъ онъ еще разъ, какъ бы отрываясь отъ глубокихъ грезъ, — теперь вы скажете мнѣ что-нибудь о моей жизни.

А Лисси, сидѣвшая за вязаніемъ прошивокъ (даже бѣлье Зундби должно было состоять все изъ прошивокъ), сказала со свойственной ей способностью выпаливать внезапно замѣчательныя фразы:

— Ахъ, Господи, госпожа Мукадель, какъ вы должны знать жизнь.

Фру Каутъ тѣмъ временемъ двигалась въ столовой, гдѣ она, мурлыча, ходила вокругъ стола, счищая ладонью крошки со скатерти.

Потомъ она немного повозилась на кухнѣ, гдѣ Евгенія стояла передъ лаханкой, съ душевнымъ спокойствіемъ погружая въ нее руки. Она пользовалась отсутствіемъ фрѣкенъ Кайи для болѣе детальнаго туалета, при чемъ она изводила потоки масла для волосъ.

Фру Каутъ бродила изъ кухни въ столовую, и время отъ времени что-нибудь перекусывала. Она имѣла обыкновеніе устраивать себѣ маленькія трапезы внѣ установленнаго времени.

Евгенія смыла пѣну съ своихъ растрескавшихся рукъ и начала жаловаться на барышню:

— Ей Богу, постыдилась бы барышня того, что люди говорятъ въ домѣ, — заключила она свой монологъ и энергично вылила воду изъ лаханки.

— Евгенія, Бога ради! Вѣдь ты знаешь барышню!

Фру Каутъ была миротворицей въ домѣ и всѣхъ защищала отъ Кайи.

— И такъ ужъ много приходится терпѣть здѣсь въ домѣ, это фру Каутъ можетъ мнѣ повѣрить, — сказала Евгенія, — ну, въ третьемъ этажѣ, тамъ право ужъ

слишкомъ; — эти новые мужчины, что они только предлагаютъ!

Трое школяровъ ворвались и заявили басомъ, что они не придуть сегодня къ ужину, ихъ пригласили къ тайному совѣтнику.

— Ладно, — сказала госпожа Каутъ, — только постарайтесь убраться раньше, чѣмъ придетъ Кайя.

* * *

Фрѣкенъ Кайя поспѣшно, ничего не видя и не слыша, шла по улицѣ. Свѣтящаяся толпа людей на обоихъ тротуарахъ скользила мимо нея. Внизу въ рыбной торговлѣ нѣсколько служанокъ торговались съ приказчикомъ, господиномъ Ганзеномъ, который въ деревянныхъ башмакахъ ходилъ по залитому полу.

Одна изъ служанокъ подняла юбки такъ, что высоко виднѣлись черные чулки, и сказала, обращаясь къ Кайя съ злой улыбкой:

— Барыня навѣрно хочетъ пройти первой.

Кайя не отвѣтила, но молча остановилась у одного изъ оконъ, съ большимъ портмонэ въ рукѣ.

Другая дѣвушка сказала:

— Барышня, кажется, предпочитаетъ подождать.

Кайя остановилась спокойно; она такъ привыкла къ тому, что ей не слѣдовало слушать и приходилось ждать. Служанки всего квартала вообще считали за долгъ чести наносить ей какъ можно больше уколовъ.

— Ну, Ганзенъ, — сказала опять первая кухарка и демонстративно повернулась въ сторону Кайи: — скиньте-

ка еще нѣсколько оре, вѣдь мы покупатели, которымъ нужна живая рыба...

Приказчикъ поймалъ сѣткой живую рыбу изъ большой стеклянной ванны, ярко освѣщенной, съ текущей водой.

Дѣвушки ушли, смѣясь, между тѣмъ какъ приказчикъ, направляясь къ конторкѣ, сказалъ, почти не оборачиваясь:

— Вонъ они лежатъ.

Фрѣкенъ Кайя прошла въ указанный уголъ, гдѣ штукъ восемь лещей неподвижно лежали въ водѣ. Она стала разсматривать ихъ, въ то время какъ Ганзенъ, ходившій заложивъ руки въ карманы, какъ будто никого не было, говорилъ, пожимая плечами:

— Да, это все, что есть... А «фаршъ» распроданъ.

«Фаршъ» фабриковался самимъ Ганзеномъ изъ уснувшихъ экземпляровъ — нѣчто въ родѣ фрикассэ изъ рыбы.

Фрѣкенъ Кайя робко назвала цѣну.

— Да, да, можете взять, — сказалъ приказчикъ и черезъ плечо кинулъ взглядъ презрѣнія на сонный товаръ.

У Кайи былъ такой видъ какъ будто она все еще обдумывала и рассчитывала. Медленно взяла она нѣсколько кронъ изъ кошелька, какъ будто каждая монета была привязана веревочкой.

Потомъ она пошла дальше, къ торговкѣ дичью, которая, въ бѣломъ передникѣ на пышномъ бюстѣ, большая и объемистая, стояла за мраморнымъ столомъ и говорила съ покупательницей о маскарадѣ въ «союзѣ».

Она встрѣтила Кайю короткимъ покровительственнымъ кивкомъ — какъ фру Йоргенсенъ, которая жила у ней въ подвалѣ за то, что приводила въ порядокъ лавку, и едва замѣтнымъ движеніемъ указала ей на уголъ, гдѣ штукъ пять куръ свѣшивали дряблыя шеи съ мраморнаго прилавка: у нихъ былъ такой видъ, какъ будто онѣ тридцать дней пролежали подъ землей.

Фрѣкенъ Кайя задумчиво остановилась передъ блѣдыми пернатыми: куры недавно были... Двѣ глубокихъ морщины легли на ея лбу. Ахъ, это разнообразіе — это было самое худшее....

Впрочемъ «перемѣны», въ сущности, были напрасны, потому что всѣ кушанья приготавливались въ пансіонѣ «Каутъ» одинаково и имѣли тотъ же вкусъ — мягкій, дряблый....

Она долго щупала куръ все съ тѣмъ же отчаянно перѣшительнымъ выраженіемъ лица. Наконецъ она сказала вполголоса — она положила нѣсколько кронъ около куръ — кивая хозяйкѣ на прощанье:

— Значить, какъ обыкновенно. — Съ этими словами она прошла мимо покупательницы къ выходу. У ней были какія-то особенно робкія манеры въ лавкахъ.

Покупательница обернулась и поглядѣла ей вслѣдъ.

— Да, — сказала хозяйка, — такъ онѣ приходятъ по вечерамъ изъ пансіоновъ и берутъ залежавшійся товаръ... конечно, это не хорошо, но прошу васъ, госпожа Михельсенъ, чѣмъ же набить голодныя студенческія глотки за шестьдесятъ кронъ въ мѣсяцъ?..

Фрѣкенъ Кайя закончила покупки для пансіона. На Новомъ рынкѣ она вдругъ остановилась передъ малень-

кой прѣточной лавкой. И рѣзко, какъ бы обиженно, она сказала барышнѣ за прилавкомъ:

— Немного ландышей...

Она получила ихъ и въ послѣдній моментъ прибавила къ нимъ еще маленькій букетикъ фіалокъ.

Потомъ она ушла.

II.

Фру Каутъ встрѣтила Кайю возбужденно, когда та вернулась домой:

— Нѣтъ, Кайя, подумай только!—Угадай, кто пріѣхалъ?—кричала она ей навстрѣчу, подымая и опускаая руки.

— Кто пріѣхалъ?—коротко спросила Кайя и остановилась. Она уже знала, это, мать всѣхъ приглашала въ гости, и когда приходили, то изображала передъ Кайей удивленье, какъ будто люди пришли сами собой.

— Грентофъ—подумай только—сказала фру Каутъ.

— Грентофъ? Кто? Какой Грентофъ?—спросила Кайя такъ же коротко, но съ какимъ-то толчкомъ въ голосѣ.

— Да Вильгельмъ Грентофъ, Кайя, нашъ Грентофъ...

— Чего ему надо?—спросила Кайя; она обернулась.

— Господи, да остаться здѣсь... Сидимъ мы и ничего не ждемъ, вдругъ звонокъ, Зундби выбѣгаютъ отпереть, я слышу голосъ, спрашивающій барыню и барыш-

ню... Дверь открывается,—совсѣмъ онъ,—я узнала его сразу—съ тремя большими чемоданами... И онъ говорить, что жена ѣдетъ слѣдомъ....

— Такъ...

Кайя раскрыла дверь въ коридоръ и увидѣла чемоданы.

— Нельзя оставлять ихъ здѣсь загоразивать дорогу,— сказала она жестко и поспѣшно.

Фру Каутъ сказала,—чтобы отдѣлаться:

— Кайя, мальчишки ушли.

Но дочь не слушала. Она захлопнула дверь и скрылась. Съ такой же поспѣшностью она поднялась въ свою комнату. Тамъ она сѣла въ самомъ темномъ углу на ванну, покрытую простыней. Она не слыхала, какъ нѣсколько разъ громко прозвучало въ домѣ: «Фрѣкенъ Кайя! Кайя!»

Она сняла пальто и схватила гребенку и щетку, помѣщавшіяся на подоконникѣ. Но опять опустила ихъ, закрыла глаза: внизу въ столовой она вдругъ увидѣла невѣсту; одѣтую въ бѣлое, и жениха и гостей, сидящихъ за ярко освѣщеннымъ столомъ...

Она опять уставилась въ тьму и почти удивленно стала глядѣть па тѣхъ, что веселились за столомъ...

Обыкновенно она ничего не видѣла и безпрестанно работала и трудилась, дѣлая все одно и то же. Но теперь она вдругъ увидѣла:

— Тамъ справляютъ свадьбу,—та; въ бѣломъ; невѣста...

Она встала. Ей показалось, что давно уже она не думала о другихъ людяхъ.

— Да, да, тамъ справляютъ свадьбу—та, въ бѣломъ; невѣста...

Тутъ она услышала, что ее громко зовутъ, и вышла тихо...

Евгенія, застывшая самовлюбленно передъ зеркаломъ мальчишекъ (не было малѣйшаго кусочка зеркала въ домѣ, который не отразилъ бы много разъ за день расплывшуюся фізіономію Евгеніи), не думала двигаться. Она думала, что это барыня, проходящая изъ кухни.

У фрѣкенъ Кайи были цвѣты въ рукахъ, но она быстро спрятала ихъ въ уголъ буфета: она услышала голосъ Грентофта.

— Да, онъ говоритъ все еще такъ же...

И вотъ онъ пошелъ ей навстрѣчу.

— Ну, и любезны же вы,—онъ взялъ ея руки и потрясъ ихъ: какъ раньше своимъ особеннымъ рукопожатьемъ. — Къ вамъ пришли въ гости, а вы даже не показываетесь.

Онъ говорилъ, какъ будто они простились только вчера, своимъ прямодушнымъ, веселымъ голосомъ.

Она сказала только:

— Какъ вы загорѣли!

— И похорошѣлъ,—засмѣялся онъ.

Онѣ пошли къ другимъ. Грентофтъ рассказывалъ, поддразнивалъ и смѣялся.

Фру фонъ Коссэ-Мукадель сіяла: она уже слыхивала о женщинахъ Перу и окрестностей...

Сестры Зундби сидѣли, нѣжно обнявшись—ихъ излюбленная поза въ присутствіи постороннихъ. А Арне

Оули сидѣль, по обыкновенію, въ своемъ углу, съ кроткой, задумчивой улыбкой.

Фрѣкенъ Кайя какъ-то странно передвигалась отъ стула къ стулу—съ почти такимъ же выраженіемъ лица, какъ у Арне—она входила и выходила, здѣсь убирала стаканъ, тамъ поправляла вазу, какъ будто безсознательно хотѣла привести все въ порядокъ.

Грентофъ продолжалъ:

— Помните ли вы? Помните ли вы, фрѣкенъ Кайя...— кричалъ онъ поминутно ей въ дверь...—ту зиму, когда открылся королевскій театръ... Помните, какъ мы въ темнотѣ взбирались на галерею... Помните ли вы, помните ли, фрѣкенъ Кайя?

— Конечно, вы раздавали билеты...

Грентофъ сидѣль, положивъ ногу на ногу, онъ всеѣмъ погрузился въ старыя воспоминанія.

— А помните, какъ мы устроили балъ и зимній садъ въ моей комнатѣ. (Три старыхъ елки, посаженные въ жбаны по угламъ).

Какъ Грентофъ смѣялся подъ аккомпанементъ Зундби!

Фрѣкенъ Кайя медленно гладила скатерть, — она быстро достала свѣжую—машинально, бессознательными руками.

— Нѣтъ, а какъ вы, фрѣкенъ Кайя, налили коньяку въ рагу, чтобы сдѣлать его крѣпче, и никто не хотѣлъ ѣсть! Помните еще?

Опять все засмѣялись. Фру Каутъ сказала:

— Ну, что касается васъ, Грентофъ, то вы любили крѣпкое....

Фрѣкенъ Кайя вышла. Господи, не было ничего порядочнаго къ столу! Надо послать Евгенію за покупками. Но ея, по обыкновенію, нельзя было отыскать, и Кайя, проходя по комнатамъ, забыла, что вышла искать ее:

— Какъ онъ смѣялся!

Фрѣкенъ Кайя испуганно обернулась. Она услышала шаги сзади себя. Это былъ Арне Оули, пошедшій за ней.

— Фрѣкенъ,—сказалъ онъ очень робко, склоняя къ ней бѣлокурую голову,—господинъ Грентофтъ можетъ получить мою комнату на сегодня, тогда вамъ не надо будетъ возиться съ перестановкой. А я лягу на диванѣ.

Фрѣкенъ Кайя взволнованно схватила его руку.

— Благодарю васъ, вы всегда такъ добры!—сказала она, и слезы появились у ней внезапно на глазахъ.

Взоръ Оули тоже затуманился—онъ самъ не зналъ почему—когда онъ глядѣлъ на фрѣкенъ Кайю, сновавшую по полутемной кухнѣ.

Евгенія распахнула дверь въ кухню; она только минутку поторчала на перилахъ пятаго этажа, болтая съ его обитательницей, дамой въ красной фуфайкѣ, торговавшей перомъ и сдававшей мансарды.

Оули исчезъ: онъ не очень любилъ разговоры Евгеніи съ фрѣкенъ Кайей.

Но та сказала только, что надо купить то-то и то-то.

Евгенія широко раскрытыми глазами глядѣла на портмонэ... Деньги буквально сыпались на столъ.

Двери опять пришли въ оживленное движеніе. Пансіонеры третьяго этажа подымались вверхъ къ ужину.

Медикъ Споркъ былъ первымъ на мѣстѣ.

— Душа моя, — сказалъ онъ, увидѣвъ свѣжую ска-терть, Катрупу, всегда появлявшемуся за трапезами въ ночныхъ туфляхъ, — да никакъ намъ еще постелать и свѣжія простыни?

Богословъ Зеренсенъ старался выбрать салфетку по-свѣжѣе, это было его ежедневнымъ стараніемъ передъ тѣмъ, какъ другіе начнутъ насыщаться.

Евгенія никакъ не могла понять, что сегодня случи-лось съ барышней:

— Можешь ли ты это понять? — крикнула она мимо-ходомъ Теѣ изъ перваго этажа, — она угощаетъ сегодня!

Затѣмъ она побѣжала. У Евгеніи, когда она шла быстро, была особая манера двигать юбками, что давало возможность заключать о полномъ отсутствіи чего-либо подъ ними.

Фрѣкенъ Кайя входила и выходила и накрывала на столъ. Дверь въ салонъ она закрыла; господа изъ треть-яго этажа отпускали всякія остроты.

Фру фонъ Коссэ-Мукадель встала изъ-за картъ, а Зундби соскочили внизъ въ свою клѣтку, чтобы при-вести себя въ порядокъ; онѣ пудрились передъ ка-ждой трапезой кусочкомъ ваты.

А Грентофтъ остался въ салонѣ одинъ съ фру Каутъ. Онъ взялъ ея руки:

— Ну, какъ дѣла ваши вообще?

— Ахъ да, ахъ да, — отвѣтила она и покачала старой, тонкой головой. — Вы вѣдь знаете Кайю! Но не надо жаловаться, — прибавила она и взглянула на него боль-шими глазами.

Въ столовой Спортъ хлопнулъ дверью, ведшей въ

коридоръ къ кухнѣ; онъ хотѣлъ бы знать, будетъ ли сегодня вообще кормленіе.

Фру фонъ Коссэ-Мукадель, которая всегда передъ столомъ становилась крайне церемонной, ждала въ величественной позѣ, держа въ рукахъ бутылку мальцъ-экстракта и собственную салфетку въ серебряномъ кольцѣ. Она взглянула на часы и сказала съ искусственнымъ спокойствіемъ:

— Девять.

Фрѣкенъ Кайя все еще не показывалась.

— Она готовитъ жаркое, — сказала Евгенія, какъ будто это удивительное событіе объясняетъ все.

Фру фонъ Коссэ-Мукадель выразительно заняла мѣсто. Зундби держали руки за спиной, чтобы не подать ихъ случайно Шпарре, который какъ разъ вошелъ съ красными и переутомленными глазами.

Фру фонъ Коссэ слегка приподнялась на стулѣ, какъ будто находясь еще за картами.

Она хотѣла имѣть сосѣдомъ Спарре и глядѣла на него играющими глазами.

— Кто-нибудь ушелъ? — спросила она его.

Грентофтъ открылъ дверь и крикнулъ:

— Да куда же пропала фрѣкенъ Кайя?

— Ахъ, вотъ какъ, — прибавилъ онъ, — будутъ ѣсть! Моя фамилія Грентофтъ, — при этомъ онъ поклонился всему обществу.

— Но гдѣ же фрѣкенъ Кайя? — повторилъ онъ восторженно въ сторону кухни.

— Но фрѣкенъ Кайя, — крикнулъ онъ въ коридоръ: — развѣ не будутъ кормить?

Она стояла у плиты и сдѣлала движеніе, какъ бы желая скрыть сковороду.

— Сейчасъ, — отвѣтила она.

Грентофтъ оглядѣлся; полутемная узкая кухня, чуланъ съ многочисленными остатками на блюдечкахъ и съ масломъ подъ колпаками...

— Какъ все осталось по-старому, — сказалъ онъ рас-
троганно. И онъ долго стоялъ молча. И Кайя не говорила. Казалось только, что дрожь пробѣгаетъ по ея лицу, на которое ночникъ бросалъ матовый отблескъ.

III.

Наконецъ стали садиться за столъ.

Но все пришло въ безпорядокъ, потому что Грентофть во что бы то ни стало хотѣлъ сидѣть внизу у самовара, а не на верхнемъ концѣ, гдѣ для него накрыли.

— Я хочу сидѣть на моемъ старомъ мѣстѣ, — сказалъ онъ и самъ взялъ свою тарелку, — мы всегда получали лучшіе куски, ха, ха, на этомъ концѣ!..

Произошло большое переселеніе за столомъ, и фрэконъ Кайя — Арне Оули никогда не видалъ у ней такихъ влажныхъ глазъ — двигала блюда и переставляла тарелки какъ-то лихорадочно: Господи, вѣдь случается же за ужиномъ у Каутъ, что къ нижнему концу остается все меньше и меньше. До Зундби доходило иной разъ блюдо съ какимъ-нибудь одинокимъ кускомъ.

— Такъ, — сказалъ Грентофть, — теперь мы въ порядкѣ.

Всѣ сидѣли. Фрэкенъ Кайя принесла блюдо изъ буфета.

— Какъ, вы сдѣлали даже майонезъ! — сказалъ онъ.

— Да, но не знаю... ужъ придется довольствоваться

такимъ, какъ онъ вышелъ... потому что (Кайя внезапно покраснѣла), я такъ давно уже не дѣлала его.

— Чудесно, блестяще, — сказалъ Грентофтъ съ полнымъ ртомъ, — а потомъ, когда всѣ получаютъ чай, мы получимъ особую порцію, тогда еще разъ заварятъ — какъ мы дѣлали обыкновенно.

— Какъ вы все запоминаете, — сказала Кайя. Голосъ ея дрожалъ отъ скрытаго волненія.

— Да, — сказалъ Грентофтъ и положилъ обѣ руки на столъ, — здѣсь тоже порой бывало ужасно весело, чортъ дери... на нашемъ концѣ.

На другомъ концѣ тѣмъ временемъ шелъ громкій разговоръ.

Споркъ и Спарре, по обыкновенію, были настроены медицински и рассказывали больничныя исторіи — это было ихъ специальностью во время всѣхъ трапезъ. Молодой писатель новой школы рассказывалъ о покушеніяхъ на изнасилованіе дѣтей, такъ что вдова Гассингъ, у которой два подростка были въ пансіонѣ въ Люнгни, буквально дрожала отъ негодованія и ужаса, въ то время какъ фру Мукадель, безостановочно ласкавшая глазами Спарре, все больше и больше выдвигала подбородокъ надъ бутылкой съ мальць-экстрактъ.

Катрупъ говорилъ съ фру Каутъ о Дарвинѣ. Идеи, скандальныя исторіи и «высокіе вопросы» пестрили за столомъ пансіона Каутъ, какъ пыль, поднятая вѣтромъ на площади св. Анны. Фру Каутъ слушала, дѣлая большіе глаза.

— Ахъ да, — сказала она, — я люблю новыя мысли —

мнѣ кажется, что благодаря имъ понимаешь лучше многое въ насъ людяхъ.

Грентофтъ былъ сытъ и просилъ чаю.

Онъ забавлялся искаженнымъ изображеніемъ себя и Кайи въ самоварѣ. Фрѣкенъ Кайя заглянула въ него, наливая чай. — Видите, — сказала она, — это мое зеркало!

Голосъ фру Каутъ, звучавшій звонко и свѣжо, какъ голосъ молодой дѣвушки, донесся до нихъ, и Кайя подняла голову; нѣкоторое время она глядѣла передъ собою.

— Не правда ли, — сказала она, — мама не измѣнилась?

— Да, — и Грентофтъ поднялъ голову, — она, дѣйствительно, неизмѣнна!

И внезапно тронутый, онъ положилъ свою руку на руку Кайи, лежавшую на краю стола — ея пальцы были такъ жестки.

Вдругъ заиграла музыка внизу.

— Они начинаютъ танцовать! — воскликнули Зундби.

— Ахъ, теперь будетъ музыка! — воскликнула фру Каутъ, счастливая.

Зундби начали дѣлать разныя дѣтскія танцевальныя движенія, какъ будто съ трудомъ усиживаютъ на мѣстѣ.

Внизу танцовали такъ, что весь домъ слегка дрожалъ.

— Знаете ли, Грентофтъ, это такъ оживляетъ домъ, — воскликнула фру Каутъ черезъ столъ.

И сразу загудѣлъ за всѣмъ столомъ общій разговоръ о свадьбахъ.

Особенно «инсепарабли» не могли наслушаться вдоволь:

Вслѣдствіе близости свадебныхъ залъ онѣ жили какъ бы въ вѣчной свадебной лихорадкѣ.

— Но мнѣ не могло бы притти въ голову устроить свадьбу въ субботу вечеромъ, — выпалила Лисси.

— Такъ, почему же? — насмѣшливо спросилъ Споркъ, дерзко глядя на нее. Это было спеціальностью обоихъ «попугаевъ» выпаливать замѣчательныя фразы, которыя давали возможность кинуть взглядъ въ такъ сказать фундаментъ ихъ чрезмѣрной невинности.

— Но, Богъ мой, Исъ, — сказала Эмми, — вѣдь это же было бы очаровательно, если бы первый день былъ воскресенье!

Фру фонъ Коссэ сказала разсудительно: «Ахъ, всѣ дни недѣли одинаково хороши», и скользнула взглядомъ по всему ряду мужчинъ, до Арне Оули.

Вдова Гассингъ, наоборотъ, ни за что на свѣтѣ не соглашалась выйти замужъ въ пятницу.

Внизу Грентофтъ велъ тихую бесѣду.

Онъ разсказывалъ о своей женѣ и ребенкѣ тихимъ, медлящимъ голосомъ, какъ бы лаская ее въ то время, какъ говорилъ.

— О, поглядѣли бы только, какая она изящная и добрая, при томъ она не выше, чѣмъ... — онъ показалъ ея ростъ рукой, — такая изящная и маленькая, — повторилъ онъ и улынулся, какъ будто бы она стояла передъ нимъ.

Фрѣкенъ Кайя молчала; самоваръ заслонялъ ея лицо.

Арне Оули сказалъ (онъ за столомъ всегда глядѣлъ въ сторону фрѣкенъ Кайи):

— Теперь вы сами должны съѣсть что-нибудь!

Она разсѣяннo взяла блюдо, которое онъ ей подаль и поставила его обратно нетронутымъ. Она только подняла голову и сказала тихо, съ тѣмъ же взглядомъ, какъ прежде, въ кухнѣ:

— Благодарю васъ, господинъ Оули.

Грентофтъ не переставая говорилъ о своемъ домѣ, женѣ и мальчикѣ.

Фрѣкенъ Кайя слушала молча, сложивъ руки на колѣняхъ.

— Какъ его звать? — спросила она вдругъ медленно, голосомъ, который, казалось, доносился очень издалека.

— Георгъ, — сказалъ Грентофтъ, улыбаясь.

Она повторила имя.

Внизу все еще говорили о свадьбѣ. Фру Каутъ сказала задумчиво:

— Ахъ, такъ хорошо сидѣть и думать о томъ количествѣ счастья, которое распространяется изъ этого дома...

Фрѣкенъ Эмми хотѣла бы вѣнчаться только въ деревенской церкви. А фру Гассингъ выразила желаніе своей жизни: «Въ Таарбской часовнѣ».

Фру Каутъ прервала: «Можно встать?»

Началось всеобщее движеніе въ то время, какъ фру Гассингъ добавила мягко:

— Тамъ птицы подъ крышей влетаютъ и вылетаютъ.

Грентофтъ взялъ руку Кайи и сердечно потрясъ ее:

— Да, да, такъ-то, фрѣкенъ Кайя: счастье, легко

сказать, но надо раньше сумѣть его поймать, а потомъ держать крѣпко.

Рука Кайи неподвижно лежала въ его рукѣ.

— Какія у васъ холодныя руки, — сказалъ онъ, взявъ и другую руку.

Она только обернулась, не отвѣчая. Спарре и Споркъ требовали ломберный столикъ и горячей воды для грога. Можетъ быть, вернулся капитанъ, и ему нужно было что-нибудь.

Грентофтъ взглянулъ на Арне Оули — и его глаза слѣдили за блуждающей Кайей — и сказалъ, тронутый:

— Вы, навѣрно, любите фрѣкенъ Кайю, бравый норвежець?

— Да, — сказалъ Оули своимъ мягкимъ голосомъ, — у нея такая тяжелая жизнь.

Оба помолчали нѣкоторое время. Кайя дѣловито входила и выходила.

Наконецъ Арне Оули попросилъ Грентофта разрѣшенія показать ему его комнату.

Зундби опять были у окна; внизу «вытанцовывали» невѣсту изъ дѣвичьяго положенія.

IV.

А внизу продолжали танцевать такъ, что домъ дрожалъ.

Трое гимназистовъ вернулись, и каждый разъ громко ругались, когда открывалась дверь, такъ что слышно было на всѣ стороны. Они получили корзинку яблоковъ изъ родного хутора и честно раздѣлили ее на три части; каждый положилъ свою часть въ свой комодъ. И вотъ часть младшаго украли.

Въ салонѣ дамы переходили съ мѣста на мѣсто и не уставали разсматривать рукодѣлія другъ друга.

— Здѣсь не очень тепло, — сказалъ Грентофъ и подошелъ къ фру Каутъ.

— Нѣтъ, Кайя, здѣсь никогда не бываетъ достаточно тепло, — сказала та.

— У насъ мы привыкли къ жарѣ, — сказалъ Грентофъ. — Иногда она становится слишкомъ велика, тогда она тяготѣетъ надъ человѣкомъ, какъ свинецъ.

Онъ сталъ опять рассказывать, о Южной Америкѣ, о большихъ рѣкахъ и дѣвственныхъ лѣсахъ по обѣимъ берегамъ, и о томъ, какъ хищныя звѣри смотрятъ

на пароходы неподвижными желтыми глазами. Онъ говорилъ о почти жуткой тишинѣ огромныхъ лѣсовъ, гдѣ лианы протянулись какъ зеленыя сѣти и солнце дробится сверкающими красками на поверхности моря. Онъ говорилъ о тропической ночи; о томъ, какъ беззвучно покоится она надъ моремъ; горя звѣздами.

Фру фонъ Коссэ-Мукадель давно уже занялась картами. Дѣвственные лѣса не интересовали ее.

Но фру Каутъ не уставала спрашивать. Вдругъ взглядъ ея упалъ на дочь; которая, заслушавшись, сидѣла на прежнемъ мѣстѣ Оули у окна.

— Нѣтъ, Кайя, какво! Ты еще не спишь! Кайя обыкновенно засыпала въ это время въ какомъ-нибудь углу.

— Да, здѣсь не трудно не заснуть, — сказалъ Грентофтъ смѣясь. Дверь не успокаивалась и на десять минутъ. Катрупъ, который до сихъ поръ смотрѣлъ у ломбернаго стола на игру; сошелъ внизъ, сѣлъ вытянувъ ноги и сталъ слушать.

Одинъ изъ братьевъ гимназистовъ кричалъ; чтобы ему дали керосину въ лампу. Фрѣкенъ Кайѣ приходилось бѣгать туда и обратно. Грентофтъ сталъ совершенно разсѣяннымъ отъ этой постоянной бѣготни.

— Веселые люди, — сказалъ онъ.

— Да, — отвѣтила фру Каутъ, — попривыкнешь. — Она опять стала, по своему обыкновенію, напѣвая, ходить взадъ и впередъ. — И это оживляетъ домъ, — прибавила она.

Затѣмъ она стала ходить изъ спальни въ салонъ и обратно, чтобы показать, что пора подыматься. Внизу

танцовали все веселѣй и возбужденнѣй, былъ слышенъ каждый шагъ. Наверху, въ третьемъ этажѣ, дверь, для воздуха, была широко открыта, и слышенъ былъ шумъ изъ-за карточного стола. Зундби, сидѣвшія у окна столовой, крикнули въ салонъ:

— Невѣста уѣзжаетъ!

Фру Гассингъ вскочила со стула.

Фру Каутъ натолкнулась въ своей темной спальнѣ на фигуру у окна.

— Это ты?

Это была Кайя. Она хотѣла видѣть отъѣзжающую невѣсту.

— Да, мама.

Она отошла отъ окна, какъ будто ее поймали въ воровствѣ.

— Теперь они уѣхали! — кричали Зундби, задыхаясь.

— Ахъ, фру Мукадель! — сказала одна изъ нихъ фру Коссэ, рѣшившей наконецъ покончить съ раскладываніемъ картъ. — Погадайте-ка новобрачнымъ!

— Вы еще не можете отдохнуть, фрэкенъ Кайя? — сказала Грентофтъ, который тоже вышелъ, чтобы видѣть отъѣздъ невѣсты.

— Ахъ, да, — сказала она и прибавила: — Въ субботу вечеромъ немного тяжело.

Грентофтъ взглянулъ на нее, свѣтъ отъ лампы падалъ на ея лицо. Какъ она постарѣла, и лицо застывшее и твердое, какъ деревянное.

— О, — сказалъ онъ растроганный, — и вы всегда на посту, утромъ и вечеромъ!

Фрэкенъ Кайя сперва не отвѣчала.

— Да, — сказала она послѣ нѣкоторой паузы, какъ будто только что разслышавъ, — вѣдь у насъ два этажа.

Молчали нѣкоторое время. Вдругъ Кайя сказала:

— Ахъ, какъ, должно быть, хорошо!

— Гдѣ?

— Тамъ... У васъ.

— Да, — отвѣтилъ онъ. — Но какъ же намъ быть? Найдемъ ли мы здѣсь мѣсто?

Онъ говорилъ серьезно. Онъ хотѣлъ жить здѣсь съ своей женой, для этого они пріѣхали. Пять мѣсяцевъ собирались они оставаться на родинѣ.

— Объ этомъ мы поговоримъ завтра, — сказала Кайя и встала.

Вдругъ Грентофтъ опять засмѣялся:

— Ахъ, Боже мой, фрэкенъ Кайя, помните ли вы, какъ мы однажды вечеромъ шли изъ казино и я завелъ васъ въ Ниторпѣ на катокъ. Вы разлетѣлись, поскользнулись и... трахъ! сѣли посреди катка на ту часть тѣла, которая дана намъ для сидѣнья...

Фрэкенъ Кайя засмѣялась довольно сухо и коротко, какъ человекъ, потерявшій привычку смѣяться.

— Ахъ да! И было такъ больно, что я почти не могла сидѣть потомъ въ омнибусѣ...

Подошла фру Каутъ. Она вдругъ вспомнила о кофточкахъ и спросила деньги.

Фрэкенъ Кайя невольно засмѣялась опять:

— Вотъ, мамъ! — сказала она и сунула ей въ руки нѣсколько кронъ.

— Какъ, все еще исторія съ кофточками? — спросилъ Грентофть.

— Да.

И они оба засмѣялись.

— О чемъ вы смѣетесь? Почему вы такъ смѣетесь? — спросила фру Кауть: довольно немилостиво.

— Старые дни, — сказалъ Грентофть.

Лицо Кайи просвѣтлѣло.

— Ахъ да, старые дни, — смѣялась она.

Она не сознавала сама того, что напѣваетъ небольшимъ чистымъ голосомъ, котораго никто не заподозрилъ бы въ ея деревянной фигурѣ, спускаясь въ кухню мимо открытыхъ дверей, изъ которыхъ, какъ изъ кабака, доносился табачный дымъ и гомонъ.

— Поди жъ ты! Это вы, господинъ Оули? — спросила она.

Арне сидѣлъ на кухонномъ столѣ, обнявъ колѣни, на мѣстѣ, покинутомъ барышнями Зундби.

— Чего вы сидите здѣсь?

— Гляжу на жизнь, — сказалъ онъ и отвернулъ глаза отъ танцующихъ.

— Да вы бы зашли туда, — сказала Кайя бодро.

Арне Оули колебался.

— Я не рѣшаюсь, — сказалъ онъ робко и тихо.

Фрѣкенъ Кайя прошла въ комнату Оули. Тамъ стояли дорожныя вещи Грентофта, такія красивыя и изящныя. Она разсмотрѣла все: чемоданъ, чехоль съ тростями, пледъ, и улыбалась. Значить, онъ богатъ.

На ночномъ столикѣ стояла карточка. Она ютала смотрѣть на лицо, на тонкую и нѣжную фигуру. Такъ

это была она, его жена. Въ каждую линію внигалась она. Ей не вѣрилось, что она еще могла такъ страдать.

Но она стояла какъ прикованная. Вскорѣ опять загрохоталъ Спарре, и она оставила карточку; какъ тѣнь проскользнула она мимо Арне, который все еще сидѣлъ, опустивъ голову на колѣни.

Она слышала, какъ Спарре распахнулъ наверху дверь.

— Получимъ мы, наконецъ, воду или нѣтъ?

Фрѣкенъ Кайя залилась краской—она увидѣла Грентофта — и пристыженная, возбужденная и измученная, она сказала злымъ, звонкимъ голосомъ:

— Да, если попросите объ этомъ.

Потомъ она захлопнула дверь за Спаррс.

Грентофтъ поблѣднѣлъ отъ гнѣва.

— Въ наше время мы не были такъ наглы, — сказалъ онъ госпожѣ Гассингъ, почувшавшей ссору и выжидательно переступавшей съ ноги на ногу.

— Ахъ, — сказала она озабоченнымъ тономъ, въ которомъ такъ и звучало удовлетвореніе: — Богъ мой, такъ много пансіонеровъ, выборъ такъ великъ.

— И потомъ, здѣсь, — прибавила она, глядя многозначительно въ дверь, которую захлопнула за собой Кайя, — такъ много скандаловъ въ домѣ. Это очень вредить... и отдаляетъ людей.

Кайя тѣмъ временемъ вернулась съ водой.

Грентофтъ слѣдилъ за ней глазами. И когда она вышла, онъ сказалъ возбужденно:

— Этого парня надо выставить!

Судорога прошла по лицу Кайи, долженствовавшая изобразить улыбку.

— Ахъ, зачѣмъ, — сказала она принужденно.

Она пошла дальше. Она не думала больше о Снарре.

Грентофтъ все слѣдилъ за тѣмъ, какъ она дѣловито двигалась среди всѣхъ этихъ чужихъ людей: то ставила свѣчу фру Коссэ на рояль, то несла лампу къ вдовѣ Гассингъ...

Въ салонѣ все еще сидѣли. Писатель только что вернулся домой и болталъ съ другими въ пальто, со шляпой въ рукахъ. Фру Мукадель дремала.

Было что-то похожее на ожиданіе поѣзда на вокзалѣ.

Наконецъ стали расходиться. Каждый получилъ свою свѣчу или лампу. Зундби скатились передъ писателемъ по периламъ лѣстницы.

— Покойной ночи, фрѣкенъ Кайя! — сказалъ Грентофтъ.

— Покойной ночи!

Она ушелъ.

Фрѣкенъ Кайя привела въ порядокъ стулья, въ то время какъ фру Каутъ стала приготовляться къ ночи. Она сняла платье и тихо напѣвала. Глаза Кайи слѣдили за ней.

Вдругъ она подошла къ ней, обвила руками ея шею и поцѣловала ее.

— Кайя, — сказала мать нетерпѣливо, — всегда ты такъ косолапа?

Кайя опустила руки. Одно мгновеніе она испытывала глухую боль, и ей казалось, что всѣ слезы, которыхъ

она не имѣла времени выплакать, подымаются въ ея груди.

Но тутъ она замѣтила Оули, скромно ждаваго въ углу, и спокойно, какъ будто ничего не произошло, она начала устраивать ему постель на диванѣ.

— Покойной ночи, фрѣкенъ! — сказалъ онъ.

— Покойной ночи!

Она едва разслышала его голосъ.

Когда она проходила мимо буфета, она вдругъ увидѣла цвѣты. Вѣдь она хотѣла поставить ихъ къ нему!

Но теперь уже было поздно. Онъ навѣрно уже легъ спать. Да, да, теперь было слишкомъ поздно.

Она взяла маленькій букетикъ и сказала:

— Я поставлю его къ мамѣ! — И тихонько отнесла она цвѣты въ салонъ, гдѣ поставила ихъ передъ мѣстомъ фру Каутъ.

Потомъ она пошла къ себѣ въ ванную и сложила свою постель изъ сложенныхъ въ углу постельныхъ принадлежностей. И дѣловито открыла и закрыла нѣсколько ящичковъ комода.

Вдругъ она улыбнулась; она вспомнила про кофточки.

— Какъ много лѣтъ мама вѣрить въ это... А между тѣмъ всѣ онѣ превратились въ пыльные тряпки.

Она все еще слышала Грентофта: «Помните, фрѣкенъ, помните ли вы еще...».

А его смѣхъ, его звонкій, бодрый смѣхъ!

Она долго лежала въ темнотѣ, но не спала. Она слышала всѣ звуки въ домѣ. Тихо отворялись и затворялись двери. Она услышала тихій стукъ по трубамъ

водопровода, которымъ официанты изъ свадебныхъ залъ подавали знакъ дѣвушкамъ верхнихъ этажей. По черной лѣстницѣ проносились шаги, и дверь во дворъ хлопала. Что-то шуршало и двигалось въ каморкахъ подъ крышей.

Фрѣкенъ Кайя долго лежала неподвижно во тьмѣ—наконецъ она сѣла въ постель и оперла голову на руки. Внизу какъ разъ расходились послѣдніе гости.

Въ мансардѣ третьяго этажа тоже не спали. «Исѣ» въ бѣлой ночной сорочкѣ влѣзла на окно. Эти вѣчные свадьбы совсѣмъ разгорячили маленькихъ Зундби. И долго фрѣкенъ Лисси глядѣла въ празднично освѣщенные залы внизу...

Наконецъ она вернулась къ уже задремавшей Эмми.

И картежники разошлись.

Катрупъ сидѣлъ на краю постели и подсчитывалъ выигрышъ:

— Хватитъ на три партіи билліарда на завтра, но безъ кофе...

Грентофтъ сидѣлъ еще у капитана, котораго онъ встрѣтилъ на лѣстницѣ. Тотъ былъ хорошимъ другомъ его старшаго брата и пригласилъ его на стаканчикъ грога къ себѣ въ комнату.

Они говорили о новомъ и старомъ. Разговоръ зашелъ и о домѣ.

— Да, — сказалъ Грентофтъ, неподвижно глядя на лампу, — фрѣкенъ Кайя, чортъ дери, была когда-то совсѣмъ хорошенькой... И потомъ у ней былъ такой милый голосъ, — прибавилъ онъ, все еще глядя на лампу.

Капитанъ поглядѣлъ удивленно на «южно-американца». «Это, конечно, иронія», подумалъ онъ.

V.

Пансіонъ пробуждался. Евгенія появилась съ ветхими щетками и тряпками въ столовой. Она двигалась очень шумно, не обращая вниманія на Арне Оули, который спалъ на диванѣ.

Всѣ двери она оставляла открытыми. Наконецъ ей пришло въ голову распахнуть окна въ салонѣ. Норвежець всталъ и сталъ бездомно бродить кругомъ, въ то время какъ Евгенія возилась съ холодной печкой, при чемъ она разсыпала коксъ по всему полу.

Фрѣкенъ Кайя возилась въ кухнѣ съ керосинкой, которая не переставала коптѣть. Всѣ молчали.

Евгенія стала собирать постель съ дивана, при чемъ заснула тутъ же, пока рѣзкое «Евгенія» не подняло ее на ноги.

Фрѣкенъ Кайя вошла съ керосинкой.

Вслѣдъ затѣмъ появилась фру Гассингъ, собиравшаяся на обычную утреннюю прогулку. Она была въ сѣромъ шлафрокѣ и огромномъ чепцѣ á la Charlotte Corday, размѣры котораго должны были скрыть приготовленія къ дневной прическѣ.

Надѣвая пальто, она очень любезно справлялась у Арне Оули, какъ онъ спалъ.

— Здѣсь на диванѣ немного высоко головѣ, — продолжала она въ томъ же тонѣ, — но вы такъ любезны! — она ждала какихъ-нибудь репликъ отъ фрэнкнъ Кайи, но та молча входила и выходила.

Вдругъ появился писатель, господинъ Федерсенъ, въ полномъ парадѣ, съ палкой съ серебрянымъ набалдашникомъ. Онъ хотѣлъ бы, чтобы ему пришили пуговицу къ перчаткѣ.

— Богъ мой! Господинъ Федерсенъ, вы уже встали? — воскликнула фру Гассингъ, дѣлая вдругъ странное движеніе, въ родѣ старой курицы, услыхавшей зовъ пѣтуха.

Писатель буркнулъ что-то себѣ подъ носъ, въ родѣ того, что надо заботиться о своемъ здоровьи.

Это было странностью господина Федерсена: онъ спорадически начиналъ предпринимать утреннія прогулки, — это длилось недѣлю или двѣ, — въ такую пору, когда въ пансіонѣ никто еще не успѣвалъ обуться.

Когда пуговица благополучно была пришита, фру Гассингъ, спрятавшись за шторой, стала слѣдить за направлениемъ писателя. Конечно, она такъ и думала. Паркъ Орстэдъ!

Въ третьемъ этажѣ началось оживленіе. Небесныя головы появлялись въ дверяхъ и требовали воды — казалось, что въ пансіонѣ Каутъ всегда царитъ недостатокъ въ водѣ, какъ будто воду покупали на фунты. Среди всеобщаго шума Катрупъ, довольный, раскинулся въ постели при настезь открытой двери.

У Спорка не было мыла, и онъ протягивалъ въ щель двери длинную голую руку.

Тѣмъ временемъ фру фонъ Коссэ и обѣ Зундби вышли къ чаю: у всѣхъ трехъ шеи были повязаны платками.

Фрэкенъ Кайя наливала чашки. Она походила на тѣнь, бродя такъ въ полутьмѣ около буфета, въ то время какъ фру фонъ Коссэ въ сотый разъ заявляла, что отъ ея окна дуетъ такъ, что это чувствуется подъ перинной.

— Да,—отвѣтила только Кайя изъ тьмы.

Открылась дверь въ спальню, и появилась фру Каутъ, она была оживлена, какъ птица, вылетѣвшая изъ гнѣзда; рассказывала, болтала, смѣялась, ей приснились самые невѣроятные сны.

— Мнѣ снились яйца,—сказала Лисси.

— А мнѣ, будто я рву розы на могилѣ родителей,—сказала Эмми.

— Кайя,—укоряла фру Каутъ,—ты вѣчно забываешь! Фру фонъ Коссэ ждетъ второй чашки чаю!

— Да, мама!—отвѣтила Кайя и принесла требуемое.

Зундби все еще не могли оставить тему о снахъ...

Изъ третьяго этажа позвали довольно громко, и Кайя пошла.

Въ кухнѣ стояли ведра съ мыльной водой и среди нихъ старыя сапоги и башмаки, которые Евгенія собиралась чистить. Дверь въ скромную каморку Спорка была открыта. Кайя видѣла все это, это было отраженіе ея собственной бѣдности.

Спаре опять кричалъ: ему нужны были его сапоги.

Катрупъ вышелъ въ кальсонахъ, чтобы почистить въ кухнѣ свой черный костюмъ. Присутствіе Кайи не смущало его; третій этажъ обращался съ Кайей какъ съ существомъ средняго пола.

Фрэкень Кайя принялась за работу. Она открыла окна и стала убирать комнаты. Она стояла какъ разъ въ комнатѣ Катрупа, когда услышала приближеніе Грентофта, и хотѣла быстро захлопнуть дверь. Но онъ уже увидѣлъ ее и вошелъ:

— Добраго утра, фрэкень Кайя, — сказалъ онъ и взялъ ея холодныя жесткія руки.

— Добраго утра.

Онъ оглядѣлся. Постель была еще не убрана и на простомъ столѣ лежало много потрепанныхъ книгъ. Дрябло висѣли жалкія шторы.

— Настоящій студенческій чуланъ, — сказалъ Грентофтъ.

— Да, — сказала Кайя. И вдругъ она собралась съ духомъ и высказала единственную мысль, преслѣдовавшую ее, пока она въ полумракѣ бродила среди всѣхъ этихъ людей:

— Здѣсь вы не можете оставаться, это не для васъ. Вы должны жить лучше...

Грентофтъ сказалъ нерѣшительно, ибо всю ночь и сегодня утромъ онъ думалъ о томъ, что не можетъ привести сюда свою жену.

— Развѣ здѣсь не хорошо жить?

— Ахъ, нѣтъ... послѣ пришлось такъ опуститься... конкуренція такъ велика... Это не мѣсто для про-

ѣзжихъ, — сказала она, съ трудомъ выговаривая каждое слово, и отвернулась.

Грентофтъ не отвѣчалъ. Онъ спросилъ ее только, гдѣ же надо жить. И она сказала ему адреса и цѣны и прибавила:

— Поищите, послѣ того какъ напьетесь чаю.

Она осталась на нѣсколько мгновений, послѣ того какъ опять ушла. Ей казалось, что все мысли ея остановились, — что вся кровь прилила къ ея сердцу, и оно тоже остановилось.

Потомъ она собралась съ духомъ и пошла наверхъ.

Грентофтъ сидѣлъ около фру Каутъ, все еще болтавшей и продолжавшей завтракать. Фру Гассингъ тѣмъ временемъ вернулась, и Зундби съ фру Коссэ окружили ее съ напряженнымъ любопытствомъ.

Вдова возбужденно рассказывала свои переживанія:

— Дѣйствительно, это было rendez-vous — и представьте себѣ, съ новой... Маленькая, смѣлая дѣвчонка — въ красной шляпѣ...

— Это можно было думать, если онъ такъ рано улеталъ утромъ... И все въ паркѣ Орстэдъ, — прибавила она.

— Гм, — сказала фру фонъ Коссэ и улыбнулась многозначительно, — утромъ это начинается...

Зундби густо покраснѣли отъ негодованія, но продолжали спрашивать. Четыре дамы тѣсно сдвинулись. Допосились отдѣльные слова.

— Она изъ театра! — Грентофтъ сѣлъ въ уголокъ. Онъ глядѣлъ на дамъ, которыя болтали и жестикулировали, наклонивъ головы другъ къ другу. За столомъ сидѣли студенты и ругались. Свѣтъ не проходилъ какъ слѣ-

дуетъ въ единственное окно. Не становилось свѣтлѣе, и лица всѣ выглядѣли сѣрыми.

Одна фру Каутъ, съ тонкимъ старымъ лицомъ, сидѣла подвижная и свѣжая, какъ бы впитывая только жизнь изъ всего этого безпокойства.

Фрэкень Кайя принесла фру Гассингъ ея кипяченое молоко.

* * *

Грентофтъ уѣхалъ.

Онъ поднялся, какъ бы сбрасывая съ себя тяжесть, и схватилъ ея руку.

— Я ухожу,—сказалъ онъ,—такъ какъ здѣсь нѣтъ мѣста.

Фрэкень Кайя только улыбалась, она не могла найти словъ.

Тихо спустилась она въ комнату Арне и собрала вещи Грентофта медленно, предметъ за предметомъ. Она заперла чемоданъ, когда вошелъ Арне.

— Это я, фрэкень,—сказалъ онъ.

Кайя смутилась и хотѣла итти.

Но внезапно онъ взялъ ея руки, какъ бы чувствуя всѣ ея страданія:

— Ахъ, фрэкень,—сказалъ онъ только, и въ голосѣ его почти звучали слезы.

Кайя остановилась, и внезапный свѣтъ озарилъ ея лицо, въ то время, какъ она меньше, чѣмъ на секунду, прислонилась къ плечу Арне.

— Оули,—сказала она,—если бы когда-нибудь вы

были счастливы! — Она отпустила его. Ея голосъ прозвучалъ такъ нѣжно, какъ ласка...

Кайя ожила, Арне стоялъ у окна и глядѣлъ неподвижно черезъ дома и людей. День былъ сѣрый и тяжелый.

На лѣстницѣ слышалась громкая болтовня; «инсепарабли» отправлялись въ церковь.

Сверху доносилась громкая перебранка фру фонъ Коссэ и Евгени. Когда эта барыня говорила съ подчиненными, можно еще было услышать въ звукѣ ея голоса, что она тремя браками поднялась изъ молочницъ въ дворянки.

* *
*

Загудѣли церковные колокола. Оба троттуара были переполнены. Шли взадъ и впередъ. У многихъ въ рукахъ были молитвенники.

Вдругъ слезы навернулись на глаза Арне Оули, и охваченный глубокой неопикуемой болью онъ заплакалъ — заплакалъ на порогѣ жизни.

— —

Прекрасный день.

I.

Никто не могъ постичь, какъ, въ сущности, все это произошло.

Когда генералу фонъ Варену пришла мысль, чтобы Софія Симонинъ играла и въ ихъ городкѣ, и пришла телеграмма съ отвѣтомъ, что она «будетъ имѣть честь», если внесутъ только 6000 франковъ въ финляндскій банкъ, то конечно чету Этвезъ послали съ подписнымъ листомъ. Ихъ всегда посылали съ подписнымъ листомъ, это уже само собой подразумѣвалось; каждый разъ, когда образовывался комитетъ—для сбора ли пожертвованій, для устройства базара или подписнаго бала. Всегда на нихъ возлагалось порученіе бѣгать и устраивать: на фру Этвезъ, маленькую, сморщенную, узкую въ плечахъ и плоскую сверху донизу, какъ доска. Все у ней безпрестанно двигалось, голова, руки, ноги и ротъ; глаза были единственнымъ, что оставалось спокойнымъ, казалось, что они не знаютъ, что било черезъ края рта, и горѣли они своеобразно, озабоченно—глубоко, глубоко въ своихъ впадинахъ.—И на старшаго учителя въ широкихъ штанахъ, треплющихся на

худыхъ ногахъ; съ ученическими тетрадкама въ распяленныхъ карманахъ пальто, съ разлетающимися полами сюртука, когда онъ неся, какъ на приступъ, грудь впередъ, съ развѣвающейся гривой; эта львиная грива да невѣроятная грудная клѣтка были единственнымъ, что оставалось отъ студента и популярнаго пѣвца Этвеза изъ Гельсингфорса, котораго называли богатыремъ...

Итакъ, какъ уже сказано, чета Этвезъ бѣгала съ подпиской на Софію Симонинъ — и конечно, когда прибыла артистка, они были на вокзалѣ, такъ же, какъ и другіе. Одни члены комитета стояли на вытяжку съ торжественнымъ видомъ, другіе нетерпѣливо топтались; только генеральша, вооруженная большимъ привѣтственнымъ букетомъ, имѣла свой обычный сонно-аристократическій видъ.

И вотъ госпожа Симонинъ прибыла: маленькая, добродушная, улыбающаяся, кланялась, болтала, здоровалась и, наконецъ, пока еще не успѣли оглянуться, уѣхала въ коляскѣ генерала со своей «труппой», двумя сопровождавшими ее господами и съ учителемъ, въ качествѣ четвертаго, на мѣстѣ, предназначенномъ для генерала.

Одному Господу извѣстно, какъ туда попалъ Этвезъ! Госпожа Симонинъ смѣялась, и господа изъ «труппы» смѣялись, и дверца захлопнулась, а Этвезъ при этомъ зацемилъ свою шерстяную шаль — вязанья шерстяныя шали были спеціальностью фру Этвезъ и главной защитой семьи отъ зимнихъ холодовъ: имъ было достаточно, если у нихъ была защищена шея. Генераль

стоялъ, какъ облитый изъ ушата, и глядѣлъ вслѣдъ своему собственному экипажу; онъ не сумѣлъ сдѣлать ничего, кромѣ нѣсколькихъ поклоновъ передъ дверцей...

Такъ что это случилось, должно быть, уже на пути или во время прощанія, что госпожа Симонинъ съ сердечной простотой заявила:

— Да, да—мы завтра обѣдаемъ у васъ.

Откуда могла она знать, кто былъ головой комитета и кто его пяткой?

Господинъ Этвезъ еще постоялъ нѣкоторое время послѣ того, какъ артистка вышла изъ экипажа съ шляпой въ рукѣ у дверей гостиницы. Онъ не вѣрилъ своимъ ушамъ: они собирались завтра обѣдать у него!

Они хотѣли оказать ему завтра честь отобѣдать у него!

Онъ не могъ составить себѣ яснаго представленія объ этомъ, у него закружилась голова. Онъ побѣжалъ домой, къ Адольфѣ, чтобы облегчить сердце... Тутъ была не одна честь, было еще что-то, какое-то бремя; Ухъ! ему стало совсѣмъ жарко, пока онъ бѣжалъ.

— Но, какъ же, Якобъ!—воскликнула жена; она еще была въ своемъ слишкомъ короткомъ мерлушковомъ жакетѣ и возилась съ младшимъ.

Фру Этвезъ никогда не успѣвала снять верхнее платье — всегда приходилось бѣжать куда-нибудь и зачѣмъ-нибудь; и во всѣхъ углахъ падалъ кто-нибудь изъ ея девяти и плакалъ, или случалось еще что-нибудь....

Этвезъ тяжело опустился на стулъ. Ему казалось,

что онъ совѣмъ съ ума сошелъ здѣсь при видѣ восьми починенныхъ камышевыхъ стульевъ и. обоевъ (Этвезъ не могъ отвести отъ нихъ глазъ), заклсенныхъ въ столѣ-кихъ мѣстахъ свѣжими заплатами.

— Что случилось, Якобъ?

Жена испуганно остановилась съ младшимъ на рукахъ.

— Они будутъ обѣдать завтра здѣсь! — сказалъ Этвезъ; какъ человѣкъ, для котораго все погибло.

— Кто — они? — спросила жена, не понявшая ни звука.

У Этвезъ никогда никто не обѣдалъ, кромѣ девяти, а потомъ самъ учитель и горничная ѣли, что оставалось.

— Она, госпожа Симонинъ, хочетъ обѣдать у насъ.

И чтобы разсѣять все сгущавшуюся атмосферу, господинъ Этвезъ началъ говорить очень громко о чести, о великой чести, потому что ихъ, въ нѣкоторомъ родѣ, предпочли генералу...

Но фру Эвезъ не слухала. Ей пришлось сперва сѣсть. И глядя на мужа крайне испуганными глазами, она сказала тихо и жалобно:

— Ахъ, нѣтъ, Якобъ, какъ же это возможно? О, нѣтъ, Якобъ, какъ же это могло случиться?

Что это «случилось», въ этомъ она не сомнѣвалась ни одного мгновенія: Она такъ привыкла къ тому, что всегда должно «случиться» что-нибудь непріятное.

Этвезъ кончилъ про честь и вытеръ лобъ; онъ самъ не зналъ, какъ это произошло.

— Она сказала, что хочетъ у насъ обѣдать, — повторилъ онъ, отдышавшись немного.

— И ты говоришь, завтра? — спросила жена.

— Да.

Фру Этвезъ провела худыми руками по рѣдкимъ волосамъ и сжала виски. Такъ дѣлала она всегда, когда случалось что-нибудь особенно мучительно. Въ теченіе времени она, казалось, сдѣлала двѣ дыры на мѣстѣ бѣдныхъ висковъ, такъ они были вдавлены.

Теперь она продолжала сжимать ихъ:

— Но, Якобъ, нѣтъ; великій Боже, здѣсь! — И она ломала руки и оглядывала комнату отъ стѣны къ стѣнѣ. — Нѣтъ ни одного цѣльнаго предмета мебели!

Этвезъ не отвѣчалъ; онъ тоже обслѣдовалъ территорию и нашелъ, что театръ дѣйствія — «раучге».

На нѣсколько времени настала тишина. Фру Этвезъ начала ходить взадъ и впередъ.

— Можешь ли ты получить авансъ? — спросила она тихо.

— Конечно, голубушка, конечно, дитя мое! — Этвезъ собрался съ силами.

— Я долженъ, да, я долженъ, — повторилъ онъ дважды.

— Но двѣсти марокъ, двѣсти марокъ! — Фру Этвезъ сказала это такимъ тономъ, какъ будто никакая сила въ мірѣ не могла добыть такую сумму, — меньше, чѣмъ на двѣсти марокъ этого нельзя вовсе сдѣлать...

Она назвала эту сумму наугадъ; въ дѣйствительности же она не имѣла ни малѣйшаго представленія, что можно сдѣлать за эти деньги. Она не видала у себя гостей съ крестинъ третьяго нѹмера, и то было всего

нѣсколько товарищей ея мужа, собравшихся на жаренаго гуся.

Фру Этвезъ продолжала ходить взадъ и впередъ. Она была совсѣмъ разбита этимъ послѣднимъ испытаніемъ.

— Придется вѣдь пригласить весь комитетъ, — сказала она усталымъ голосомъ.

— Да, душечка, — отвѣтилъ Этвезъ, который очень оробѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ рѣчь зашла объ авансѣ.

Она, между тѣмъ, соображала:

— Кушанья, это еще не самое плохое, можно взять повариху. Но все остальное, все остальное... уже одна сервировка... Ей кажется, что у нихъ нѣтъ двухъ цѣльныхъ скатертей...

— Якобъ, такъ ты уходишь, — сказала она все тѣмъ же тихимъ тономъ, — ты идешь за... деньгами?

— Да, душечка, — отвѣтилъ Этвезъ. Холодный потъ струился по его челу.

Объ авансѣ не могло быть и рѣчи, и онъ не лучше зналъ, откуда достать двѣсти марокъ, чѣмъ младшій изъ девяти, сидѣвшій посреди комнаты и ревѣвшій.

— Дѣти, дѣти, — укоряла жена остальныхъ восмерыхъ; колесившихъ по столовой.

— Да, такъ, я иду, — сказалъ учитель и всталъ. Его длинныя ноги отяжелѣли.

Фру Этвезъ колебалась.

— Можетъ быть, ты могъ бы признать деньги у Церлахіуса, — сказала она медленно и растягивая.

— Я тоже думалъ объ этомъ, — отвѣтилъ Этвезъ. Онъ нисколько не думалъ объ этомъ. Но теперь онъ пошелъ сдѣлать эту попытку.

Когда онъ ушелъ, маленькая женщина опустилась на мгновение на стуль, съ котораго онъ только что всталъ, — когда, дѣйствительно, фру Этвезъ пришлось изрѣдка присѣсть, у ней былъ такой видъ, какъ будто она сейчасъ сломится. Ей казалось, что въ мозгу у нея ползають муравьи...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ; кушанье еще не самое плохое, — бормотала она безпрестанно, сидя съ качающейся головой.

— Что тамъ опять? — вскочила она.

Въ столовой раздался грохотъ, какъ будто деревянный домъ разсѣлся по швамъ. Одинъ изъ девяти хлопнулся.

— Силла, Силла! — позвала фру Этвезъ служанку.

— Сил-ла!..

— А я еще въ жакетѣ! — сказала она и, совершенно обившаяся съ толку, схватилась за волосы.

Фру Этвезъ часто дѣлала внезапное открытіе, что она въ совершенно неподходящее время находится въ томъ или другомъ одѣяніи.

— Силла, Силла! — крикнула она опять, снимая жакетку. Силла появилась съ тряпкой: такъ часто случалось, что кто-нибудь изъ младшихъ неприлично вель себя гдѣ-нибудь въ углу.

— Да, да, — сказала фру Этвезъ, — все въ ней опять пришло въ движеніе: — Такъ надо также... Такъ надо еще...

Силла должна была тотчасъ же пойти къ директоршѣ и попросить адресъ поварихи.

II.

Этвезъ, дѣйствительно, досталъ 100 марокъ.

— Съ возвратомъ не спѣшите,—сказалъ добродушно господинъ Церлахіусъ.

Вернувшись, онъ засталъ въ домѣ все вверхъ дномъ. Въ коридорѣ была нагромождена вся мебель. Хорошо, что она могла опираться другъ на друга.

Озорники съ визгомъ катались взадъ и впередъ, какъ будто весь домъ — катокъ. Въ комнатѣ Силла мыла полъ. Она высоко подоткнула юбки, и крѣпкія бедра ея дрожали отъ усердія подъ легкимъ платьемъ.

Фру Этвезъ сидѣла и разсматривала скатерть.

— Досталъ?—сказала она поспѣшно, глядя на входящаго мужа. Было что-то особенное въ немъ. Она сразу замѣтила: онъ досталъ.

— 100 на сегодня,—сказалъ онъ и быстро подвинулъ ей пять золотыхъ черезъ столъ.

— Ну, слава Богу.....

Это вырвалось у ней, какъ вздохъ: вѣдь это была только капля на раскаленный камень ея заботъ.

— Войди, Этвезъ,—сказала она,—вѣдь тебѣ надо поправлять тетрадки.

Учитель ощущалъ гордость и говорилъ о разныхъ людяхъ, которыхъ надо было пригласить:

— Потомъ надо здѣсь украсить,—продолжалъ онъ,—мы должны все прибрать, какъ слѣдуетъ.

Онъ сталъ мѣрить своимъ длинными руками зіяющія пустотой стѣны, какъ бы развѣшивая невидимыя гирлянды.

— Ахъ, знаешь, милочка,—сказалъ онъ покровительственнымъ тономъ,—можно сдѣлать много изъ ничего.

— Да, Этвезъ, да... войди только въ комнаты.

На всемъ полу не было сухого мѣста. Силла мыла такъ, что пѣна струилась потоками, а Эммелина, старшая дѣвочка, ходила въ войлочныхъ туфляхъ и вытирала мебель — на мебели Этвезовъ всегда оставалось такъ много забытыхъ отпечатковъ пальцевъ.

Фру Этвезъ разставила запасъ хрусталя на столъ. Это была грустная, опустившаяся компанія. Она утомленно опустила руки на колѣни.

— Ахъ, душечка,—сказалъ онъ,—стаканы мы принайдемъ.

Фру Этвезъ соглашалась, что придется признаться.

— Да,—сказала она,—но это стоитъ денегъ, Якобъ. Этвезъ ушелъ.

Вслѣдъ затѣмъ появилась одѣтая въ черное длинная и крайне худая фигура, которую фру Этвезъ послѣ многихъ комплиментовъ счастливо усадила на стулъ посреди комнаты.

Это была повариха, госпожа Бернеръ.

Прошло нѣсколько минутъ, но женщина сидѣла молча и ждала, уставившись на фру Этвезъ, откинувъ голову; при чемъ страхъ бѣдной, маленькой хозяйки все увеличивался: она думала, что женщина уже обидѣлась. Легко можно было подумать это относительно фру Бернеръ велѣдствіе ея особенной манеры держать голову; въ дѣйствительности же это была только привычка ея ремесла, вызванная ея стараніями держать лицо какъ можно дальше отъ жары очага и избѣгать брызгающихъ сковородъ.

— Да,—сказала наконецъ фру Этвезъ,—намъ надо значить, — она говорила, какъ бы извиняясь, — принять завтра гостей... и вотъ, мы хотимъ... Шестнадцать, — выпалила она такимъ тономъ, какъ будто высказала и преодолѣла самое ужасное.

Фру Бернеръ только кивнула. Потомъ она спросила усталымъ, подавленнымъ, богобоязненнымъ голосомъ, остановивъ взоръ на стаканахъ:

— Сколько блюдъ?

— Да, да,—пробормотала фру Этвезъ, которая еще больше робѣла отъ этого голоса. (Значить, она считаетъ это дѣло совсѣмъ безнадежнымъ,—думала она про себя).

— Да, да, это избалованные люди, очень избалованные люди, мадамъ.

— Тогда надо, по меньшей мѣрѣ, шесть, — сказала женщина все тѣмъ же утомленнымъ тономъ.

Что-то такое было въ этой женщинѣ, отчего каза-

лось, что она всегда говорить, молитвенно сложивъ руки.

— Да,—отвѣтила фру Этвезъ, безпрестанно ерзавшая на стулѣ. Она сказала бы то же самое, если повариха говорила бы о шестнадцати блюдахъ.

Фру Бернеръ принялась за меню и называла блюда, закуски и «гарнитурѣ» такимъ тономъ, какъ будто бы перечисляла по молитвеннику десять казней египетскихъ (голосъ ея сталъ такимъ отъ болѣзни; у ней былъ катаръ желудка отъ пробованія разныхъ блюдъ), въ то время какъ фру Этвезъ, ничего не понимавшая въ этомъ, только повторяла:

— Да, только бы было хорошо, только бы было хорошо... — И вдругъ она сдѣлала движеніе рукой, какъ бы желая скрыть несчастные стаканы, ей казалось, что женщина не сводитъ съ нихъ глазъ.

— Стаканы мы достанемъ, — сказала она.

Но фру Бернеръ все еще оставалась въ своемъ мнорномъ тонѣ, въ то время, какъ фру Этвезъ, предполагавшая, что это именно ея случай такой тяжестью ложится на женщину, унывала все больше и больше, — и тѣ названія, которыя шли изъ устъ поварихи, еще усиливали ея уныніе. Она сказала горестно:

— Да, это тяжело, это дѣйствительно тяжело... А что это будетъ стоить? — спросила она внезапно. Глаза ея боязливо слѣдили за жесткими пальцами женщины, которые, считая, двигались по столу, какъ бы играя упражненія на рояли.

— Мы обойдемся на сегодняшній вечеръ сотней марокъ... — объявила она.

Фру Этвезъ еудорожно схватила кошелегъ.

-- Да,—сказала она,—я сейчас дамъ вамъ эти деньги, и она медленно выложила золотыя на столъ, монету за монетой, какъ знатоки обращаются съ рѣдкостями, при чемъ слезы выступили ей на глаза.

Фру Бернеръ спрятала деньги.

-- Гдѣ будутъ обѣдать?—спросила она все тѣмъ же тономъ.

-- Обѣдать?... Мы хотимъ здѣсь обѣдать...

-- Ахъ, да, такъ,—сказала женщина, которая, быть можетъ, и не слушала вовсе, но все-таки сдѣлала такое лицо, какъ будто этотъ отвѣтъ для нея новый ударъ.

-- Богъ мой! Видите ли—мы совсѣмъ не подготовлены... это случилось съ нами такъ внезапно... такъ внезапно...

Фру Бернеръ захотѣла видѣть кухню.

Передъ этимъ фру Этвезъ давно уже тайно трепетала — кухня была далеко не самой сильной стороной Силлы, и при всемъ желаніи о ней нельзя было сказать, что она блестяща чистотой.

— Да, кухню, — сказала она, — конечно...

Она поднялась.

— Дѣти, дѣти, — укоряла она, — ахъ, дѣти!

Всѣ девять тѣмъ временемъ, слушая, собрались въ кучку на мокромъ полу, одинъ на другомъ, и теперь они съ крикомъ и смущенно бросились въ разныя стороны.

Они понимали, что дѣло идетъ объ ѣдѣ, о большомъ количествѣ ѣды.

— Эммелина, посвѣти намъ,—сказала фру Этвезъ.—

Здѣсь; вотъ, пожалуйста, вотъ этой сторонкой... мы вѣдь неподготовлены, видите ли...

Въ кухнѣ Силла развѣсила на четырехъ веревкахъ пленки для просушки.

— Ахъ, у Силлы тутъ постирушка,—первно улыбнулась она и изъ смущенія стала сдергивать полумокрыя маленькія тряпки.

— Это плита?—спросила только повариха.

— Да. Свѣти же намъ, Эммелина, свѣти же!

Эммелина подняла свѣчку надъ жалкимъ очагомъ; на которомъ валялись разные лохмотья, которые Силла называла посудными тряпками.

— Четыре отверстія,—сказала фру Бернеръ, обдумывавшая стратегическій планъ и озабоченно разсматривавшая мѣсто, предназначенное для битвы.

— Да, она немного проржавѣла; свѣти, Эммелина; да, она проржавѣла немного, — сказала фру Этвезъ, сердце которой судорожно сжалось во время осмотра; ей казалось, что эта чужая женщина до дна видитъ ея бѣдность передъ этой запущенной отъ неупотребленія плитой...

— Она немного проржавѣла... (Вьюшки трехъ отверстій были совершенно красны; Этвезъ довольствовалась однимъ отверстиемъ).

— Но у насъ есть фарфоръ,—сказала она вдругъ безъ всякаго повода.

— Полный сервизъ на восемнадцать персонъ... отъ Кронберговъ, свадебный подарокъ семейства Кронбергъ, — прибавила она.

И она вдругъ заговорила о семействѣ Кронбергъ;

гдѣ ей жилосьъ; какъ дочери (фру Этвезъ была тамъ гувернанткой), когда живъ былъ еще старый графъ; и они такъ много путешествовали—она заговорила, хватаясь усердно и лихорадочно, какъ бы желая украсить свою пустую кухню, предками Кронберговъ...

— Да, ну такъ покойной ночи,—сказала фру Бернеръ, мученическое лицо которой не повеселѣло и отъ семейства графовъ Кронбергъ. — Я, значить, приду завтра въ семь.

— Покойной ночи, посвѣти же, Эммелина, посвѣти.

— Покойной ночи.

Эммелина свѣтила женщинѣ. Фру Этвезъ осталась въ остывшей кухнѣ,—она сидѣла на старомъ полнѣнѣ около очага и плакала.

Кто-то подкрался въ темнотѣ.

Это была Эммелина. Она постояла нѣкоторое время въ темнотѣ около тихо плачущей матери. Потомъ она нѣжно обняла ея голову:

— Мама,—прошептала она,—на что намъ эти чужіе?

И она тоже заплакала, совсѣмъ тихо тихо.

Фру Этвезъ отняла руки отъ лица.

— Тише,—сказала она,—я слышу папу.—Такъ онѣ обѣ вошли въ комнату.

* * *

Не трудно было услышать Этвеза, потому что онъ воодушевленно кричалъ по всѣмъ комнатамъ, бѣгая назадъ и впередъ, такъ что брюки его трепались:

— Они будутъ, они непремѣнно будутъ!—какъ будто онъ еще сомнѣвался въ этомъ чудѣ.—Я былъ у ней,—сказалъ онъ нѣсколько тише.

— Ахъ, Якобъ...

— Но вѣдь они просили меня, душечка,—пробормоталъ онъ.

— Но какъ она играла, Адольфа!—воскликнулъ онъ вдругъ совершенно измѣнившимся тономъ и сѣлъ, скрестивъ ноги, наклонивъ впередъ посѣдѣвшую гриву артиста, какъ бы еще слушая музыку...

Этвезъ сидѣлъ тамъ наверху въ гостиницѣ среди шубъ и чемодановъ, остатковъ трапезы и пустыхъ картонокъ, сидѣлъ съ глазами голодной собаки и клушалъ:

— Вы любите музыку?—спросила она совершенно равнодушно, въ то время какъ пальцы ея перебѣгали отъ простыхъ гаммъ къ рапсодии Листа.

Онъ только кивнулъ, не спуская глазъ съ ея лица.

Она смѣялась, а пальцы ея летали. Теноръ доставалъ концертное платье и раскладывалъ юбки на стульяхъ; потомъ онъ досталъ туфли, завернутыя въ атласную ленту отъ вѣнка...

Она перешла на маршъ и отбарабанивала финалъ, чтобы испытать руки послѣ путешествія.

— Не пострадалъ,—сказала она удовлетворенно о своемъ бахштейновскомъ роялѣ и опустила руки.

— Вы любите это?—спросила она съ добродушнымъ безразличіемъ.

Учитель неподвижно усталился передъ собой среди платьевъ и нижнихъ юбокъ—слезы бѣжали по его щекамъ.

Фру Этвезъ не была расположена дѣлить его воодушевленіе. Она сказала только:

— Повариха приходила.

— Ну?—сказаль Этвезъ; качая головой.

— Она ушла, взявъ сто марокъ—для начала...

Учитель, казалось, пробудился.

— У насъ, въ сущности, вѣдь еще есть кредитъ—у большихъ торговцевъ, — сказалъ онъ.

Для повседневной жизни они обычно не покупали у большихъ торговцевъ—значить тамъ они ничего не были должны.

Фру Этвезъ тоже уже думала объ этомъ: у Якоба Свенсона она могла получить товаръ въ долгъ, а у Свенсона было все, что угодно.

— У Якоба Свенсона есть вина, — сказалъ учитель въ раздумьи.

— Да, Якобъ, — кивнула фру Этвезъ, — но вѣдь когда-нибудь придется платить.

Этвезъ зналъ это.

— Но не можемъ же мы не принять во вниманіе эту большую честь, — сказалъ онъ и сталъ ходить взадъ и впередъ.

— Намъ будетъ шестнадцать...

— Да, — отвѣтила она, — если пригласимъ и директора съ женой.

Этвезъ остановился посреди комнаты съ вытянутой рукой и опять сказалъ съ тѣмъ же задумчивымъ взглядомъ влажныхъ глазъ:

-- Адольфа... какъ она играла!...

Фру Этвезъ наконецъ счастливо уложила мужа и восемь маленькихъ.

Было такъ трудно съ Этвезомъ, пока онъ не уляжется. То ему приходило въ голову что-нибудь, что позабыли, или каждая пять минутъ ему приходила въ голову «идея», и, развивая ее, онъ безпрестанно входилъ и выходилъ по свѣже вымытому полу.

Но теперь всѣ улеглись, только одна Эммелина не легла. Она помогала матери вытирать посуду, и она дѣлала это осторожно и обдуманно, крѣпко сжавъ ротъ, съ застывшими глазами, какъ бывасть съ дѣтьми.

А у фру Этвезъ работа не спорилась. Каждое мгновение она вскакивала и бѣгала съ пустыми руками.

— Записка! Куда я задѣвала записку.

Это была записка посуды для поварихи.

Наконецъ ее нашли въ шкапу, куда фру Этвезъ засунула ее въ разсѣянности и суматохѣ.

Теперь она сидѣла и обдумывала. Сковороды, противни, горшки, всего этого нельзя было взять на прокатъ или одолжить.

— Мама, — сказала Эммелина задумчивымъ, таинственнымъ голосомъ. — Вѣдь такъ часто приходится перешоптываться съ матерью о томъ, чего другіе не должны были слышать. — У Герды въ клубѣ такъ много сковородъ и кухонной посуды...

Но мать не слышала. Она чувствовала себя, какъ-то странно сегодня вечеромъ; всѣ ея мысли сбиутались,

и давно забытыя воспоминанія всплывали въ ея головѣ. Она думала о томъ времени, у Кронберговъ... о, когда она путешествовала... И она вспомнила о той зимѣ, когда впервые встрѣтилась съ Этвезомъ, онъ въ ту пору былъ солистомъ на всѣхъ концертахъ...

— Да, мама, — сказала опять Эмелина, — въ клубѣ есть.

Ея мысли все еще были заняты отсутствующей кухонной посудой.

— Да, дитя мое. — Фру Этвезъ пробудилась.

— Ахъ, Богъ мой, — воскликнула она, — не забыть бы намъ чурбагъ для ножки рояля. — Это была ассоціація съ мыслью о концертахъ.

— А теперь ступай спать, Эмелина. Ложись спать, мое дитя.

Эмелина поднялась; сложила все осторожно и сказала, останавливаясь около матери:

— Мама, какъ ты думаешь, повариха честная?

— Будемъ надѣяться, — вздохнула фру Этвезъ. — Покойной ночи, дитя мое.

Фру Этвезъ тоже поднялась. Она хотѣла взглянуть, высохъ ли полъ въ комнатѣ. Съ поднятой свѣчой стояла она посреди комнаты и оглядывалась во всѣ стороны.

Никогда ей не казалось все такимъ бѣднымъ.

Туго натянутыя шторы, все же слишкомъ короткія; широко разставленные стулья, все же не наполнявшіе комнаты; скатерть, которую ей подарили ея дѣвочки на Рождество, какъ бѣдно, какъ жалко...

Да, да, такъ было. Здѣсь протянулась ея жизнь.

Здѣсь она родила дѣтей; тщетно разсчитывая, чтобы свести концы съ концами. Здѣсь она кормила и снова рожала. Здѣсь она отцвѣла; тщетно сэкономила, опять рожала и опять тщетно старалась прикрыть нужду; въ то время, какъ все изнашивалось и разваливалось. А Этвезъ — спина его согнулась, какъ и у нея. Отъ трапезы до трапезы, — вотъ ея трудъ; отъ урока до урока, — вотъ его, какъ на каторгѣ... Но вѣдь они любили другъ друга. Богъ мой! Такъ ли? Она, право, не знала. Чтобы любить, надо думать, а на это у ней не было времени. Она возилась и работала вѣчно, день за днемъ; съ долгами и девятью, которыхъ надо было накормить и одѣть.

Устало повернулась она и пошла въ спальню.

Учитель проснулся и сѣлъ въ постели.

— Послушай, — сказалъ онъ, — ея портретъ мы повѣсимъ надъ роялюю.

Этѣ была фотопитія, изображающая Софію Симонинъ; которую въ качествѣ рекламы раздавали по домамъ.

— Да, Этвезъ, — отвѣтила жена.

Тотчасъ же затѣмъ онъ опять заснулъ.

Фру Этвезъ еще сидѣла на краю постели; когда Эммелина подняла голову съ подушки и прошептала таинственно:

— Мама, еще въ кошелькѣ у Иоахима есть тридцать марокъ.

Мать тоже подумала о капиталѣ Иоахима.

— Да, да, дитя, — отвѣтила она, — но спи теперь! Покойной ночи! Покойной ночи!

Фру Этвезъ еще долго не спала и глядѣла въ тем-

ноту. Теперь они больше не будут бѣгать по комитетамъ и съ подписными листами... Но вѣдь музыка была ихъ общей радостью... Они всегда плакали вмѣстѣ радостными слезами...

Она стала тихо засыпать съ полуоткрытыми глазами; у ней теперь былъ заячій сонъ; тринадцать лѣтъ она прислушивалась къ колыбели, вытянувъ руку за край постели...

— Ингу надо будетъ одѣтъ въ бѣлое платье. — Мысли ея вертѣлись надъ тѣмъ, что кто-нибудь изъ девяти долженъ войти въ столовую послѣ десерта, — такъ бывало у Кронберговъ.

Потомъ она заснула.

Эммелина лежала тихо и прислушивалась къ дыханію матери. Горькое чувство грызло ея молодое сердце.

III

Посуда изъ клуба прибыла, и фру Бернеръ дѣловито возилась на кухнѣ. Въ своихъ приготовленіяхъ она двигалась съ какимъ-то подчеркнутымъ набожнымъ смиреніемъ; какъ діаконисса среди постелей больныхъ.

Силла варила и чистила.

— Боже мой, въ желудкѣ все это смѣшается, — говорила она, въ то время; какъ фру Бернеръ, которая уже освоилась съ мѣстомъ; читала ей обстоятельную лекцію о развитіи своей болѣзни.

Фру Этвезъ безпрестанно мѣшала спокойному теченію дѣлъ.

Она вбѣгала каждыя пять минутъ, чтобы спросить, не прибыли ли еще вещи отъ Свенсона. Этвезъ вообще притворялся, что не слышитъ, когда она говорила о деньгахъ (онъ только ходилъ кругомъ и «декорировалъ»). Фру Этвезъ опять вернулась въ столовую.

— Мама, они прибыли? — шептала Эммелина.

— Нѣтъ еще.

И онѣ опять сѣли и ждали, у самаго окошка,

съ похолодѣвшими руками, — онѣ не могли ничего дѣлать.

Фру Этвезъ опять ушла; она не хотѣла больше спрашивать, но только двигалась безшумно и возилась съ горшками.

Фру Бернеръ понимала это; ей приходилось готовить во многихъ домахъ.

— Есть у васъ мелочь? — спросила она. — Тогда можно будетъ заставить мальчишку внести все прямо сюда, когда онѣ придетъ.

— Ахъ, да, да, — сказала фру Этвезъ, лицо которой просвѣтлѣло, когда она вынимала нѣсколько монетъ. — Благодарю васъ, благодарю, — сказала она и взяла женщину за руку; она всего охотнѣй пожала бы ея руки, съ этого мгновенія онѣ понимали другъ друга..

— Самое плохое это то, что теряешь вкусъ, — взялась фру Бернеръ опять за нить исторіи своей болѣзни, обращаясь къ Силлѣ.

Тѣмъ временемъ фру Этвезъ достала платья — свое черное шелковое и бѣлое для Инги — и раскладывала ихъ теперь для просмотра на стульяхъ...

— Мама! — воскликнула Эммелина, — вотъ онѣ!

Это былъ мальчишка съ товаромъ. Онѣ опять почувствовали, какъ въ нихъ подымается старый страхъ, прислушиваясь съ затаеннымъ дыханіемъ, пока онѣ не ушелъ съ нѣсколькими монетами.

У фру Этвезъ камень свалился съ плечъ, когда товары; наконецъ; оказались на мѣстѣ. Она теперь вошла къ мужу и стала разглядывать «декораціи» — тутъ была фототипія и нѣсколько удивительныхъ ди-

вановъ въ углахъ, которые состояли изъ старыхъ ящиковъ и матрасовъ съ «драпировками» изъ пледовъ.

— Ахъ, если бы они только остались довольны...

Она опять выбѣжала въ кухню, гдѣ она всёмъ загоразживала дорогу, куда бы ни становилась.

— Да, теперь есть съ чѣмъ приступить къ дѣлу, — говорила она и, счастливая, ощупывала пакеты; потомъ она съ сверкающими отъ радости глазами вытащила бутылки съ виномъ. — Вотъ благодать-то!

Потомъ она опять вошла къ Этвезу, который продолжалъ отдѣлывать диваны.

— Ахъ да, Якобъ! — она присѣла на мгновение и уставилась передъ собой: — конечно, это развлеченіе!

— Адольфа, — сказалъ Этвезъ, отходя на нѣсколько шаговъ, чтобы провѣрить впечатлѣніе отъ своего искусства, — это честь, это неизмѣримая честь!

Этвезъ потѣлъ, какъ въ горячей ваннѣ.

Раздался звонокъ, и фру Этвезъ выбѣжала отпирать.

Это была дочь предсѣдателя гохгерихта, скромная, въ обтянутыхъ перчаткахъ дама, лѣтъ двадцать уже ведшая предсѣдательство въ домѣ предсѣдателя.

Она пришла поблагодарить за приглашеніе, съ тайной мыслью предложить что-либо на подмогу.

Но, когда она наконецъ усѣлась среди суматохи и оглядѣлась, она втихомолку отказалась отъ своего намѣренія.

Здѣсь нельзя было помочь; ужъ лучше пусть останется, какъ есть.

Этвезъ всталъ за ея стуломъ, чтобы посмотрѣть, какъ выглядѣло убранство съ ея мѣста.

— Ахъ, да, мы дѣлаемъ, что можемъ, — сказалъ онъ и, довольный; покачивалъ головой.

Эммелина все время слѣдила недовѣрчивыми взглядами изъ угла за дочерью предсѣдателя.

Фрѣкенъ должна была войти, посмотрѣть сервизъ, разставленный на длинномъ столѣ столовой и имѣвшій такой видъ, какъ будто его выставили для аукціона.

— Ну, ужъ это нетрудно, — сказала фрѣкенъ, — если имѣешь все необходимое.

Она ушла домой, блѣдная отъ ужаса передъ приговорами Этвезовъ.

— Стыдно за весь городъ! — сказала она своему отцу, предсѣдателю.

— Фру Этвезъ опять обратилась къ платьямъ. Было рѣшено: Инга должна войти къ десерту.

* *
*

— Эммелина! Вернулась она? Эммелина!

Фру Этвезъ была въ ночной кофточкѣ и бѣгала взадъ и впередъ изъ спальни. Она ждала взволнованно Силлу, которую въ послѣднее мгновеніе послала къ предсѣдателю за салфетками.

— Вернулась она?

Силла не показывалась. Передъ каждой дверью ее задерживала какая-нибудь подруга, которая хотѣла знать все доподлинно.

— Подумайте только и талькъ они будутъ жрать! — презрительно восклицала Силла и бѣжала дальше. (Она говорила о тѣхъ фундаментахъ изъ талька, ко-

торые художественно создавала фру Бернеръ для своихъ кулинарныхъ чудесъ).

— Да, не спѣши же такъ, Господи! — кричала подруга, стоя въ дверяхъ своего дома.

На Силлѣ было привязано всегда что-нибудь невѣроятное, вѣчно качающееся. Это было нѣчто въ родѣ длиннаго турнюра, или, вѣрнѣе, полукринолина, который она упорно носила, несмотря на измѣненія моды; никогда она не ходила по улицѣ, не украсившись этимъ подвижнымъ предметомъ одѣянiя.

— Она идетъ, мама! — воскликнула Эммелина съ своего наблюдательнаго поста у окна.

— Ахъ, Богъ мой, — сказала фру Этвезъ со вздохомъ облегченiя.

Она разсматривала свой черный шелковый корсажъ въ зеркало; швы разошлись вдоль талии.

Эммелина тоже замѣтила это, тихо разглядывая мать со стороны. Наконецъ она сказала рѣшительно:

— Мама, я подкрашу немножко чернилами.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, — утомленно противилась фру Этвезъ и поспѣшно застегнула верхнiя пуговицы; нѣсколько кончиковъ носовыхъ платковъ предательски выглядывали изъ-подъ мысика; ей приходилось немножко восполнять природу; когда она надѣвала «хорошее шелковое».

— А брошку, мама, — напомнила Эммелина.

Настала очередь броши. Это былъ большой, краснощекой мозаичный амуръ, весело пускавшiй стрѣлу въ зрителей. Фру Этвезъ надѣвала ее во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ.

Этвезъ распахнулъ дверь.

— Готова ты? — спросилъ онъ и отодвинулъ ее отъ зеркала.

— Ахъ, если бы они уже были всѣ здѣсь! Ахъ, если бы они только уже были всѣ здѣсь!..

Это была величайшая забота учителя; вдругъ придуть не всѣ...

* *
*

Фру Этвезъ была въ столовой; она въ сотый разъ приводила въ порядокъ вѣтви омелы, которыми она наполнила кронбергскіе surtout.

Раздался громкій стукъ въ дверь. Это былъ Церлахіусъ, который, по его словамъ, только на одинъ прыжокъ заглянулъ мимоходомъ, передъ тѣмъ, какъ одѣться.

Онъ причмокнулъ; услышавъ острый запахъ кушаній, и собрался бѣжать.

— Вотъ, что я еще хотѣлъ сказать; барынька, мой малый принесетъ еще нѣсколько бутылокъ. Думаю, что это никогда не можетъ помѣшать. Фру Бернеръ знаетъ, къ какому блюду ихъ подать.

Въ сущности, это было цѣлью его прихода. Церлахіусъ не особенно довѣрялъ винамъ Этвезовъ.

Фру Этвезъ проводила его къ выходу.

— Мама, подожди минутку, — сказала Эммелина, когда та опять вошла.

Она все же смазала немного чернилами бѣлое пятно подъ мышкой.

IV.

Позвонили.

Они прибыли.

Всѣ двери дома загрохотали сразу, такъ что полъ задрожалъ, какъ отъ землетрясенія.

— Адольфа, — кричалъ Этвезъ, — выйди принять.

— Да, да, Этвезъ, но Инга...

Около полуминуты всѣ вертѣлись вокругъ друга друга безсознательно, какъ овцы въ грозу.

— Мама, — шептала Эммелина, — пусть лучше слуга отопретъ.

— Да, да, дитя, но гдѣ онъ?

Эриксона счастливо разыскали на кухнѣ, гдѣ онъ принималъ разныя приказанія фру Бернеръ, которая передъ тѣмъ, какъ сервировать, надѣла огромный накрахмаленный чепецъ; наконецъ онъ вышелъ и отперъ.

Это была госпожа Симонинъ съ «труппой». Она всегда приходила съ боемъ часовъ; это была у ней концертная привычка, которую она сохраняла и въ частныхъ домахъ. Она и два господина наполнили всю при-

хожую своими шубами и вошли, наконецъ, въ пустую комнату. Артистка оглянулась.

— Такъ вотъ это гдѣ, — сказала она, только обращаясь къ скрипачу, и начала довольно немилостиво топтать взадъ и впередъ атласными туфельками, какъ будто ея спутникъ былъ виноватъ въ томъ, что обѣдъ Этвезовъ не былъ устроенъ пунктуальнѣй.

Фру Этвезъ ввалилась — она думала, что мужъ ея уже вышелъ, — поклонилась съ двумя реверансами, и такъ какъ ей нужно было все же сказать нѣсколько подходящихъ словъ, то она стала говорить, въ то время какъ мужчины раскланивались; «о чести...» «о чести...» и «такъ далеко на сѣверѣ...» Все это вылетало отрывочно, въ то время какъ она безпомощно двигала мозаичнаго амура на плоской груди.

— Да, у насъ есть вашъ портретъ, — сказала она совершенно невпопадъ, когда госпожа Симонинъ оставилась подъ фототипіей.

— Я вижу, — сказала артистка довольно сухо и продолжала безъ стѣсненія прогуливаться взадъ и впередъ, какъ будто грѣясь на желѣзнодорожной платформѣ. Она была склонна принять салонъ Этвезовъ за оскорбленіе, а самообладаніе, какъ разъ, не было качествомъ, свойственнымъ ей въ высокой степени.

Фру Этвезъ должна бы замѣтить, что позабыли вытопить, или же она думала, что станетъ тепло, когда соберется много народу...

Она сама этого не знала, но позабыто это было во всякомъ случаѣ...

Этвезъ вошелъ вооруженный перчатками и сдѣлалъ

пѣсколько глубокихъ поклоновъ въ то время, какъ жена его не слышала и не видѣла, что происходило вокругъ нея. Она стояла около одного изъ двухъ господъ и говорила съ нимъ по-англійски, со страннымъ, какъ бы вывѣтрившимся акцентомъ.

Это былъ теноръ, молодой, бѣлокурый норвежець, котораго госпожа Симонинъ подцѣпила въ Петербургѣ; онъ отвѣчалъ на своемъ родномъ языкѣ.

Другіе все еще не являлись, и бесѣда велась судорожно.

Фру Этвезъ услышала, какъ мужъ ея произнесъ: «Рубинштейнъ».

Черезъ нѣкоторое время, — не зная сами, какъ, — они оба очутились въ столовой.

— Видишь, — сказалъ Этвезъ, бывший совершенно въ лихорадкѣ, — она пріятная дама?

Фру Этвезъ вовсе не находила этого, но она и не ожидала ничего пріятнаго. Она стояла передъ столомъ, скрестивъ руки.

— Не топили, — сказала она только.

— Но кто-нибудь изъ насъ долженъ быть тамъ, — сказала она и вышла.

— Что они въ самомъ дѣлѣ воображаютъ? — громко сказала піанистка у окна, гдѣ она бранилась со скрипачомъ.

Раздался звонокъ. Прибыла генеральская чета.

— Вотъ они, — сказалъ Этвезъ, ходившій взадъ и впередъ по столовой.

— Вотъ они.

Онъ не рѣшался войти.

Опять раздавались звонки и приходили гости; Этвезъ слыхалъ голоса въ прихожей.

— Теперь надо подавать, — сказала, входя, густо покраснѣвшая фру Этвезъ.

Этвезъ сталъ возиться съ виномъ и спросилъ:

— Ну, какъ, Адольфа?

— Пришло двѣнадцать человѣкъ, — отвѣтила она и побѣжала въ кухню.

Въ маленькомъ темномъ коридорчикѣ стояла Эммелина, которая отъ волненія не могла оставаться съ остальными дѣтьми.

— Что, генераль пріѣхалъ, мама? — прошептала она.

— Да, — отвѣтила та и прошла на кухню.

— Теперь ждемъ еще директора, — прибавила она поспѣшно.

— Гдѣ маленькія булочки? — спросила фру Бернеръ, голосъ которой пріобрѣталъ все большую звонкость по мѣрѣ приближенія къ моменту обѣда.

— Развѣ ихъ здѣсь нѣтъ? — спросила внѣ себя фру Этвезъ; она не знала, куда ей дѣваться; всегда должно было случиться что-нибудь навыворотъ! Она полетѣла въ столовую, гдѣ совсѣмъ машинально и безъ всякой надобности стала переставлять бутылки и тарелки.

— Припомню же я это Андерсону (Андерсонъ былъ злополучный булочникъ) — въ слѣдующій разъ, — прибавила она, какъ будто Этвезы собирались задавать обѣдъ и на слѣдующей недѣлѣ.

— Мама, — шептала Эммелина, послѣдовавшая за ней и подслушивавшая у двери гостиной: — никто не говорить ни слова.

— Нѣтъ,—убѣжденно сказала фру Этвезъ.

— Да—теперь фрэкенъ Цельхенъ,—докладывала Эммелина.

— Здѣсь надо было бы подложить что-нибудь,—сказала фру Этвезъ и поглядѣла на ножку стола, сильно качавшуюся.

Открылась дверь. Это былъ учитель.

— Не хватаетъ только директора,—доложилъ онъ, потный и запыхавшійся, какъ будто это было большой новостью.

— Да, но оставайся же тамъ,—напомнила ему она.

Эммелина тѣмъ временемъ тихо подошла къ столу и подложила кусокъ скомканной бумаги подъ качающуюся ножку.

Дверь опять закрылась за Этвезомъ. Онъ подошелъ къ Церлахіусу и нѣсколькимъ господамъ, которые, по мѣрѣ того какъ длилось ожиданіе, становились все безпокойнѣе.

— Видигъ Богъ, не могу понять, какъ это случилось,—сказалъ Церлахіусъ: онъ самъ потѣлъ за учителя.

— Старый другъ,—сказалъ Этвезъ,—развѣ мы сами знаемъ?

Прошло опять нѣкоторое время и никто, кромѣ фрэкенъ Цельхенъ, не сказалъ ни слова; она вела, стоя посреди комнаты, довольно скудную бесѣду съ нѣкоторыми представителями мѣстнаго «высшаго свѣта».

Генераль не отходилъ отъ госпожи Симонинъ, которая стояла молча и неподвижно, какъ на часахъ.

А маленькій датскій вице-консулъ, нѣжный, почти

женственный, ходившій взадъ и впередъ въ своихъ лаковыхъ башмакахъ, сказалъ, должно быть, уже въ десятый разъ:

— Не предпочитаетъ ли сударыня говорить по-французски?

Наконецъ прибыла директорская чета. Воздухъ въ обществѣ сталъ сразу менѣе гнетущимъ—все знали, что это послѣдніе—въ то время какъ директорша, необычайно толстая дама, въ атласномъ цвѣта бронзы, украшенномъ огромнымъ количествомъ самодѣльныхъ кружевъ платьѣ, какъ фрегатъ, поплыла прямо къ генералу, и сказала ему такъ, что слышно было по всей комнатѣ:

— Не представите ли вы меня?

Фру Этвезъ отворила дверь въ столовую; и видно было, что свѣчи на столѣ зажжены. Господа задвигались, чтобы отыскать даму, и Этвезъ захлопалъ въ ладоши. Фру фонъ Линденъ, блѣлокурая, толстая помѣщица, почти одинаковаго роста съ генераломъ, тяжело поднялась изъ одного изъ этвезовскихъ плетеныхъ креселъ и, становясь рядомъ съ предѣдателемъ, сказала крайне доброжелательно:

— Ну—пошли Богъ, чтобы все сошло благополучно!

Этвезъ подошелъ къ госпожѣ Симонинъ, они конечно должны были итти первыми. Эта послѣдняя, стоя среди своей труппы, уже была нѣсколько смягчена многими звонкими именами присутствующихъ, къ тому же она уже привыкла къ общественнымъ неожиданностямъ.

— Забавная дыра, — сказала она по-нѣмецки съ баварскимъ акцентомъ, обращаясь къ скрипачу, и пошла впередъ съ Этвезомъ.

Какъ разъ посреди двери вклинилась маленькая востроносая блондинка, съ лорнеткой у глазъ, прямо между госпожой Симонинъ и генеральшей, которую велъ графъ Сильвергельмъ, и остановившимся взглядомъ стала разсматривать богатые брильянты артистки, какъ будто та сама была выставлена въ какой-нибудь витринѣ.

Фру Этвезъ должна была стать рядомъ съ теноромъ, но она подскочила къ фрѣкенъ Цельхенъ и просунула свою худую руку подъ ея руку.

— Благодарю,—сказала она тихо; глаза ея горѣли, какъ будто у нея была лихорадка.

Кронбергскія сокровища основательно покачивались на столѣ, пока всѣ ноги и шлейфы не размѣстились вмѣстѣ съ гостями, усѣвшимися двумя холмистыми рядами—стулья Этвезовъ были, къ сожалѣнію, не равной вышины.

Эриксонъ торжественно подалъ супъ.

За фру Этвезъ тихо закрылась дверь гостиной, это была Эммелина, осторожно пронесшая березовыя дрова черезъ переднюю, чтобы затопить.

Нѣсколько блюдъ было внесено и вынесено.

Городская знать сидѣла, какъ приглашенные зрители, и ждала событій. Труппа кушала.

Слышно было, какъ Этвезъ говорилъ отъ времени до времени: «Но вы ничего не пьете, дорогой другъ, вы ничего не пьете!» При этомъ онъ дѣлалъ нѣсколько опытовъ въ непривычномъ ему нѣмецкомъ языкѣ, что еще болѣе стѣсняло бесѣду, такъ что только порою раздавались несвязные обрывки разговора.

У бѣдной маленькой женщины потъ выступилъ на лбу; она видѣла все, какъ сквозъ вуаль.

— Нѣтъ настоящаго оживленія,—сказала она смущенно своимъ робкимъ голосомъ и протянула свой стаканъ къ неподвижно сидящей директоршѣ.

— Ахъ, вы находите?—отвѣтила та съ любезностью, подѣйствовавшей, какъ ударъ кинжала.

Труппа почувствовала необходимость рассказать пару анекдотовъ, каждый по одному—при чемъ все общество, кромѣ генерала, прервало ѣду—потомъ опять настала довольно продолжительная тишина...

— Но вы тамъ ничего не пьете! Пейте же!—сказала теперь фру Этвезъ въ свою очередь.

— Скорѣй, другъ мой, скорѣй,—шепнула она официанту.

У Эриксона была пріятная привычка: порой онъ прерывалъ сервированіе, чтобы послушать, о чемъ говорятъ за столомъ.

Силла усердно обносила соуса, при этомъ она постоянно оставляла открытой дверь въ коридоръ, такъ что врывались густыя облака изъ мастерской фру Бернеръ.

Въ комнатѣ, гдѣ тѣмъ временемъ становилось все теплѣе, вскорѣ стало совсѣмъ невыносимо; господа раскраснѣлись.

Вдругъ зашумѣли дѣти. «Богъ знаетъ, что они тамъ вытворяютъ», думала фру Этвезъ, сидѣвшая, какъ на угольяхъ.

Внезапно раздался грохотъ; какъ будто громъ ударилъ въ сосѣдную дверь.

— Могу ли я встать?—спросила она тихо, обращаясь къ фру фонъ Линденъ.—Ахъ, это только дѣти!— Съ этими словами она поднялась со стула.

Настала мертвая тишина послѣ грохота; такъ что на всю комнату было слышно, какъ госпожа Симонинъ спросила — это были вообще ея первыя слова за столомъ:

— У васъ есть дѣти?—Это звучало совсѣмъ наивно.

— Да, девять!—отвѣтила Этвезъ.

— Девять!

Госпожа Симонинъ положила ножъ и вилку и съ нескрываемымъ ужасомъ глядѣла на фру Этвезъ.

— Бѣдняжка,—сказала она голосомъ, шедшимъ изъ глубины сердца.

Тогда всѣ разразились неудержимымъ смѣхомъ, они смѣялись до упада, въ то время; какъ піанистка, не понимавшая что тутъ смѣшного, смѣло крикнула сквозь шумъ:

— Я говорю совсѣмъ серьезно!—послѣ чего всѣ присутствующіе стали хохотать еще громче.

Они никакъ не могли перестать. Церлахіусъ, почти задыхавшійся, сказалъ:

— Да, ей-Богу онъ права!—и чокнулся съ учителемъ.

Потомъ опять смѣялись, и бесѣда попала въ русло.

У хозяйки камень свалился съ плечъ.

Предсѣдатель чокнулся съ ней, и генераль протянулъ къ ней свой стаканъ. Она сіяла отъ радости; и сердце ея стучало, какъ будто собиралось разорваться.

Фру Симонинъ сняла брилліантовый браслетъ и не

стѣсняясь опустила его въ стаканъ. Она пришла теперь къ своей любимой темѣ: о размноженіи человѣческаго рода.

Ея веселый голосъ заглушалъ все—бодро и лукаво подходила она ближе къ вопросу, опершись на столъ великолѣпными руками. Мужчины видѣли только ее, ея удивительный бюстъ подымался изъ кружевъ, какъ чашечка большого бѣлаго цвѣтка. Казалось, что генеральша и фрѣкенъ Цельхенъ стараются своими торжественными вѣерами оградиться отъ слишкомъ сильного аромата.

Востроносая сидѣла все время, вооружившись лорнетомъ и положивъ рядомъ съ собою перчатки, какъ зрительница въ ложѣ.

Директорша возмущенно сказала своему кавалеру, который не слушалъ ее, что она отъ такихъ путешественниковъ «дамъ», не ждала ничего лучшаго.

— Богъ мой, какъ женщины соглашаются на это!—воскликнула госпожа Симонинъ, которая не могла разстаться съ своей темой, и она удивленно вытянула руки.

Фру фонъ Линденъ смѣялась наперебой съ мужчинами и оперлась обоими локтями на столъ.

— Забавная особа,—сказала она предѣдателю, высоко поднявшему свои золотые очки и глядѣвшему на піанистку невооруженными глазами.

Теперь настала очередь добраго бургундскаго, присланнаго Церлахіусомъ, и всѣ стали чокаться съ Этвезомъ, который буквально расплывался отъ радости.

— Благодарю, благодарю, дорогіе друзья... покорно

благодарю васъ,—говорилъ онъ и ударялъ себя въ грудь.

А жена его сказала съ тихой, все еще боязливой улыбкой своему сосѣду:

— Теперь мнѣ не кажется, что она слишкомъ скупается,—и когда теноръ успѣшилъ увѣрить ее въ противоположномъ, она счастливо улыбнулась широко раскрытымъ ртомъ:

— Правда! Ахъ, слава Богу! Такъ вы думаете?

Графъ Сильвергельмъ сочувственно чокнулся съ Церлахіусомъ—онъ зналъ это бургундское—а скрипачъ рассказалъ исторію, которую всѣ выслушали со смѣхомъ. Госпожа Симонинъ сидѣла на верхнемъ концѣ стола между Этвезомъ и генераломъ, такъ уютно, какъ на лежанкѣ у печки.

— Теперь бы стаканчикъ пива,—сказала она, какъ будто это было верхомъ благополучія.

Этвезъ взглянулъ на нее нѣсколько неувѣренно.

— Но вѣдь это можно достать!—сказалъ онъ и поднялся—онъ стоялъ не совсѣмъ увѣренно.

— Что? Что, Этвезъ?—спросила маленькая женщина безпокойно съ нижняго конца.

А востроноса, тоже ничего не понявшая, вытянула длинную шею и громко спросила:

— Чего она хочетъ?

— Только стаканъ пива,—сказала госпожа Симонинъ ласково и успокоительно.

На концѣ стола около генеральши становилось тише; раскрытые вѣера замѣняли рѣшетку.

Этвезъ вышелъ. Двери онъ оставилъ открытыми.

— Есть у насъ пиво?—спросилъ онъ смущенно и запыхавшись и машинально сталъ бѣгать и искать, какъ будто пиво стояло гдѣ-нибудь на столѣ.—Есть у насъ пиво?

— Что?—сказала фру Бернеръ, усердно возившаяся съ пуддингомъ.

— Она хотѣла бы пива,—сказалъ онъ и разстроено сталъ искать въ пустыхъ карманахъ.

И они завертѣлись бессмысленно другъ возлѣ друга.

— Да, у Силлы должны быть деньги,—сказалъ Этьезъ:—только поскорѣй!

Потомъ онъ убѣжалъ.

Тѣмъ временемъ хозяйка поймала Эриксона:

— У Эммелины есть деньги,—шепнула она и высла-
ла его.

Густавъ Адольфъ, одинъ изъ девяти, побѣжалъ за пивомъ.

Опять стало тихо, и госпожа Симонинъ, скользнувъ легко взглядомъ въ ту сторону, гдѣ сидѣла генеральша (которая была урожденная княжна Трубецкая и выносила свое заточеніе въ Финляндіи съ видомъ коронованной особы, присутствующей на приемѣ у незначительнаго родственника), перешла на французскій языкъ и передала генеральшѣ поклонъ отъ княгини Гика, которую она только что встрѣтила въ Парижѣ.

Она продолжала говорить по-французски, перескочила на Румынію, рассказывала о королевѣ Елисаветѣ—*la charmante femme*—и бухарестскомъ дворѣ.

— Настоящее разбойниче гнѣздо, этотъ городъ!—сказалъ скрипачъ и началъ рассказывать анекдотъ о

румынскомъ гофмаршалѣ, который укралъ браслетъ, подаренной королевой госпожѣ Симонинъ. Та не слушала, продолжая бесѣдовать съ генеральшей, которая все таяла и таяла и, наконецъ, даже снизошла до вопроса, составляетъ ли жемчужный аграфъ піанистки часть гарнитура. — Нѣтъ, это былъ подарокъ ея величества, королевы испанской.

— Des perles exquisés — n'est-ce pas, madame?

Генеральша выразила свой восторгъ по поводу жемчуга. А госпожа Симонинъ подозвала къ себѣ скрипача. Этувезъ тѣмъ временемъ опять вышелъ за пивомъ.

— Otez-ça, — сказала она.

Онъ отстегнулъ аграфъ, который пошелъ по рукамъ вокругъ стола, въ то время какъ піанистка опять перешла на нѣмецкій и стала рассказывать, какъ она играла на билліардѣ съ его величествомъ королемъ Альфонсомъ.

Аграфъ продолжалъ путешествовать, въ то время, какъ госпожа Симонинъ продолжала рассказывать, такъ что только и мелькали королевскія имена. Всѣ слушали съ веселыми сіяющими лицами, какъ будто лучи придворнаго солнца падали на нихъ самихъ, сидѣвшихъ здѣсь за столомъ съ этой знаменитостью. Одинъ за другимъ чувствовали они потребность чокнуться съ хозяиномъ, и шло постоянное киваніе черезъ столъ: «За здоровье!»; «Благодарю!». Только директорша все еще сидѣла, какъ застывшая, и держала далеко отъ себя аграфъ, какъ будто отъ него плохо пахло.

— Скажемъ, вѣрнѣе, что онъ отъ какого-нибудь князя, — сказала она и передала дальше драгоценность;

такъ что она попала въ худые пальцы Фру Этвезъ. Та была на седьмомъ небѣ.

— О, чтобы это было у насъ, нѣтъ, нѣтъ, — бормотала она и вертѣла въ рукѣ жемчужный уборъ.

— Mais, madame, vous oubliez votre bock, — сказала генеральша и съ милостивой улыбкой указала на бывшую бутылку, которую госпожа Симонинъ забыла въ увлеченіи.

Дошли до жаркого.

Фру Этвезъ вспомнила вдругъ про дочь свою, Ингу; она тихо поднялась, но замѣтила, что и Этвезъ тоже всталъ, и сѣла быстро, какъ будто кто-то придавилъ ее къ землѣ.

Этвезъ хотѣлъ говорить..

— Учитель говорить! — воскликнула Силла, обновившая компотъ, и мимоходомъ распахнула дверь въ спальню, гдѣ Эммелина сидѣла на краю постели и при сальной свѣчкѣ, вставленной въ бутылку, возилась съ бѣлымъ платицемъ; она хотѣла закрыть кружевами лопнувшее мѣсто, въ то время, какъ Инга, стуча зубами отъ холода, въ ожиданіи стояла въ бѣлой юбочкѣ.

— Теперь учитель говорить, — раздался опять голосъ Силлы въ кухнѣ.

Эммелина сложила руки на колѣняхъ и сидѣла неподвижно въ слабомъ, дрожащемъ свѣтѣ — было все слышно въ открытую дверь.

Этвезъ откашлялся, потомъ онъ сказалъ довольно тихимъ голосомъ, какъ бы обращаясь только къ госпожѣ Симонинъ:

— Я хотѣлъ только поблагодарить васъ, поблагодарить васъ, потому что вы доставили намъ сегодня радость и блескъ, — радость и блескъ, — повторилъ онъ еще тише, глядя черезъ столъ, ища словъ; и не находя ихъ.

Произошла мучительная пауза. Но вскорѣ все закричало «ура!» девять разъ; и мужчины встали, чтобы чокнуться съ госпожей Симонинь.

Фру Этвезъ сидѣла; какъ зачарованная и глядѣла на нее, какъ она улыбалась все́мъ склонявшимся передъ ней лицамъ, и генеральша, въ ея «шелковомъ» поднялась, шурша.

— Какъ вы должны быть счастливы! — сказала маленькая женщина тенору, не спуская глазъ съ пианистки.

— Ахъ, нѣтъ, — отвѣтилъ онъ тихо, и тоже глядя передъ собой, но въ другомъ направленіи.

Ингу вывели къ десерту. Въ то время; какъ она переходила съ рукъ на руки, госпожа Симонинь вспомнила о своемъ аграфѣ. Онъ оказался у жены вице-консула, которая не могла съ нимъ разстаться.

Обѣдъ кончился, и изъ все́хъ группъ слышались гьельмъ и похлопалъ учителя по обоимъ плечамъ. бодро, съ сытымъ благодушіемъ, а Этвезъ переходилъ изъ объятій въ объятія.

— Спасибо, братъ мой, — сказалъ графъ Сильвергьельмъ и похлопалъ учителя по обоимъ плечамъ.

Между тѣмъ фру Этвезъ мѣнялась рукопожатіями съ дамами.

— Какой великолѣпный день, — сказала фру фонъ

Линденъ и сжала нѣжные пальцы своими сильными руками, передъ тѣмъ какъ тяжело опуститься на одинъ изъ этвезовскихъ «дивановъ».

— Ахъ, слава Богу! — сказала она и вздохнула, какъ освободившись отъ тяжести.

Фру Этвезъ шла дальше. Что говорилъ каждый въ отдѣльности, она не припоминала, но она видѣла, что люди улыбаются дружелюбно — она переходила отъ группы къ группѣ.

Рядомъ съ директоршей стояли двѣ дамы, которыя тоже, держась за руки, говорили о томъ, какъ все хорошо сошло.

— Это вовсе не легко, если приходится занимать, — прибавила директорша.

— Ахъ, да, — вырвалось у фру Этвезъ. Она пожала ей крѣпко руку, не чувствуя укола.

Потомъ она прошла мимо госпожи Симонинъ, которая немного отошла къ окну.

— Ну, ребята, — сказала она, — не легкое дѣло быть съ такими разными волками.

Потомъ фру Этвезъ подошла къ Церлахіусу, обѣ руки котораго она ухватила. Она не могла сказать ни слова, но молча съ благодарностью глядѣла въ его круглое, красное лицо.

Поднялся большой шумъ. Мужчины стали угощаться коньякомъ, а скрипачъ показывалъ фокусы съ блюдечкомъ въ кругу дамъ.

Силла, которая должна была убирать чашки съ кофе, разглядывала, уперевъ подносъ въ свой пышный бюстъ, каждый туалетъ, а графъ Сильвергельмъ требовалъ,

чтобы Эриксонъ провелъ его въ кухню, такъ какъ онъ хочетъ привѣтствовать фру Бернеръ.

Всѣ двери были широко раскрыты. Казалось, что торжественная радость разстилается по всему дому.

Въ спальнѣ на мгновеніе показалась Эммелина, которая при свѣтѣ свѣчки одѣляла младшихъ остатками отъ пиршества боговъ...

— Теперь вы довольны!—сказалъ маленькій теноръ, стоявшій рядомъ съ фру Этвезъ.

— Да, — сказала она и взглянула на него, улыбаясь, какъ счастливый ребенокъ.

V.

Госпожа Симонинъ нѣсколько разъ зѣвнула за вѣромъ.

Для развлечения она перешла къ печкѣ, которая, благодаря Эммелинѣ, буквально раскалилась; тамъ она стояла съ нѣсколькими господами, въ томъ числѣ съ вице-консуломъ.

— Старая, — сказала она и указала на рояль.

Мимоходомъ она взяла пару аккордовъ, потомъ еще нѣсколько; и сказала вдругъ, заинтересованная:

— Послушайте-ка, Бергъ, это звучитъ, какъ спинеть.

Она придвинула табуретъ и сѣла, продолжая брать аккорды.

Никто не зналъ, какимъ образомъ востроносая фркенъ Бланкъ очутилась въ первомъ ряду; она сидѣла шага на два впереди другихъ и держала лорнетку у глазъ.

Сразу воцарилась тишина.

Этвезъ стоялъ рядомъ съ женой.

— Адольфа, Адольфа, — прошепталъ онѣ, судорожно сжимая ея руку.

Госпожа Симонинъ начала вещицу Гайдна.

— Весело звучить? Не правда ли? — спросила она, кончивъ.

Никто не отвѣтилъ, и она опять стала играть маленькую вещицу Скарлатти. У фру Этвезъ былъ такой видъ, какъ будто ей явилось библейское видѣніе посреди ея собственной комнаты.

Піанистка остановилась и только слегка касалась клавишъ.

— Здѣсь никто не поетъ? — сказала она тономъ, который подошелъ бы къ вопросу: «никто изъ господъ не ходитъ на рукахъ?»

— Да — Этвезъ поетъ...

— Господинъ Этвезъ — теноръ нашего города, — прибавилъ шепелявившій вице-консулъ.

— Тогда спойте что-нибудь, — сказала госпожа Симонинъ все тѣмъ же тономъ, продолжая ударять по клавишамъ.

Этвезъ сталъ блѣдень, какъ простыня.

— Объ этомъ не можетъ быть рѣчи, — сказалъ онъ, сжимая потныя руки. — Пѣть передъ ней!

Онъ едва смогъ произнести эти слова — если бы еще у него что-нибудь было...

Но — онъ подошелъ къ роялю — все было такъ старо, что онъ имѣлъ...

Общество слабо возражало.

Фру Этвезъ стояла за спиной мужа, дрожа какъ онъ,

при чемъ губы ея шевелились, произнося никому неслышныя слова.

— Не споешь ли онъ? — сказала фру фонъ Линденъ утомленно и тяжело опустила руки на колѣни.

— И теперь, послѣ ѣды, — сказалъ Этвезъ, — въ душномъ воздухѣ... Да и кто будетъ мнѣ аккомпанировать?

— Да, я, — сказала госпожа Симонинъ все тѣмъ же тономъ.

— Пой, Альфредо, — сказала фру Этвезъ, которая не отходила отъ мужа, и отъ волненія едва смѣла произнести эти слова.

— Да, да, — сказалъ Этвезъ, у котораго все поплыло въ глазахъ. — Но гдѣ же все это?

Маленькая женщина исчезла. Она побѣжала за леденцами и теплой водой, чтобы прочистить его голосъ.

— Но эта духота, — сказалъ Этвезъ, — и потомъ здѣсь такъ на...

Ему пришлось въ голову открыть окно въ столовой, при этомъ онъ въ смущеніи пробѣжалъ по всеѣмъ комнатамъ до спальни.

— Кто это натопилъ? — воскликнулъ онъ рѣзко. — Прямо задыхаешься!

— Я, папа, — сказала Эммелина.

— Ну, конечно, ты всегда должна дѣлать то, о чемъ тебя никто не просить!

Этвезъ подошелъ къ зеркалу, у котораго онъ привелъ себя въ порядокъ, какъ актеръ въ своей уборной.

«Всегда» прозвучало еще сердито. Потомъ юнъ вышелъ.

Эммелина не отвѣчала. Глаза ея тихо наполнились слезами, и она заплакала, сидя въ темномъ углу на постели — она перенесла такъ много волненій за послѣднія сутки.

Фру Этвезъ пришла съ теплой водой.

— Ахъ, Эммелина, — сказала она укоризненно, — папа вѣдь будетъ пѣть!

Онъ уже началъ, и фру Этвезъ остановилась. И обѣ онѣ слушали, мать и дочь, задерживая дыханіе, неподвижныя.

— Онъ въ голосѣ, — прошептала фру Этвезъ съ счастливой улыбкой и схватила руку Эммелины. Близилась фраза, которую Якобу Этвезу не легко было взять.

— Да, онъ въ голосѣ, — опасное мѣсто было благополучно пройдено.

Когда онъ кончилъ, всѣ захопали. Фру Этвезъ отпустила руку Эммелины; она дрожала отъ волненія. Она поспѣшила въ гостиную, отворила дверь и вышла въ свѣтъ.

Этвезъ сказалъ, сіяя:

— Да, подь такой аккомпанементъ!

Потомъ онъ сталъ искать другія ноты.

— У него чувствуется школа, — сказалъ скрипачъ, обращаясь къ фру Этвезъ.

— Да, мой мужъ учился, — отвѣтила она.

Только Сильвергельмъ сказалъ Церлахіусу:

— Да, да — я не музыкалень, — и вернулся въ столовую.

Эммелина прокралась туда же, она хотѣла видѣть отца.

Этвезъ опять запѣлъ, обернувшись лицомъ къ собравшимся, красный, раскачиваясь тѣломъ, выбрасывая звуки все выше и выше, съ сіяющимъ лицомъ, какъ зачарованный, въ то время: какъ госпожа Симонинъ превратилась совсѣмъ въ автомата — склонивъ голову на бокъ, она машинально пробѣгала по клавишамъ.

Тенору понадобилось выйти. Но за дверью онъ натолкнулся на хозяйку; которая, спрятавшись здѣсь, дрожа слѣдила въ щелку за мужемъ.

Теноръ смутился и хотѣлъ сказать что-нибудь — онъ сталъ искать подходящихъ словъ насчетъ пѣвца, но не находилъ ихъ. Маленькая женщина вдругъ поднялась, заставила его сѣсть и начала рассказывать. — ему, чужому и равнодушному человѣку о своей жизни, о томъ, какъ они влачили гнетущее существованіе... такое мелкое... такое жалкое... о!

— И нѣтъ никакого развлеченія, — сказала она, — за долгіе годы.

Она повторяла отдѣльныя слова, какъ бы говоря сама съ собой, при этомъ она порой взглядывала на него, продолжая говорить поспѣшно, лихорадочно... она рассказывала о своей молодости, о томъ, какъ она путешествовала — туда, на югъ, на далекій югъ; объ Этвезѣ, объ его стремленіяхъ, о всемъ, чего онъ хотѣлъ и о чемъ думалъ...

— Только бы выбраться; вы видите, въ немъ дремлютъ силы, — продолжала она и двигала худыми

руками вѣрхъ и внизъ; ударяя ими какъ молотками по колѣнамъ.

— И вотъ приходится сидѣть здѣсь, — заключила она и вдругъ уставилась ему въ лицо глазами, глядящими въ пространство. — Здѣсь!..

Она притворила дверь. Тамъ Этвезъ продолжалъ пѣть арію за аріей; мужчины уже всѣ сбѣжали въ столовую.

Вдругъ у ней полились слезы изъ глазъ, и она заплакала тихо и неудержимо, не отворачивая отъ него лица.

Маленькій теноръ не смѣлъ пошевелинуться, онъ не зналъ, что ему сказать; онъ наклонился въ смущеніи и пробормоталъ:

— Да, конечно, видно, видно, что здѣсь туговато...

Этвезъ наконецъ пересталъ пѣть, и всѣ сразу заговорили. Фру Этвезъ судорожно рванулась и распахнула дверь.

Теноръ поклонился и прошелъ, не сказавъ ни слова.

Этвезъ вышелъ въ столовую, гдѣ люди хлопали и кричали: «браво!».

— Только къ концу голосъ выходить; — сказалъ онъ и взялся за горло.

Потомъ онъ вернулся въ гостиную; гдѣ дамы собрались вокругъ него, чтобы говорить ему комплименты.

— Да, конечно, — говорилъ онъ, отклоняя ихъ, — вѣдь не все позабыто; въ минуты вдохновенія это вырывается наружу.

Но вдругъ онъ смолкъ, и глаза его устремились въ

пространство. Съ внезапнымъ: «Извините»; онъ вырвался изъ круга.

Онъ увидѣлъ скрипача, который еще не высказывался.

Быстрыми шагами съ своеобразными движеніями головы онъ подошелъ къ скрипачу и началъ разговоръ объ искусствѣ пѣнія; онъ не зналъ, какъ лучше давать звукъ. И съ короткимъ, фамиллярнымъ кивкомъ онъ сказалъ вполголоса, какъ говорятъ между собой товарищи.

— Ну, какъ вы находите?

Скрипачъ сперва взглянулъ на него неуверенно — онъ тѣмъ временемъ думалъ совсѣмъ о другомъ:

— Да, весьма обширный голосъ.

Лицо Этвеза просіяло.

— Не правда ли? — отвѣтилъ онъ и отвѣтилъ съ неопикуемой, удовлетворенной улыбкой:

— Богъ мой, вѣдь понимаешь же кое-что въ пѣніи.

Послѣ чего онъ сталъ пространно объяснять скрипачу, какъ онъ даетъ звукъ.

Генеральша стала набрасывать шаль; готовясь уходить, и госпожа Симонинъ, когда увидѣла это, нѣсколько поспѣшно поднялась со стула.

— Да, идемъ, — сказала она и сильно дернула свою длинную перчатку.

Произошло шумное движеніе всѣхъ дамъ, въ то время, какъ фру Этвезъ вышла изъ спальни.

— Уже? — сказала она, — но вѣдь еще такъ рано...

— Ахъ, это было такъ неожиданно, — прибавила она и пожимала руки.

— Ну и устали же вы, должно быть, — сказала фру,

Фонъ Линденъ и ласково похлопала ее по обоимъ плечамъ.

— Ахъ; нѣтъ, нѣтъ! — возразила только фру Этвезъ; держа ее за обѣ руки, какъ бы не желая ее вовсе отпустить.

— Но вѣдь еще вовсе не поздно! — сказала она директоршѣ.

Дверь въ коридоръ была открыта, и сквозь нее какъ въ туманѣ видно было, какъ дамы; одна за другой; исчезаютъ въ большихъ шубахъ.

Но мужчинъ не такъ легко было поднять; они продолжали пить; кричали «ура» въ честь хозяйки, которая чокалась съ ними, пока, наконецъ, и они не очутились на улицѣ; и слышно было, какъ они толпятся передъ подъѣздомъ.

Слышно было, какъ Церлахіусъ сказалъ:

— Такъ испили мы торжественную чашу!

Наконецъ дверь захлопнулась.

Фру Этвезъ еще слышала нѣкоторое время голоса на улицѣ.

Потомъ настала тишина.

Долго еще ходила она; какъ бы прислушиваясь къ умолкшему шуму. Кругомъ стояли пустые плетеные стулья; столъ былъ уставленъ недопитыми стаканами.

Она погасила свѣчи въ канделябрахъ; одна за другой, съ обычной бережливостью; такъ что осталась только лампа; и наступилъ полумракъ.

Но потомъ она вдругъ опустила и заплакала, уронивъ голову на старый рояль.

Силла разбудила ее. Фру Бернеръ ждала, чтобы проститься.

Фру Этвезъ вышла въ кухню, гдѣ повариха ждала на боченкѣ.

— Благодарю васъ, тысячу разъ благодарю васъ, — сказала маленькая женщина голосомъ, еще не твердымъ отъ слезъ.

— Да, это была большая свадебная сервировка, — возразила повариха, не двигаясь.

— Не спѣшите, — сказала фру Этвезъ, садясь на табуретъ и взявъ обѣ руки женщины, — можно еще поболтать немного...

Но та спѣшила; не для своего удовольствія готовила она здѣсь, при ея болѣзни. Но дома семеро дѣтей и Бернеръ, на котораго нельзя было положиться. Въ особенности въ тѣ дни, когда ея не было дома.

При этомъ она сидѣла неподвижно и говорила все въ одномъ тонѣ, опустивъ взоръ на колѣни.

Фру Этвезъ почти не слушала ее; она только сидѣла молча; обративъ лицо къ женщинѣ, и тихо качала головой; она знала эту пѣсню о нищетѣ...

— Да, да, — вырывалось у ней порой, и она продолжала качать головой, какъ бы аккомпанируя.

Теперь она проснулась и сказала поспѣшно:

— Да, получили ли вы что-нибудь?.. Ахъ, вы ничего не получили для домашнихъ. Тамъ достаточно маленькихъ ртовъ, которые не прочь полакомиться...

И она стала собирать, кусокъ за кускомъ, остатки пиршества въ большую корзину.

Фру Бернеръ ушла, и въ маленькой кухнѣ тоже стало пусто и тихо.

Гости приближались къ своимъ домамъ. Директорша тяжело висѣла на рукѣ мужа.

— Она была восхитительна, Луиза, — сказалъ онъ и остановился у фонаря.

— Она была голая, Каллэ! — сказала она съ укоромъ. Директоръ подавленно и молча пошелъ дальше.

Когда директорша открыла дверь, она сказала увѣренно и не допуская возраженій:

— За все это заплатилъ Церлахіусъ.

Съ этими словами она энергично повернула ключъ.

Востроносую провожалъ датскій консулъ, который отъ воодушевленія сыпалъ французскими прилагательными.

— Одно скажу я, — заявила барышня, — она не прорге.

Генеральша давно вернулась и снимала цвѣты съ головы передъ зеркаломъ. Снявъ послѣдній цвѣтокъ, она сказала, пожимая плечами, обращаясь къ мужу:

— *C'est bonnet blanc et blanc bonnet.*

...Госпожа Симонинъ отдыхала въ своей комнатѣ. Долго и задумчиво разглядывала она кончикъ туфли. (Завтра надо было обѣдать у генерала.)

Послѣ этого она стукнула каблучкомъ другъ о друга и сказала, подчиняясь:

— Въ концѣ-концовъ, они заплатили!

Этвезъ проводилъ тенора, который хотѣлъ итти въ гостиницу пѣшкомъ. Онъ все еще говорилъ объ искус-

ствѣ пѣнія и все еще не уяснилъ себѣ, какъ надо обращаться съ голосомъ.

На каждомъ шагу онъ останавливался отъ увлеченія.

Когда они, наконецъ, простились у подъѣзда гостиницы, Этвезъ сказалъ поспѣшно и избѣгая глядѣть въ лицо пѣвцу:

— Не поздно ли теперь выступить?

И такъ какъ артистъ не понималъ, что онъ подъ этимъ подразумѣваетъ; онъ прибавилъ возбужденно:

— Я думаю основаться на этомъ?

И онъ указалъ на свое горло.

— Почему же нѣтъ? — сказалъ теноръ и густо покраснѣлъ.

Этвезъ еще долго ходилъ взадъ и впередъ по улицѣ. Когда онъ наконецъ вернулся домой, онъ все еще былъ въ экстазѣ. Но наконецъ всѣ счастливо улеглись.

Отецъ уже спалъ, когда Эммелина приподнялась на своей постели:

— Мама, — прошептала она.

— Ну!

— Я слышала, какъ фрѣкенъ Цельхенъ сказала кое-что.

— Что же именно? — спросила мать.

— Сегодня былъ великолѣпный день, — сказала она отцу.

— Какъ же ты это услышала? — прошептала фру Этвезъ.

— Я была въ подъѣздѣ; когда она уходила, — сказала Эммелина.

Фру Этвезъ лежала и блаженно улыбалась.

- Покойной ночи, дитя мое!
— Покойной ночи.

* * *

Черезъ три дня госпожа Симонинъ уѣзжала. Она должна была концерттировать въ Россіи. Та же самая программа въ семнадцати концертахъ въ двадцать одинъ день. Для начала Кіевъ; потомъ другіе города — она не знала даже ихъ названій.

Фру Этвезъ была на станціи съ нѣсколькими розами въ бумагѣ, блѣдными, съ жидкой листвою, какъ будто онѣ расцвѣли въ рождественскіе дни на могилахъ.

Этвезъ не могъ быть, ему надо было итти въ школу.

Но на одной улицѣ, черезъ которую проходила желѣзная дорога, стояла длинная фигура и махала шляпой. Это былъ Этвезъ и двое изъ девяти, ходившихъ въ школу.

Вѣтеръ схватилъ длинные сѣрые платки и поднялъ ихъ какъ три сѣрыхъ флага.

Ирена Гольмъ.

І.

Однажды въ воскресенье послѣ богослуженія сынъ сельскаго судьи прочелъ передъ церковной дверью слѣдующее объявленіе:

«Фрѣкенъ Ирена Гольмъ, балерина королевскаго театра, намѣрена открыть съ перваго ноября въ гостиницѣ курсъ танцевъ, пластики и манеръ, какъ для дѣтей, такъ и для взрослыхъ, если наберется достаточное количество участниковъ. Плата пять кронъ, нѣсколькимъ дѣтямъ изъ одной семьи скидка».

Подписалось семь участниковъ. Іенсъ Ларсенъ представилъ троихъ «для скидки».

Фрѣкенъ Ирена Гольмъ нашла, что этого достаточно. Въ одинъ прекрасный вечеръ въ концѣ октября она прибыла со всѣмъ своимъ багажомъ, состоявшимъ изъ старой, перевязанной бечевкой корзины изъ-подъ шампанскаго, и остановилась въ гостиницѣ.

Она была маленькая, стройная, съ сорокалѣтнимъ дѣтскимъ личикомъ подъ мѣховымъ чепцомъ, а руки у ней изъ-за подагры были обмотаны старыми носовыми платками. Она добросовѣстно выговаривала всѣ

согласныя и говорила: «Благодаррю, благодаррю, я могу сама!»—когда кто-нибудь помогаль ей, и вмѣстѣ съ тѣмъ казалась совершенно безпомощной.

Она выпила только чашку чая и потомъ въ своей каморкѣ, за горницей пекаря, стуча зубами отъ страха передъ привидѣніями, прикурнула на постели.

На слѣдующее утро она появилась въ локонахъ и въ плотно облегающемъ плащѣ, мѣховая отдѣлка котораго носила замѣтные слѣды времени.

Она собиралась сдѣлать визиты почтеннымъ родителямъ.

Робко справилась она о дорогѣ. Мадамъ Генриксенъ довела ее до воротъ и указала ей на различные хутора, раскинутые среди полей. Фрѣкенъ Гольмъ черезъ каждыя три ступени раскланивалась и благодарила.

— Бѣдняжка, — сказала мадамъ Генриксенъ. Она остановилась на подъѣздѣ и глядѣла вслѣдъ дамѣ, осторожно сѣменившей по дорогѣ къ Ларсенамъ, стараясь пощадить изящную шевровую обувь и полосатые чулки.

Когда окончены были визиты къ родителямъ (Иенсъ Ларсенъ платилъ девять кронъ за своихъ троихъ), она стала пріискивать жилище. Она нашла маленькую выбѣленную комнатку у деревенскаго кузнеца, съ видомъ на поля. Меблировка состояла изъ кровати, комода и стула. Въ углу между окномъ и комодомъ скромно помѣстилась корзина изъ-подъ шампанскаго.

Фрѣкенъ Гольмъ тотчасъ же поселилась. Все утро было занято щипцами для локоновъ, утюгами и холоднымъ чаемъ. Когда локоны были приведены въ по-

рядокъ, она убиралась, а послѣ обѣда вязала. Усердно работала она, сидя на корзинѣ изъ-подъ шампанскаго и пользуясь послѣдними лучами свѣта. Жена кузнеца входила къ ней, садилась на стулъ и болтала. Фрѣкенъ Гольмъ только слушала улыбаясь и порою граціозно кивала головкой, окруженной локонами.

Хозяйка до безконечности растягивала свой рассказъ, пока не наступало время собирать къ столу. И фрѣкенъ Гольмъ рѣдко сознавала, что рассказывала хозяйка.

Кромѣ танцевальныхъ позицій и борьбы за кусокъ хлѣба, этой вѣчной, истомляющей борьбы, она, должно быть, никогда ничего ясно не сознавала; все остальное просто выходило за ея кругозоръ. Тихо сидѣла она на корзинѣ, сложивъ руки на колѣняхъ, и неподвижно глядѣла на узкую полосу свѣта подъ дверью кузнеца.

Она не выходила; плоскія, пустынные поля вызывали въ ней тоску по родинѣ, а кромѣ того она боялась всякихъ животныхъ и пасущихся лошадей.

Когда вечерѣло, она кипятила воду на печкѣ и готовила себѣ скудную трапезу. Потомъ опять наступалъ чередъ локоновъ. И совсѣмъ подъ конецъ, полураздѣтая, она продѣлывала свои «па» около постели.

Кузнецъ и его жена не отходили отъ замочной скважины, они наблюдали балетные прыжки сзади; папильотки при этомъ подымались на ея темени, какъ иглы ежа. Фрѣкенъ Гольмъ такъ увлекалась, что подъ конецъ она пригвѣвала необходимую музыку, шагая взадъ и впередъ, взадъ и впередъ...

Кузнецъ, его жена и дѣти дрались изъ-за мѣста у замочной скважины.

Когда фрэкенъ Гольмъ кончала опредѣленное количество минутъ своихъ упражненій, она ложилась въ постель.

Упражненія напоминали ей всегда то прекрасное время, когда она еще ходила въ балетную школу... И вдругъ, лежа такъ, она смѣялась внезапнымъ, дѣтскимъ смѣхомъ.. И она засыпала, думая еще объ этомъ времени—веселомъ времени...

О репетиціяхъ, когда онѣ кололи другъ друга булавками, какъ онѣ визжали тогда...

И о вечерахъ—въ уборныхъ... какъ тамъ жужжало... всѣ голоса вмѣстѣ... и звонокъ режиссера.

Иной разъ она ночью просыпалась въ испугѣ, ей снилось, что она пропускаетъ свой выходъ.

II.

— Впередъ! Разъ, два!—фрэкенъ Гольмъ подняла платье и вытянула впередъ ногу.—Носокъ наружу! Разъ, два!..

Всѣ семеро скакали, какъ молодые козлята.

— Носокъ наружу, маленькій Іенсъ! Разъ, два, три! Поклонъ! Разъ, два, три! Еще разъ...

Озорники Іенса Ларсена высовывали языки, дѣлая поклонъ.

— Маленькая Марренъ направо — разъ, два, три — Марренъ упорно шла налѣво...

— Еще разъ сначала—разъ, два, три!...

Фрэкенъ Гольмъ подскакивала какъ козочка...

Обученіе было въ полномъ ходу. Три раза въ недѣлю танцовали въ залѣ гостиницы при свѣтѣ двухъ лампъ, повѣшенныхъ на балкахъ потолка. Каждый шагъ по холодному полу подымалъ пыль. Всѣ семеро метались, какъ заблудившееся овечье стадо. Фрэкенъ Гольмъ выпрямляла согнутыя спины и выправляла руки.

— Разъ, два, три, пятки вмѣстѣ, вверхъ, внизъ!

Семеро присѣдали шумно на пятки и снова стояли разставивъ ноги.

Потомъ топорно танцевали вальсъ. Пары смущенно, съ вытянутыми руками, держались какъ можно дальше другъ отъ друга. Онѣ вертѣлись какъ сонныя и не двигались съ мѣста.

Фрѣкенъ Гольмъ подбодряла и вертѣла ихъ.

— Хорошо, вертитесь—четыре, пять—хорошо, вертитесь, вертись, Йетточка!

Фрѣкенъ Гольмъ, не отставая, двигалась за среднимъ малышомъ Йенса Ларсена и за Йетточкой и вертѣла обоихъ, какъ волчокъ.

— Такъ, такъ, Йетточка!

Мать Йетточки находилась среди зрителей. Жены крестьянъ сидѣли вдоль стѣнъ, съ завязанными въ большіе банты лентами шляпъ, неподвижно, сложивъ руки на колѣняхъ, и не рѣшались перекинуться словомъ.

Фрѣкенъ Гольмъ обращалась къ нимъ:—милостивыя государины,—и улыбалась имъ при поклонахъ.

Теперь настала очередь «*Quadrille à la Cour*». Тройка Йенса Ларсена высоко подпрыгивала въ своихъ болотныхъ сапогахъ.

Кадриль напоминала свалку.

Фрѣкенъ Гольмъ совершенно обезсилѣла отъ танцевъ и командованія. Время отъ времени ей приходилось прислоняться къ стѣнѣ—такъ стучало у ней въ вискахъ.

Глаза ея стали слезиться отъ густой пыли.

Семеро продолжали бодро скакать посреди залы въ мутномъ полумракѣ.

Когда фрѣкенъ Гольмъ возвращалась съ урока, она завязывала голову носовымъ платкомъ. У ней былъ постоянно насморкъ и катарръ.

Въ свободное время она сидѣла, склонивъ носъ надъ горшкомъ съ кипящей водой, чтобы вылѣчиться.

Черезъ нѣкоторое время появилась музыка къ танцамъ:

Бродерсенъ игралъ на скрипкѣ. И прибавилось двое учениковъ, двое великовозрастныхъ.

Съ тѣхъ поръ и зрителей стало больше. Иногда даже приходилъ пасторъ съ дочерью.

Подъ двумя керосиновыми лампами танцевала фрѣкенъ Гольмъ, грудь впередъ, вытянувъ носокъ.

— Вытягивайте носки, дѣти, вытягивайте носки, видите, такъ...

Фрѣкенъ Гольмъ вытягивала ноги и приподымала платье: вѣдь она имѣла публику.

* *
*

Каждую недѣлю фрѣкенъ Гольмъ посылала въ Копенгагенъ свое вязанье.

Пакеты приходилось относить къ учителю, который исполнялъ почтовые обязанности въ мѣстечкѣ. Каждый разъ она невѣрно упаковывала или писала невѣрно адресъ, и учителю приходилось исправлять. Она стояла и смотрѣла съ безпомощностью шестнадцатилѣтней.

Газеты, пришедшія съ почтой, лежали на школьномъ столѣ. Однажды она собралась съ духомъ и спросила, нельзя ли ей просмотрѣть «Интеллигентскій Листокъ». Цѣлую недѣлю видѣла она этотъ пакетъ и нерѣшалась спросить.

Съ тѣхъ поръ она каждый день приходила въ обѣдннное время—учитель уже зналъ ея робкій стукъ одной костяшкой.—Входите, входите, фрэнкень, дверь открыта,—говорилъ онъ.

Она шла въ школьную комнату и брала «Интеллигентскій Листокъ». Она читала театральныя объявленія, репертуаръ и критику, въ которой не понимала ни слова. Но вѣдь это было «о тѣхъ; другихъ».

Она долго не могла справиться со столбцомъ; указательный палець граціозно слѣдовалъ за строчками.

Когда она дочитывала газету, она шла обратно по коридору и опять стучалась, какъ передъ тѣмъ.

— Ну,—спрашивалъ учитель,—что новаго въ городѣ?

— Все то же тамъ, тѣ же старыя обстоятельства,—отвѣчала она.

— Маленькая лягушка! Пожалуй она все еще влюблена въ ея собственнаго учителя танцевъ!—говорилъ учитель и глядѣлъ ей вслѣдъ въ окно. Фрэнкень Гольмъ возвращалась къ своему вязанью.

Въ театрѣ ставили новый балетъ. Фрэнкень Гольмъ знала имена участвующихъ и солистокъ наизусть.—Мы вмѣстѣ ходили въ балетное училище,—говорила она.

Въ вечеръ перваго представленія у ней была кулссная лихорадка, какъ будто ей самой надо было

танцовать. Она зажгла обѣ посѣрѣвшихъ отъ времени свѣчи на своемъ комодѣ и поставила ихъ по обѣ стороны Торвальдсеновскаго гипсоваго Христа. Потомъ она сѣла на свою корзину изъ-подъ шампанскаго и оставилась на свѣтъ.

Но она не могла выдержать одиночества. Старое театральное безпокойство овладѣло ею. Она вошла къ семьѣ кузнеца, сидѣвшей какъ разъ за ужиномъ. Тихо сѣла она на стулъ около старыхъ часовъ. Въ этотъ часъ она говорила больше, чѣмъ за цѣлый годъ. Съ лихорадочнымъ оживленіемъ рассказывала она о театрѣ и премьерахъ, о «большихъ соло» и бравурныхъ танцахъ.

Она напѣвала и качала туловищемъ, какъ маятникъ. Кузнецъ такъ развеселился отъ всего этого, что затанулъ старую солдатскую пѣсню и сказалъ своей женѣ:— Мать; надо по этому поводу выпить грога—знаешь изъ арака, покрѣпче!

Грогъ былъ сдѣланъ, обѣ свѣчи переставили отъ гипсоваго Христа на столъ. Такъ сидѣли, болтали и пили. Но среди всего этого веселья фрѣкенъ Гольмъ вдругъ умолкла, и крупныя слезы засверкали въ ея глазахъ. Она встала и пошла въ свою комнату. Тамъ она сѣла на свою старую корзину и заплакала. Долго; долго сидѣла она такъ, потомъ раздѣлась и легла въ постель. Сегодня она не дѣлала «разъ» передъ постелью.

У ней была только одна мысль.

Она думала о немъ, ходившемъ съ ней въ балетную школу.

Тихо лежала она въ своей постели и только время отъ времени всхлипывала въ темнотѣ. Она уткнулась головой въ подушки, все еще слышала она рѣзкій, бранящій голосъ балетмейстера:—У Гольмъ нѣтъ elan... У Гольмъ нѣтъ никакого elan...—Онъ кричалъ это такъ громко, что слышно было по всему залу.

Какъ она отчетливо слышитъ это! Какъ ясно видить залу!

Фигурантки продѣлывали упражненія длиннымъ рядомъ, па за па. Устало прислонилась она на мгновеніе къ стѣнѣ—ей казалось, что у ней отрываютъ отъ тѣла усталые члены; какъ вдругъ опять раздался пронзительный голосъ балетмейстера:—У Гольмъ нѣтъ никакого самолюбія!

Она видѣла свою комнатку; дома. Мать, стоная, сидѣла въ большомъ креслѣ; въ мутномъ свѣтѣ лампы сестра работала на стучащей швейной машинѣ, и она слышала астматическій голосъ матери:—Анна Штейнъ танцевала соло?

— Да, мама.

— Ей дали «la grande Napolitaine»?

— Да, мама!

— Вѣдь вы же вмѣстѣ поступили въ школу,—продолжна она, укоризненно глядя на нее.

— Да, мама.

И она видѣла Анну Штейнъ въ пестрой юбочкѣ; ленты развѣвались на тамбуринѣ; такая оживленная и смѣющаяся, въ свѣтѣ рамы, танцуетъ она большое соло... И вдругъ она прижала лицо къ подушкѣ

и зарыдала горько, неудержимо, въ дикой, отчаянной боли...

Наступило утро, прежде чѣмъ она уснула.

* *
* *

Балетъ имѣлъ успѣхъ. Фрѣкенъ Гольмъ прочла рецензии въ школѣ, и пока она читала, нѣсколько старушечьихъ слезъ упало на бумагу.

Она часто получала письма отъ сестры. Это была все та же старая пѣсня о залоговыхъ квитанціяхъ и нуждѣ. Въ тѣ дни, когда приходили письма, маленькое существо забывало свое вязанье; она сидѣла, опершись головой на руки, съ открытымъ письмомъ на колѣняхъ. Наконецъ она рѣшила сдѣлать обходъ по родителямъ учениковъ и, краснѣя и блѣдная отъ смущенія, она просила половину гонорара. Это она послала домой.

Дни проходили. Фрѣкенъ Гольмъ продолжала обучать танцамъ. Образовался еще кружокъ. Около десятка молодыхъ людей изъ окрестныхъ хуторовъ собрались и танцовали три вечера въ недѣлю въ большой залѣ корчмы Петера Мадсена на опушкѣ лѣса.

Туда фрѣкенъ Гольмъ приходилось итти полмили во тьмѣ зимнихъ вечеровъ; трусливая, какъ заяцъ, она вспоминала всѣ рассказы о привидѣніяхъ; которые рассказывались въ балетной школѣ.

Ей приходилось переходить по гати, обсаженной ветлами. Со страхомъ глядѣла она на спутанныя вѣтви;

подымавшіяся, какъ руки, къ небу. Сердце ея было какъ холодный камень въ груди.

Урокъ продолжался три часа. Она командовала; она вертѣла пары. Съ мужчинами она танцевала сама, по очереди. Наконецъ ея щеки покрывались чахоточнымъ румянцемъ.

Теперь ей приходилось возвращаться домой. Ворота дома Петера Мадсена были уже заперты. Дворникъ провожалъ ее съ фонаремъ и отпиралъ. Нѣсколько мгновений онъ еще свѣтилъ ей, когда она уходила въ жуткую тьму.

Она слышала еще за спиной его «спокойной ночи» и стукъ захлопываемой калитки.

Первая часть пути извивалась среди заборовъ, и съ обѣихъ сторонъ наклонялись кустарники и кивали...

Когда стала приближаться весна; курсъ танцевъ былъ законченъ. Кружокъ Петера Мадсена захотѣлъ устроить заключительную вечеринку въ гостиницѣ.

III.

Празднество вышло торжественнымъ. Надъ дверью былъ повѣшенъ транспарантъ съ надписью «Привѣтъ», а потомъ былъ холодный ужинъ, по двѣ кроны съ прибора, при чемъ предсѣдательствовали дочь пастора и викарій.

Фрѣкенъ Гольмъ была одѣта въ разукрашенное ба-режевое платье, и въ волосахъ ея была греческая лента. Пальцы ея были украшены кольцами, подаренными ей еще въ балетной школѣ.

Между танцами она брызгала на полъ лавандовую воду и грозила пузырькомъ «дамамъ». Фрѣкенъ Гольмъ молодѣла, когда приходилось устраивать прощальныя вечеринки.

Сперва отплясали кадрили.

Родители важно стояли вдоль стѣнъ или въ дверяхъ и удивленнымъ взоромъ слѣдили за своими отпрысками. Молодежь танцевала кадрили, съ лицами, застывшими, какъ маски, и такими осторожными шагами, какъ будто двигались по гороху.

Фрѣкенъ Гольмъ ободряла и любезно и граціозно раскланивалась по сторонамъ. Оркестръ представляли собой портной Бродерсенъ и его сынъ. Бродерсенъ младшій нѣсколько громко обрабатывалъ рояль, одолженную у пастора.

Начались другіе танцы, и атмосфера стала свободнѣй. Мужчины набросились на пуншъ въ сосѣдней комнатѣ, а господа «ученики» приглашали фрѣкенъ Гольмъ.

Она танцевала манерно, склонивъ голову на бокъ, на носкахъ, съ нѣсколько устарѣвшей дѣвичьей граціей.

Мало-по-малу другія пары переставали танцевать; и фрѣкенъ Гольмъ оставалась одна съ ея кавалеромъ. Мужчины оставили пуншъ, стали въ дверяхъ и неоднократно выражали знаки удивленія, въ то время какъ балерина, ободренная успѣхомъ, все больше вытягивала носки и раскачивалась въ бедрахъ. Дочь пастора такъ веселилась, что ущипнула викарія за руку, чтобы не разсмѣяться громко.

Послѣ мазурки учитель крикнулъ «браво», и все зааплодировали. Фрѣкенъ Гольмъ поблагодарила съ балетнымъ реверансомъ, при чемъ она прижала два пальца къ сердцу.

Теперь надо было идти къ столу, и она устроила полонезъ. Все приняли въ немъ участіе, и женщины толкали другъ друга отъ смущенія и удовольствія.

Мужчины взяли своихъ супруговъ, говоря:—Ну-ка, мать; попробуемъ и мы...

Кое-кто запѣлъ старые марши и притопывалъ въ тактъ.

Фрэкень Гольмъ пошла къ столу съ учителемъ и сидѣла подъ бюстомъ его величества, короля.

Настроение стало опять торжественнымъ. Фрэкень Гольмъ была единственной, разговаривавшей въ «салонномъ» тонѣ, какъ на подмосткахъ въ комедии Скриба. Но мало-по-малу общество насыщалось и становилось бодрѣе. Мужчины стали чокаться черезъ столъ.

На нижнемъ концѣ, гдѣ сидѣла молодежь, веселье быстро возросло, и съ трудомъ удалось водворить требуемую тишину для рѣчи учителя. Тостъ его былъ сказанъ въ честь фрэкень Гольмъ и девяти музъ. Онъ говорилъ долго. Общество за столомъ не двигалось; слушали, глядя на тарелки и катая шарики изъ хлѣба. Лица получили торжественное, застывшее выражение, какъ въ церкви, когда священникъ читаетъ «Отче нашъ».

Ораторъ счастливо добрался до Фрейи и ея двухъ кошекъ и теперь — связь была не всѣмъ ясна — произнесъ благопожелание фрэкень Гольмъ, «жрицѣ искусства». Девять разъ громко прокричали «ура» и всѣ хотѣли чокнуться съ поздравляемой.

Фрэкень Гольмъ не поняла ни одного слова изъ всей рѣчи и почувствовала себя крайне польщенной. На щекахъ ея появились два темно-красныхъ пятна. Поднялся большой шумъ.

Молодые стали пѣть, старые произносили нѣкоторые отдѣльные тосты, вставали съ мѣстъ, хлопали другъ друга по плечу или толкались животами, что они считали очень хорошей шуткой. Жены стали ки-

дать супругамъ строгіе взгляды, боясь, что они слишкомъ разойдутся.

Посреди всего этого веселья слышно было, какъ фрёкенъ Гольмъ, ставшая тоже очень веселой, поддѣтски смѣялась, какъ лѣтъ тридцать тому назадъ въ балетной школѣ. .

Учитель сказалъ:—Фрёкенъ Гольмъ должна бы протанцовать что-нибудь

— Да вѣдь она уже танцевала...

— Да--но протанцовать что-нибудь — какое-нибудь солс, это было бы...

Фрёкенъ Гольмъ поняла, и страстная охота поднялась въ ней. она должна была танцевать!

Но она овладѣла собой и сказала смѣясь женѣ Пергмадсена:—Нѣтъ, господинъ ораторъ хочетъ, чтобы я танцевала,—какъ будто это было самое смѣшное въ мірѣ. Стоящіе вблизи слышали его, и вскорѣ раздался единогласный крикъ:—Да, вы должны танцевать. . И всѣ настаивали.

— Да, если фрёкенъ согласится сыграть тарантеллу...

Окружили дочь пастора. Она охотно соглашалась попробовать. Учитель всталъ и стукнулъ по стакану.— Милостивыя государыни и милостивые государи,—началь онъ,—Фрёкенъ Гольмъ окажетъ намъ честь и протанцуетъ ..

— Bravo! Урра!—закричали всѣ и поднялись съ мѣсть

У викарія должно быть уже были синяки, такъ его испугала пасторская дочка.

Теперь она пошла съ фрэнкень Гольмъ въ залу по-пробовать музыку.

Балерина въ лихорадочномъ возбужденіи ходила взадъ и впередъ, вытягивая носки; она указала на полъ, изборожденный горными склонами и сказала:

— Я не привыкла въ сущности танцовать въ циркѣ..

И послѣ маленькой паузы:--Ну что жъ, для шутки

При этомъ голосъ ея былъ совсѣмъ хриплый отъ волненія.

— Я выйду послѣ первыхъ десяти тактовъ,--сказала она.—Когда я буду готова, я вамъ подамъ знакъ.. съ этими словами она ушла въ сосѣдную комнату. Публика стала полукругомъ, любопытно перешоптываясь.

Учитель взялъ канделябры со стола и разставилъ ихъ по окнамъ, какъ для иллюминаціи.

Раздался тихій стукъ.

Пасторская дочка стала играть, и взоры всѣхъ выжидательно направились на дверь. Послѣ десятаго такта она отворилась, и всѣ захлопали въ ладони.

Фрэнкень Гольмъ перевязала платье римскимъ шарфомъ.

Это была «la grande Napolitaine».

Она шла на носкахъ и поворачивалась на пунктахъ.

Зрители съ большимъ удивленіемъ глядѣли на ея ноги, которыя двигались съ большой быстротой, какъ барабанныя палки. Когда она искусно остановилась на одной ногѣ, всѣ зааплодировали.

— Быстрѣй, быстрѣй,—командовала она и продолжала танцовать. Она улыбалась, кивала и жестикули-

ровала; она все больше и больше переходила къ мимикѣ. Вскорѣ она перестала видѣть лица зрителей, она открыла ротъ и показала зубы (нѣсколько ужасныхъ зубовъ),—она кивала, двигалась—и чувствовала только одно: она танцевала большое соло...

Наконецъ-то, наконецъ-то достигнута цѣль! Соло...

Она уже не была больше «la Napolitaine».

Она была Фенелла, колѣнопреклоненная Фенелла, просящая и умоляющая,—трагическая Фенелла...

...Она не знала, какъ она поднялась, какъ она вышла...

Музыка мгновенно оборвалась; она услышала смѣхъ; и увидала его на всѣхъ лицахъ...

Тогда она встала, еще разъ раскинула руки—по привычкѣ—и раскланялась, когда они закричали «браво».

Въ сосѣдней комнатѣ она остановилась въ изнеможеніи и прислонилась къ столу... Было такъ темно передъ ней... Такъ пусто...

Медленно развязала она шарфъ, неувѣренными, застывшими пальцами расправила платье и безшумно вернулась въ залу, гдѣ они продолжали хлопать.

Около самага рояля она остановилась на мгновение и поклонилась, но не подымала глазъ отъ земли... Всѣ спѣшили продолжать танцы.

Фрѣкенъ Гольмъ скользила отъ одного къ другому, чтобы проститься, и ученики клали ей въ руку деньги, завернутыя въ бумагу.

Жена Петера Мадсена помогла ей надѣть шубу, а въ послѣднее мгновение дочь пастора пришла съ викаріемъ и захотѣла провожать ее.

Молча пошли они своей дорогой. Дочь пастора была очень несчастна и охотно извинилась бы, но не знала, что ей сказать. Маленькая балерина медленно съемила около нихъ, тихая и блѣдная.

Викарій прервалъ тягостное молчаніе.

— Вдите ли фрэкенъ,—сказалъ, онъ,—эти люди не имѣютъ никакого чутья къ трагическому.

Фрэкенъ Гольмъ продолжала итти молча. Когда они пришли къ кузницѣ, она раскланялась и подала обоимъ руку.

Дочь пастора, тронутая, обняла ее и поцѣловала.

— Покойной ночи, фрэкенъ!—сказала она неувѣреннымъ отъ волненія голосомъ...

Нѣкоторое время они еще стояли передъ дверью, пока не увидѣли свѣтъ въ окнѣ танцовщицы.

Фрэкенъ Гольмъ сняла береговое платьице и бережно сложила его. Потомъ она развернула деньги, сосчитала ихъ и зашила ихъ въ маленькій карманъ платья. Игла двигалась утомленно и медленно, въ то время какъ она бессильно сидѣла въ свѣтѣ свѣчи.

На слѣдующее утро ея корзину изъ-подъ шампанскаго привязали къ почтовой телѣгѣ. Былъ мутный дождливый день, и фрэкенъ Гольмъ совсѣмъ ушла въ себя подъ рванымъ зонтикомъ; маленькія, худыя ноги она подобрала подъ себя и сидѣла по-турецки на своей корзинкѣ.

Когда нужно было тронуться—кучеръ шелъ рядомъ, потому что лошади было достаточно тяжело везти и одного пассажира,—пришла дочь пастора съ непокрытой головой. Она принесла съ собой бѣлое лукошко.

— На дорогу надо имѣть провизію,—сказала она. Она склонилась подъ дождевой зонть, обняла фрѣкенъ Гольмъ и поцѣловала ее дважды...

Старая балерина расплакалась. Растроганная схватила она руку молодой дѣвушки и запечатлѣла на ней поцѣлуй.

Дочь пастора остановилась на дорогѣ, глядя вслѣдъ старому зонтику, пока онъ не исчезъ изъ виду.

* *
*

Фрѣкенъ Гольмъ приглашала въ ближайшемъ мѣстечкѣ участниковъ для «весенняго курса модныхъ общественныхъ танцевъ».

Подписалось шестеро.

Туда отправлялась она теперь, чтобы продолжать то, что называютъ жизнью.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ.

Перев. А. Владиміровой.

О счастье.

Наступила Пасха.

Въ замкѣ было въ полномъ разгарѣ празднованіе перваго пасхальнаго вечера.

Весь домъ былъ пропитанъ праздничной торжественностью и скукой. Въ билліардной поставленъ ломберный столъ, и егермейстеръ, докторъ, пасторъ и угравляющій, какъ всегда въ этотъ праздничный день, играли въ карты.

Они играли молча.

Управляющій сидѣлъ за зеленымъ столомъ съ такимъ покорнымъ и подобострастнымъ видомъ, какъ будто онъ дѣлалъ хозяину докладъ по управленію имѣніемъ.

Егермейстеръ ругался, когда не шла карта, и безъ стѣсненія вытягивалъ ноги такъ, что постоянно толкалъ подъ столомъ пастора.

Управляющему везло, и онъ выигралъ, несмотря на то, что для егермейстера не было большаго удовольствія, какъ обыгрывать своихъ подчиненныхъ.

Возлѣ стола стоялъ сынъ хозяина дома, лейтенантъ; и, опустивъ руки въ карманы брюкъ, слѣдилъ за игрой.

Онъ стоялъ неподвижно на одномъ мѣстѣ почти уже часъ. Зѣвая, онъ подносилъ къ аристократическому рту бѣлую, коленую руку.

Наконецъ онъ повернулся на каблукахъ и спустился по лѣстницѣ въ первый этажъ.

Въ передней сидѣлъ лакей, стройный молодой человекъ, казавшійся на вечерахъ, устраиваемыхъ егермейстеромъ, однимъ изъ наиболѣе аристократическихъ гостей. Мать его была прачкой, но молодой человекъ любилъ намекать своимъ товарищамъ, что онъ плодъ незаконной любви: и по отцу въ родствѣ съ самыми знатными фамиліями. Теперь онъ дремалъ, сидя на стулѣ съ высокой спинкой. При звукѣ приближающихся шаговъ лейтенанта: онъ вскочилъ и поклонился, причемъ глаза его сразу приняли выраженіе подобострастія.

— Спите? — спросилъ лейтенантъ.

Молодой человекъ пробормоталъ что-то невнятно.

— Вполнѣ васъ понимаю, — сказалъ лейтенантъ и прошелъ дальше.

Въ гостиной, удобно расположившись въ большихъ креслахъ, сидѣли гости. Разговоръ не клеился.

Лейтенантъ присѣлъ тутъ же.

— Кажется у васъ весело и оживленно — замѣтилъ онъ. И опять наступила тишина.

— А не сыграть ли въ карты? — раздался вдругъ чей-то голосъ.

Говорившій былъ лейтенантъ Кнутъ, маленькій, худощавый драгунъ, цѣдившій каждое слово черезъ передніе зубы: и три раза уже на скачкахъ ломавшій себѣ ключицу,

Сынъ хозяина дома зѣвнулъ.

— Нельзя же весь день играть въ карты! — сказалъ онъ.

Днемъ, со спущенными занавѣсками они играли уже въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ въ одной изъ ба-шенныхъ комнатъ.

— Нѣтъ! — раздался голосъ изъ другого угла гостиной.

Это говорилъ лейтенантъ Ведель, длиннѣйшій офицеръ изъ всей гвардіи, который, когда у него не было другого дѣла, всегда съ выраженіемъ удивленія смотрѣлъ на собственныя длинныя ноги.

Опять наступила тишина.

— Что теперь дѣлають слуги? — спросилъ наконецъ скучающимъ тономъ служащій при министерствѣ, Феддерсенъ, который долгое время былъ поглощенъ молчаливымъ созерцаемъ своего вышитаго жилета.

— Они спять, — отвѣчалъ сынъ хозяина дома.

— Это удивительно; — сказалъ лейтенантъ Кнутъ, — простонародіе, какъ собаки; они могутъ спать во всякое время.

— Разница въ томъ, что они и во снѣ грѣшатъ; — добавилъ Феддерсенъ; — оставить въ покоѣ дѣвушекъ они не могутъ никогда.

Никто не рѣшился улыбнуться.

— Но почему егермейстеръ пилъ за здоровье пастора? — спросилъ Кнутъ, мысль котораго невольно при словѣ «грѣшатъ» перенеслась на пастора.

— Это онъ дѣлаеть каждый годъ въ Свѣтлое Христово Воскресенье.

— Вотъ какъ! — продолжалъ лейтенантъ; — вотъ почему насъ угощали силлери, вмѣсто мумма, который намъ подаютъ обыкновенно.

Егермейстеръ приглашалъ пастора съ дочерью только по торжественнымъ праздникамъ, три раза въ годъ; остальные обязательные гости (т.-е. служащіе въ имѣніи) приглашались безъ дамъ.

Въ эти знаменательные дни, три раза въ годъ, онъ имѣлъ обыкновеніе вести къ обѣденному столу дочь пастора, и, когда подавали жаркое, подымалъ бокаль за «радѣтеля о душахъ», онъ всегда употреблялъ при этомъ выраженіе: «который постоянно такъ преданно дѣлилъ съ нимъ судьбу, какъ въ хорошіе, такъ и въ плохіе дни».

— Это давнишній обычай, — сказалъ сынъ хозяина, слышавшій эту отцовскую рѣчь съ самаго ранняго дѣтства.

Въ зимнемъ саду: Алиса, дочь хозяина, съ дочерью пастора проглядывали альбомъ. Дочь пастора была худощавой сорокалѣтней старой дѣввой, посвятившей себя благотворительности; въ настоящее время она особенно заинтересована была отдѣленіемъ союза мира, членомъ котораго она состояла.

Когда дочь пастора говорила, казалось всегда, что она держитъ рѣчь въ общемъ собраніи.

Въ замкѣ, гдѣ она уже десять лѣтъ подъ рядъ появлялась все въ томъ же сѣромъ шелковомъ платьѣ, съ особой силой разгоралось въ ней недоброежелательное чувство къ людямъ, что не мѣшало однако ей тутъ же получать членскіе взносы въ пользу своихъ об-

щество и раздавать находившіяся у ней всегда въ ридикюльѣ квитанціи.

Напротивъ дамъ сидѣль камеръ-юнкеръ Бернеръ, и самъ того не сознавая, не спускалъ съ Алисы глазъ.

Взоръ его отличался особой грустью и мечтательностью.

Алиса подняла глаза.

— О чемъ думаете? — спросила она.

Камеръ-юнкеръ слегка смутился.

— Ни о чемъ, — отвѣчалъ онъ.

И опять остановились его взоры на Алисѣ, сидѣвшей подъ лампой въ своемъ блестящемъ атласномъ платьѣ.

Алиса засмѣялась и быстро повернула новую страницу альбома.

— Да, — сказала она, — это моя тетка — княгиня Денти.

— А-а! — подумала дочь пастора, бросивъ бѣглый взглядъ на портретъ, это та, которая пьетъ.

— Бернеръ! — раздался вдругъ изъ гостиной голосъ сына хозяина дома; — который часъ?

— Только еще девять.

— Да, «только еще» — это вѣрно, — продолжалъ сынъ хозяина.

— Да, — сказала дочь пастора, которая, по обыкновенію, уже почувствовала себя обиженной, — мы велѣли кучеру пріѣхать за нами въ десять.

Три раза въ годъ, въ большіе праздники въ замкѣ наслаждались обществомъ пастора и его дочери неизмѣнно отъ пяти до десяти.

— Они для насъ измѣряють свое гостепрїимство по часовой стрѣлкѣ, — говорила часто дочь пастора, появляясь; однако, несмотря на чувство обиды, аккуратно три раза въ годъ въ замкѣ.

— Бернеръ; скажите что-нибудь, — обратилась къ камеръ-юнкеру Алиса.

— Я думаю; что бы сказать! — пролепеталъ совершенно смутившійся молодой человѣкъ.

Алиса такъ весело засмѣялась, что смѣхъ ея разнесся по высокимъ сводамъ; но вдругъ она сдѣлала серьезное лицо и снова стала смотрѣть въ альбомъ.

— Это мой двоюродный братъ, — сказала она.

«А-а! — подумала дочь пастора, лицо которой приняло еще болѣе строгое выраженіе, — это тотъ, у котораго былъ романъ съ дочерью приказчика».

Перелистываніе альбома въ замкѣ производило на дочь пастора то же впечатлѣніе, какъ если бы она рылась въ какой-нибудь скандальной хроникѣ. Она дѣлала это съ особеннымъ наслажденіемъ.

Въ гостиной завязался разговоръ о политикѣ и о новыхъ выборахъ въ рейхстагъ.

Въ гарнизонномъ городкѣ выставляли радикала; и шансы «благомыслящихъ» — это выраженіе позаимствоваль Феддерсенъ у оппозиціонной газеты — казались сомнительными.

— Да, — добавилъ Кнутъ, и на лбу его появились морщины, — Дрекслеръ (такъ звали кандидата радикаловъ) побѣдитъ несомнѣнно.

— Это еще не извѣстно, — сказалъ сынъ хозяина. —

Подождете, что будетъ. Министерство пользуется полнымъ довѣріемъ.

— Да, — подтвердилъ Феддерсенъ. Онъ вдругъ сталъ говорить громко.

Однако политическій разговоръ на этомъ и окончился.

Черезъ нѣкоторое время былъ поданъ чай.

— Чортъ возьми! — раздался вдругъ голосъ кого-то изъ сидѣвшихъ у окна. — Что я вижу? Да вѣдь это снѣгъ!

Все общество оживилось. Всѣ подошли къ окнамъ; а сынъ хозяина стремглавъ бросился къ дверямъ, спустился съ лѣстницы и какъ вихрь ворвался въ биллиардную, гдѣ четверо партнеровъ все еще возсѣдали на своихъ мѣстахъ.

— Идетъ снѣгъ! — крикнулъ онъ, вбѣгая.

— Ты съ ума сошелъ, — возразилъ егермейстеръ.

— Да увѣрю же тебя, что идетъ снѣгъ, — отвѣтилъ лейтенантъ, — и это 20-го апрѣля!

Партнеры встали съ своихъ мѣстъ и подошли къ окну, которое распахнулъ егермейстеръ.

Дѣйствительно шелъ снѣгъ; густо и мягко стелился онъ неслышно по освѣщенному двору замка.

Егермейстеръ не вѣрилъ своимъ глазамъ.

— Тутъ не безъ вмѣшательства сатаны, — сказалъ онъ, забывъ о присутствіи «радѣтеля о душахъ».

Во дворѣ замка раздавался звонкій смѣхъ. Алиса выбѣжала подъ бѣлый падающій снѣгъ.

— Идите сюда! Идите! — звала она, и въ одно мгновение всѣ молодые люди выбѣжали на дворъ.

— Алиса! Алиса! — кричалъ стоявшій все еще у окна егермейстеръ.

— Алиса!.. Она ничего не надѣла на голову!..

Но Алиса ничего не слушала. Приподнявъ слегка юбку, она стояла посреди двора, а хлопья снѣга летали вокругъ нея.

— Вотъ это для тебя! — крикнулъ Ведель и пустилъ Феддерсену въ спину мокрымъ и холоднымъ комкомъ.

Алиса выпустила изъ рукъ юбку, снѣгъ кружился вокругъ ея головы, и всѣ весело смѣялись.

— Вотъ! — крикнула она, и въ это мгновеніе снѣговой мячъ попалъ прямо въ лицо Веделя.

— Вотъ какъ? — отвѣтилъ онъ, и другой комъ снѣга пролетѣлъ мимо ея уха.

— Спасибо! — крикнула она, отскочивъ въ сторону.

Снѣгъ таялъ, и вода струйками бѣжала по ея волосамъ.

Сынъ хозяина дома, желая присоединиться къ общему веселью, сбѣжалъ внизъ. Онъ кричалъ громче всѣхъ. Молодые люди хохотали, комы снѣга летѣли во всѣ стороны, а сверху раздавался сердитый голосъ егермейстера.

— Посмотрите на камеръ-юнкера! Посмотрите на камеръ-юнкера! — кричала Алиса. Она буквально осыпала Бернера снѣгомъ, подбирая его голыми руками съ земли.

— Ну-съ! оплатите тѣмъ же! оплатите тѣмъ же! — кричала она.

Но Бернеръ не двигался. Какъ снѣжная баба стоялъ онъ передъ ней неподвижно, а она все больше и больше залѣпляла его снѣгомъ.

— Ну, бросайте жс въ меня! — опять повторила она. Бернеръ не двигался.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ коротко.

Онъ отеръ съ глазъ мокрый снѣгъ, чтобы лучше видѣть ее; она стояла передъ нимъ, съ покрытыми снѣгомъ волосами, съ поднятыми кверху руками, румяная, сіяющая.

Вдругъ Алиса перестала смѣяться; комъ, брошенный братомъ, попалъ ей прямо въ лобъ.

— Вотъ тебѣ! — крикнулъ онъ.

Тутъ уже пошла прямо битва. Всякій бросалъ снѣгомъ, не разбирая куда, и всѣ весело смѣялись.

— Георгій! Георгій! — крикнула Алиса брату, — теперь надо подать шампанскаго.

— Необходимо! — отвѣтилъ Георгій.

Опять что-то крикнулъ егермейстеръ, но никто не обратилъ на это вниманія. Ослѣпленные снѣгомъ всѣ бѣгали по двору.

Бернеръ, самъ того не замѣчая, не отходилъ отъ Алисы.

Никто не замѣтилъ экипажа пастора, который подѣхалъ къ крыльцу, а затѣмъ вскорѣ выѣхалъ со двора.

Вдругъ Алиса услышала стукъ тяжелаго стараго экипажа по мосту.

— Пасторы уѣхали! — воскликнула она испуганно, и руки ея повисли.

Они дѣйствительно уѣхали.

Дочь пастора просила «ради нея не прерывать удовольствіе молодыхъ людей» и съ этими словами сѣла въ экипажъ.

На лицѣ ея было то же выраженіе, какъ въ то время, когда она читала свой докладъ на собраніи Общества борьбы съ безнравственностью.

Пасторъ долго сидѣлъ молча возлѣ дочери. Онъ ея побаивался.

— Катарина, — обратился онъ къ ней наконецъ, — сегодня они были очень любезны.

— Да, — промолвила Катрина, помолчавъ немного.

— И хорошо, что мы побывали у нихъ, исполнили свой долгъ.

Наступило нѣкоторое молчаніе.

— Ничего интереснаго, — заговорила снова Катрина, — въ замкѣ не найти.

Послѣ этого пасторъ и его дочь продолжали путь молча.

* * *

*

— Вотъ и шампанское! — воскликнулъ Георгій.

Лакей, спускаясь по лѣстницѣ, несъ два холодильника съ виномъ. Всѣ встрѣтили его появленіе громкими криками.

— Поставьте ихъ на край бассейна, — приказала Алиса. — Теперь, господа, прошу къ столу!

Пробки съ шумомъ вылетѣли изъ бутылокъ; снѣгъ падалъ не переставая, и все общество усѣлось на краю бассейна.

— Здѣсь превосходно сидѣть! — воскликнулъ Кнутъ, проглатывая залпомъ стаканъ вина.

Всѣ пили и весело смѣялись. Сидя такъ, на краю

бассейна, они напоминали собою шесть бѣлыхъ привидѣній, засыпанныхъ снѣгомъ.

— Чортъ побери! — сказала Аліса, приподнявъ лицо кверху, и подставляя его навстрѣчу падающему снѣгу. — До чего здѣсь дивно хорошо!

Аліса, когда находилась въ хорошемъ настроеніи, не прочь была и чорта помянуть.

— Ахъ! — добавила она, — если бы услышала меня дочь пастора! навѣрное, на какомъ-нибудь собраніи она призвала бы на мою голову громы и молніи. За ваше здоровье, Бернеръ!

— Вы, — сказала она вдругъ измѣнившимся, серьезнымъ голосомъ, съ вдумчивымъ выраженіемъ глазъ, — вы, Бернеръ, одни не шутите.

Внезапно раздался протяжный густой звонъ. Егермейстеръ стоялъ съ непокрытой головой наверху, лѣстницы и ударялъ въ гонгъ.

— Вернетесь ли вы наконецъ домой? — кричалъ онъ.

И снова прозвонилъ гонгъ.

— Вернетесь вы?

— Да, мы идемъ! — крикнула Аліса и побѣжала въ домъ впереди молодыхъ людей. Они направились всѣ длиннымъ коридоромъ; впереди шли лейтенанты, за ними Бернеръ и Феддерсенъ.

Феддерсенъ задумчиво крутилъ усы.

— Бернеръ, — сказалъ онъ вдругъ, — другъ Бернеръ, вы, кажется, лишились разсудка.

Бернеръ ничего не возразилъ и не просилъ объясненій.

— Но вы слишком скромны, — продолжалъ Феддерсенъ, — въ этомъ вся загвоздка.

Феддерсенъ опять замолчалъ.

— Можно было бы даже подумать, — добавилъ онъ черезъ минуту, — что вы сами не сознаете, какая Божья благодать выпадаетъ на вашу долю.

— Божья благодать? — переспросилъ Бернеръ, который обыкновенно, когда съ нимъ говорилъ мужчина, не слушалъ, а когда говорила женщина, молча смотрѣлъ на нее.

— Да, мой другъ! — подтвердилъ Феддерсенъ.

* *
*

Алиса стояла у большого окна гостиной. Она запахнула его и молча задумчиво уставилась вдаль.

— Георгій! — сказала она наконецъ; — если такъ будетъ продолжаться, завтра на балъ надо будетъ ѣхать въ саняхъ.

— Ты съ ума спятила! — отвѣтилъ Георгій, вынимая папироску изо рта. — Развѣ можетъ въ такое время года выпасть столько снѣга? Къ тому же мы никоимъ образомъ не могли бы ѣхать въ саняхъ; они не въ порядкѣ и отправлены въ кузницу.

* *
*

Гости разошлись по своимъ комнатамъ.

Бернеръ, стоя у окна, машинально глядѣлъ на па-

дающій снѣгъ. Онъ весь былъ поглощенъ однимъ вопросомъ.

Алиса осталась одна въ гостиной. Она сидѣла у рояля и, задумчиво улыбаясь, глядѣла передъ собой. Затѣмъ она взяла аккордъ, другой и начала играть.

Звуки Рубинштейновскаго галопя раздались подъ сводами высокой комнаты. Лакей отворилъ дверь и сказалъ, что его превосходительство приказали спросить, долго ли еще будетъ барышня играть?

— Вы можете ложиться спать, Гансенъ, — сказала она въ отвѣтъ и продолжала играть.

Гансенъ потушилъ лампы и удалился въ свою комнату.

Онъ поставилъ лампу на столъ къ кровати и началъ раздѣваться.

Господинъ Гансенъ имѣлъ обыкновеніе читать передъ отходомъ ко сну, и набросивъ на себя халатъ изъ китайскаго шелка (молодой человѣкъ пользовался старыми туалетами Георгія), онъ погрузился въ чтеніе.

Въ настоящее время онъ читалъ «Bel Ami».

Вообще, Гюи де-Мопасанъ былъ его любимымъ авторомъ.

* * *

Кнутъ и Ведель еще не ложились спать. Передъ ними стояла бутылка мадеры.

— Ей-Богу! это чудная дѣвушка! — сказалъ Кнутъ.

— Да, — пробормоталъ Ведель.

— И не изъ такихъ; чтобы ее можно было обла-
пить; — продолжалъ Кнутъ.

— Нѣтъ, — снова пробормоталъ Ведель.

Оба лейтенанта задумались и нѣкоторое время про-
сидѣли молча.

— А что ты скажешь о камеръ-юнкерѣ? — спросилъ
черезъ нѣкоторое время Ведель.

— Ну, — отвѣчалъ Кнутъ, — говорить онъ немного.

Они опять замолчали.

— Но знаешь ли, — сказалъ немного погодя и какъ
бы намекая на прошедшее, Ведель, — если надлежа-
щимъ образомъ смотришь на дѣвушку глазами, то и не
нужно много словъ. Это мое глубокое убѣжденіе!

— Да, это начинается со взглядовъ... Надо при-
знаться, — добавилъ онъ немного погодя, — у насъ мало
дѣвиць.

— Да, — согласился Кнутъ, — т.-е. мало настоящихъ.

Потомъ вдругъ разговоръ перешелъ на легавыхъ
собакъ.

Всѣ въ замкѣ спали.

На дворѣ попрежнему падалъ снѣгъ.

* *
*

Георгій потянулся, лежа въ кровати, и зѣвнулъ.

Гансенъ вошелъ съ чаемъ на подносѣ.

— Какова погода? — спросилъ Георгій.

— Идетъ снѣгъ, господинъ лейтенантъ, — отвѣчалъ

съ поклономъ Гансенъ, казавшійся нѣсколько заспаннымъ и небрежно одѣтымъ.

Молодой человѣкъ имѣлъ обыкновеніе заниматься своимъ туалетомъ уже по окончаніи утренней уборки комнаты.

— Что за диковина!.. Открой занавѣски.

Георгій выпрямился, сидя на кровати.

— Ей-Богу! На самомъ дѣлѣ идетъ снѣгъ.

Этого нельзя было отрицать. Кругомъ сугробами лежалъ снѣгъ.

— А намъ сегодня надо ѣхать въ Ведби, — пробормоталъ Георгій.

Гансенъ молча вышелъ изъ комнаты, а Георгій попрежнему сидѣлъ на кровати.

— Ну, теперь егермейстеръ будетъ въ недурномъ настроеніи!

Онъ вспомнилъ посѣвы въ поляхъ отца.

— Vien! — промолвилъ онъ наконецъ, — съ этимъ ничего не подѣлаешь, — и повернулся къ стѣнѣ съ намѣреніемъ еще подремать.

Проснувшись снова, онъ позвонилъ. Вошелъ Гансенъ съ водой для бритья. Во время трехмѣсячнаго пребыванія въ Копенгагенѣ Гансенъ вполне овладѣлъ искусствомъ бритъ и накрывать на столъ, и теперь онъ такъ же увѣренно проводилъ по лицу Георгія бритвой, какъ крестьянинъ плугомъ по пашнѣ.

Георгій не смѣлъ произнести ни слова, пока Гансенъ дѣйствовалъ бритвой.

— Всталъ ли уже кто-нибудь? — спросилъ онъ, когда Гансенъ на мгновеніе прервалъ бритье.

— Барышня ушла въ кузницу, — отвѣтили Гансенъ.

— Чего ей тамъ понадобилось? А! это вѣроятно относительно сапей! Но это ни къ чему не поведетъ, и она могла бы избавить себя отъ этой прогулки. А гдѣ камеръ-юнкеръ?

— Онъ, надо думать, пошелъ съ барышней.

Гансенъ снова принялся за свою работу. Во время краткаго разговора съ бариномъ ни одинъ мускулъ его лица не измѣнилъ своего положенія.

Гансенъ былъ изъ тѣхъ, кто можетъ многое про себя думать, не показывая виду.

* * *

Алиса и Бернеръ вернулись изъ кузницы. Она оказалась запертой. Алиса была того мнѣнія, что не стоило итти искать кузнеца на дому.

— Жена его членъ братства, — сказала она, почему-то улыбаясь.

Бернеръ еле слышалъ, что она говорила. Онъ шелъ рядомъ съ ней, полусклонивъ голову, и мягкая улыбка не сходила съ его устъ.

Алиса продолжала болтать про кузнеца и его жену, про братство, про балъ въ Ведби.

Наконецъ ей самой стало казаться, что она смутно сознаетъ то, о чемъ говорить.

— Да, таковы они, кузнецъ и жена его! — сказала она безъ видимой связи съ тѣмъ, что говорила.

Потомъ замолчала и она, и только шаги обоихъ скрипѣли по пушистому снѣгу.

Раздался звонъ церковнаго колокола!

— Бернеръ, — сказала она снова, — какъ съ вами можно хорошо молчать!

— Они шли дальше при несмолкаемомъ звонѣ колоколовъ.

Богомольцы шли въ церковь. Мимо нихъ прошли три старушки и группа членовъ братства. У послѣднихъ была странная манера ходить; казалось, что они идя вдоль стѣны, хотѣли скрыться отъ посторонняго взгляда.

Алиса и надъ ними смѣялась. Въ ней замѣчалась неудержимая потребность смѣха.

Вдругъ настроеніе круто измѣнилось.

— Бернеръ, — сказала она, — пойдете на кладбище. Тамъ очень хорошо.

— Вѣтви деревъ сгибались почти къ землѣ подъ тяжестью нависшаго снѣга; между двухъ снѣговыхъ траншей вела къ церкви узенькая тропинка.

— Послушайте, Бернеръ, — сказала Алиса, — войдемте туда.

Церковь была биткомъ набита. Собрались почти все прихожане. Мужчины и женщины, понутивъ головы, задумчиво сидѣли на узкихъ скамейкахъ.

— Стройно высились и ярко горѣли свѣчи передъ алтаремъ.

Алиса и Бернеръ стали за послѣдними стульями.

Вокругъ нихъ пѣли прихожане.

Вотъ вышелъ изъ ризницы проповѣдникъ и поднялся на церковную каеедру.

— Теперь пойдѣте, — предложила Алиса.

Они опять вышли на снѣгъ.

— Постоимъ немного здѣсь, — сказала Алиса, — отсюда такъ красивъ звонъ колоколовъ.

Они остановились на возвышеніи у кладбищенской стѣны. Передъ ними простиралась бѣлая даль, покрытая сіяющимъ снѣговымъ покровомъ.

Въ воздухѣ, пропитанномъ снѣжной влагой, глухо раздавался звонъ колоколовъ.

— Какъ здѣсь чудно хорошо!

— Да.

Они стояли, а изъ церкви снова доносились до нихъ звуки псалма:

Хороши поля,
Хороши лѣса
Въ прекрасное весеннее время!
Иисусъ прекрасный!
Иисусъ свѣтлый!
Онъ веселитъ наши сердца!

Они все стояли, и взглядъ Алисы былъ устремленъ на кладбище. Еле видны были могилы среди снѣжныхъ сугробовъ. Всѣ кресты и памятники были бѣлы, и надписи ихъ занесены были снѣгомъ. Долго молча смотрѣла Алиса на могилы.

— Да! — сказала она наконецъ, — вотъ тутъ лежать

они всё! И сколько среди нихъ такихъ, которые дѣйствительно пожили? Бернеръ, по-моему, людей можно раздѣлить на два класса: тѣ, которые умѣютъ жить, и остальные...

Глаза Бернера встрѣтились съ ея глазами... они горѣли какимъ-то особымъ пламенемъ.

— Но на чьей сторонѣ счастье? — спросила она, потупивъ взоръ.

— Тѣ, вторые, счастливы никогда не будутъ? — твердо сказала Алиса.

— Пойдемте! — сказала она, внезапно повернувшись.

Бернеръ пошелъ за ней. Онъ это такъ любилъ! Для него не было ничего прекраснѣе ея стройной, ласкающей взоръ фигуры. Ни у кого на свѣтѣ не было такой походки.

— Вы тутъ, Бернеръ? — спросила Алиса, обернувшись къ Бернеру, когда они дошли до церковныхъ воротъ.

Но Бернеръ остановился возлѣ нищаго у забора.

Онъ вдругъ сунулъ ему въ руку цѣлый талеръ. Алиса весело засмѣялась.

— Такъ и надо, Бернеръ, — сказала она. — Но...—и она опять засмѣялась... — вѣдь вы не хотите...

— Что такое?

Алиса продолжала смѣяться, и вдругъ махнула рукой въ воздухъ, какъ будто ударяя хлыстомъ.

— Я хочу сказать, — пояснила она, — что я хочу на балъ!

Приближаясь къ замку, они услышали настойчивый звонокъ къ завтраку.

— Поскорѣй, Бернеръ; мы опоздали, — торопила Алиса.

Они съ трудомъ шли по мосту: такой поднялся сильный и порывистый вѣтеръ.

Георгій стоялъ у открытаго окна столовой.

— Гдѣ вы пропадали? — крикнулъ онъ, увидя ихъ.

— Мы были въ церкви! — отвѣтила Алиса.

— Вотъ ужъ не повѣрю, — возразилъ онъ и захлопнулъ окно.

Алиса вбѣжала въ столовую.

— Гдѣ отецъ? — спросила она, возбужденная внутренно и наружно и озираясь кругомъ. Она сорвала шляпу съ растрепанной головы.

Три лейтенанта сидѣли за кофе.

— Да, — подтрунилъ Георгій. — Ты опоздала ровно на два часа. (Егермейстеръ появлялся къ столу всегда тотчасъ же послѣ звонка.) Уже скоро два часа.

— Я голодна, какъ волкъ, — сказала Алиса, въ то время, какъ Гансенъ, не торопясь, подавалъ вторично для опоздавшихъ уже разъ поданный и убранный имъ завтракъ.

— Ну, а изъ бала, — замѣтилъ Георгій, — все же ничего не выйдетъ.

— Неужели мы отъ бала избавлены? — спросилъ Кнутъ.

— Не хочешь ли пари держать? — предложила Алиса, продолжая спокойно ѣсть.

Георгій быстрымъ движеніемъ обернулся къ ней.

— На деньги? — спросилъ онъ, и глаза его заискрились.

Ничего онъ такъ не любилъ, какъ при случаѣ, подъ видомъ пари,* обирать сестру.

— Согласна,—заявила Алиса.—Я ставлю сто кронъ.

Черезъ нѣсколько минутъ она удвоила сумму.

— По случаю сегодняшняго праздника, — сказала она тихо, почти про себя.

— Кушайте же, Бернеръ, — сказала она вдругъ.

— Бернеръ позабылъ о лежавшемъ на тарелкѣ кушаньѣ.

Алиса же ѣла и пила въ свое удовольствіе. Всегда, когда она чувствовала себя счастливою, у нея развивался аппетитъ.

Оба лейтенанта не могли оторвать глазъ отъ нея. Вдругъ она вскочила; — волненіе внутренняго счастья не позволяло ей сидѣть на мѣстѣ.

— Итакъ, теперъ бѣгу къ отцу, — сказала она.

— Онъ не въ такомъ безумномъ настроеніи, какъ ты, — крикнулъ ей вслѣдъ Георгій.

— Это мы еще увидимъ! — крикнула Алиса, хлопнувъ дверью.

Лейтенанты, кромѣ Георгія, и Феддерсенъ перешли въ гостиную и закурили молча свои сигары.

— Было бы преинтересно, если бы... — проговорилъ Кнутъ. Но онъ замолчалъ, какъ бы унесенный своими мыслями.

— Поздній завтракъ, — продолжалъ онъ; — такое продолжительное пребываніе вдвоемъ, объясненіе... и потомъ...

Молодой человекъ не кончилъ; но многозначительно покачалъ головой.

— Товарищъ, — сказала ему Ведель, — къ сожалѣнію отъ мечтаній и умствованій многого ждать не приходится.

— Женщины, обладающія хорошимъ аппетитомъ, — вмѣшался Феддерсенъ, вынувъ изъ кармана маленькую щеточку въ черепаховой оправѣ и приглаживая ею свои усы, — всегда дорогого стоятъ.

— Это вѣрно! — обрадовался Ведель, какъ будто онъ сдѣлалъ блестящее открытіе. — Онѣ всегда бываютъ хорошими хозяйками!

Егермейстеръ находился въ библіотекѣ, большомъ залѣ, уставленномъ полками съ книгами предшествовавшаго столѣтія, которыхъ за послѣднія сто лѣтъ никто не читалъ. На отдѣльной полкѣ стояли парижскіе романы сороковыхъ годовъ весьма сомнительнаго содержанія, собранные еще отцомъ егермейстера. У самого егермейстера не замѣчалось ни малѣйшаго интереса къ чтенію. Онъ желалъ и надѣялся увеличить доходность имѣнія расширеніемъ овцеводства и поэтому его единственнымъ чтеніемъ были спеціальныя журналы, трактующіе на трехъ главнѣйшихъ европейскихъ языкахъ объ успѣхахъ и развитіи овцеводства. Надѣвъ на ноги спокойные туфли и растянувшись въ старинномъ вольтеровскомъ обитомъ кожей креслѣ, изучалъ онъ одинъ изъ этихъ журналовъ.

Егермейстеръ не любилъ, когда къ нему входили врасплохъ; зная это, Алиса сильно постучала въ дверь и только тогда вошла.

— Я читаю! — сказала отецъ.

— Да, папа,—отвѣчала она и забарабанила пальцами по окну, по которому съ другой стороны билъ свѣтъ.

— Итакъ мы возьмемъ пѣгихъ, чтобы не утомлять вонныхъ!—сказала она, какъ бы говоря о предметѣ уже рѣшенномъ въ предшествующемъ разговорѣ.

Егермейстеръ бросилъ читать. Онъ не ожидалъ этого со стороны дочери.

— Да неужели же ты дѣйствительно сошла съ ума?—спросилъ онъ нѣсколько взволнованно.—Въ такую погоду хорошей хозяйинъ и собаки не выгоняетъ со двора! Ну, не мѣшай же мнѣ читать!—добавилъ онъ, опять принимаясь за журналъ.

Алиса уже была за дверью и какъ молнія ворвалась въ гостиную.

— Итакъ мы возьмемъ пѣгихъ!—воскликнула она, стоя посреди комнаты.—И выѣдемъ ровно въ семь!

* *
*

Въ гостиной наступали сумерки, окутывающіе висѣвшіе по стѣнамъ старинные портреты; громадныя стоявшія повсюду пальмы бросали исполинскія тѣни. Лейтенанты вполголоса обсуждали вопросъ о томъ, надѣвать ли имъ мундиры, а Алиса наигрывала Азру Рубинштейна.

— Да, сегодня мундиры надѣвать обязательно,—вмѣшалась она.—Сегодня большой праздникъ!

Ведель по-военному поднесъ ладонь ко лбу.

— Праздникъ княгини!—сказалъ онъ шутя.

— Кнуть!—обратилась къ нему Алиса.—Которое сегодня число?

— Двадцать первое...

— Двадцать первое!—повторила Алиса такъ тихо и мечтательно, какъ будто она напѣвала какую-то мелодію.

Когда лейтенанты и Феддерсенъ вышли изъ гостиной, вдругъ раздался голосъ Бернера:

— Сегодня день рожденья моей покойной матери,—сказалъ онъ.

Алиса ничего не отвѣчала, но въ глазахъ ея незамѣтно появились слезинки. Онъ сказалъ эти простыя слова такъ тепло!

— Она умерла кажется очень еще молодой?—спросила она черезъ нѣкоторое время.

— Да, но она успѣла быть очень счастливой.

Оба замолчали. Вечерняя тьма окутала и ихъ и всю комнату густымъ покрываломъ.

— Пора итти одѣваться!—сказала наконецъ Алиса.

— Да,—отвѣтилъ Бернеръ.

Алиса остановилась на мгновение передъ вазой съ огромнымъ букетомъ живыхъ цвѣтовъ.

— Вамъ необходимо имѣть цвѣты въ петлицѣ, Вернеръ!—сказала она.

Она выдернула амарантъ изъ букета.

— Вотъ!—сказала она, и взоръ ея остановился на его рукѣ, когда онъ взялъ цвѣты.—Я дарю вамъ этотъ скромный цвѣтокъ...

Она велѣла ярко освѣтить уборную, украшенную растеніями.

— Бѣлое платье!—приказала она.

Стоя передъ зеркаломъ, она взглянула въ него. Она напоминала собою челоуѣка, собирающагося сдѣлать любимому существу очень цѣнный подарокъ.

Горничная, получивъ приказаніе принести бѣлое платье, немного смутилась.

Когда въ мартѣ мѣсяцѣ были присланы новыя платья изъ Копенгагена и Алиса произвела имъ смотрѣ (это она всегда дѣлала очень быстро), она сказала, указывая на бѣлое платье:—Это мы прибережемъ къ совсѣмъ особому случаю.

И даже на балъ англійскаго посланника она не надѣвала его.

Тяжелая, штофная бѣлая ткань вся была усѣяна вышитыми по ней серебряными амарантами.

Алиса безъ-умолку пѣла, пока одѣвалась, пока умывалась теплою водою, пропитанною духами, и пока горничная расчесывала ея волосы, ея длинныя шелковистыя волосы...

— Они должны блестѣть!—говорила она горничной.

Когда же волосы были расчесаны, она сама заколола ихъ. Завивать волосы ей не было надобности. Они сами по себѣ, какъ корона, ложились вокругъ головы. Она еле взглянула въ зеркало. Выпрямившись во весь

рость, стояла она посреди комнаты, а горничная надѣвала на нее и застегивала чудное платье... Улыбка играла на ея устахъ.

— Теперь еще одну или двѣ розы,—сказала она.

— У садовника сейчасъ розъ нѣтъ!—отвѣчала горничная.

— Должны быть хотъ нѣсколько розъ!

Горничная побѣжала спросить.

Постучали въ дверь.—Вошелъ Георгій.

— Чортъ возьми! — сказалъ онъ, опускаясь на стулъ,—какъ ты сегодня хороша!

Алиса осторожно прошла между зажженными и стоящими на полу свѣчами къ шкапчику и что-то изъ него достала.

— Хотя ты проигралъ пари, Георгій, возьми!—сказала она, протягивая ему сотенную бумажку.

— Это еще не извѣстно!—возразилъ Георгій и взялъ деньги.—Новенькая! — добавилъ онъ.

— Да,—сказала Алиса, стоя передъ зеркаломъ.

— То, что получаешь въ подарокъ, всегда должно казаться красивымъ,—сказала она, не отходя отъ зеркала и какъ бы думая о другомъ.

Георгій еще посидѣлъ у сестры и они продолжали болтать, пока не раздался звонокъ.

Онъ ушелъ.

Вернулась горничная и сказала, что садовникъ говоритъ, что розъ нѣтъ.

— Глупости,—кинула ей въ отвѣтъ Алиса,—въ такомъ случаѣ я сбѣгаю туда сама.

Она выбѣжала въ кородоръ. Въ передней встрѣтила она Бернера.

— Бернеръ! — крикнула она ему издали. — Пойдемте со мной. Я иду въ теплицу.

Но вдругъ она вспомнила о своихъ атласныхъ туфелькахъ.

— Анна! Анна! — позвала она горничную. — Мнѣ нужны мои деревенскія туфли на деревянной подошвѣ!

Туфли были ей немедленно принесены, и въ сопровожденіи Бернера она пошла черезъ зимній садъ.

— Сохрани Боже! — сказала она. — Дайте мнѣ руку. Я чуть было не упала.

И опираясь на руку Бернера, она въ хлопающихъ на каждомъ шагу туфляхъ; побѣжала по снѣгу.

— Дайте намъ свѣту, Эриксенъ! — приказала она, когда они пришли къ теплицамъ.

Старшій садовникъ Эриксенъ, уже пожилой человѣкъ, казавшійся всегда задумчивымъ и подозрительнымъ, какъ бы опасаящимся быть обманутымъ, повернулъ кнопку электрической лампы.

Гордо высились стройныя пальмы, освѣщенные бѣловатымъ свѣтомъ.

Алиса сбросила съ ногъ туфли.

— Какъ здѣсь хорошо! Не правда ли?

Она прошла подъ пальмовыя вѣтви. Молча шель за нею Бернеръ. Онъ въ сущности видѣлъ лишь ея блестящій шлейфъ, скользящій по песку теплицы.

— Да, вотъ розы! — сказала она.

Они остановились.

— Вотъ эти! вотъ!

Эриксенъ взялъ въ руки садовыя ножницы, причемъ строгая складка легла на черты его лица. Алиса сама предназначила эти розы на могилу матери, и Эриксенъ это зналъ.

— Спасибо, Эриксенъ, — сказала Алиса, простодушно улыбаясь.

Она вышла изъ теплицы и на обратномъ пути безпрерывно говорила о вспомнившейся ей матери.

— Это было самое прелестное существо, которое я когда-нибудь знала, — говорила она, — такая нѣжная, изящная! И вы не повѣрите, какъ хорошо она пѣла.

Передъ зеркаломъ въ передней она на мгновение остановилась и бриллиантовой брошкой прикрѣпила розы къ лифу.

Бернеръ отворилъ передъ нею дверь, и она вошла въ гостиную.

Молодые люди привстали, пораженные ея блескомъ.

— Да, — сказала она улыбаясь, — я сегодня хороша! Ну, и слава Богу!

— Она хороша, какъ само счастье, — сказалъ Феддерсенъ, слѣдуя за Кнудомъ въ столовую.

— Да, — отвѣтилъ Кнудъ, ясно все замѣтившій и не лишенный завистливаго недоброжелательства. — Да! этого отрицать невозможно!

Сѣли обѣдать, и Гансенъ торжественно обнесъ всѣхъ присутствующихъ супомъ.

— Конечно, — объявилъ егермейстеръ, — разъ люди лишатся разума, ужъ удержу на нихъ нѣтъ.

Однако въ концѣ обѣда онъ поднялъ стаканъ съ мадерой.

— За ваше здоровье, дѣти! и желаю вамъ веселиться!

— Спасибо! — промолвила Алиса, взглянувъ на него.

— Добрый папа! — прибавила она ласково, вдругъ склонившись къ нему и поцѣловавъ его въ обѣ щеки.

Они всѣ встали и прошли въ гостиную.

Вскорѣ Гансенъ доложилъ, что лошади поданы

— Теперь! — крикнули всѣ, — надо только лучше укутаться!

— Да ужъ укутаться необходимо, — прибавилъ Георгій, — вѣдь холодъ собачій!

Все, что было въ домѣ теплаго, было принесено.

— Феддерсенъ, Феддерсенъ! — кричала Алиса, почти съ головой утопавшая въ мѣху, — возьмите это чудище! Его уже вѣроятно лѣтъ двадцать никто не надѣвалъ!

Феддерсенъ укутался въ какую-то дѣйствительно допотопную шубу изъ сѣраго мѣха, пропитаннаго табакомъ, отчего онъ нѣсколько разъ изо всей силы чихнулъ.

— Чортъ возьми! — воскликнулъ Георгій.

Они всѣ начали чихать и хохотать, а Феддерсенъ

пытался высвободиться изъ тяжелой шубы. Но никто не помогъ ему; всѣ чихали, кричали, хохотали, пока Алиса не крикнула, отворивъ дверь:

— Господа, садитесь!

— Ну, — сказалъ Георгій, выйдя на крыльцо, — ужъ и погода!

Вѣтеръ свистѣлъ и кружился.

— Ларсенъ! — обратилась Алиса къ кучеру, — дождемъ?

— Брядъ ли, барышня!

— Это было бы ужасно печально! — промолвила Алиса и прыгнула въ экипажъ.

Феддерсенъ послѣдовалъ за нею, а Бернеръ умѣстился напротивъ Алисы, рядомъ съ Кнутомъ. Ведель и Георгій сѣли во второй экипажъ.

— Ъхать? — спросилъ кучеръ перваго экипажа.

Гансенъ кивнулъ головой, и экипажъ двинулся.

— Ну! — сказалъ Георгію кучеръ втораго экипажа, — эти какъ бы не свалились въ канаву.

Вѣтеръ ревѣлъ и бушевалъ, казалось, что онъ немедленно опрокинетъ экипажи.

— Чортъ возьми! — ругался Георгій. — Ну, ужъ и поѣздочка!

Первый экипажъ выѣхалъ на открытое мѣсто и его вѣтромъ качало, какъ ладью.

— Можно думать, что мы предприняли морское путешествіе, — замѣтилъ Феддерсенъ.

Алиса, сидя въ каретѣ, тихо напѣвала. То подвигались они по занесенной снѣгомъ дорогѣ, то останавли-

вались; лошадей ослѣплялъ снѣгъ и онѣ съ трудомъ двигались впередъ.

Кнутъ впалъ въ минорное настроеніе.

— Бѣдныя животныя, — сказалъ онъ, — ихъ до смерти жаль!

— Но намъ надо впередъ! — замѣтила Алиса.

Обычно она любила все живое и животныхъ, находящихся на усадьбѣ, она берегла, какъ зеницу ока. Она перестала пѣть.

Новый порывъ вѣтра почти опрокинулъ экипажъ.

— Что дѣлается со вторымъ экипажемъ? — спросила Алиса.

— Окно опустить невозможно, — отвѣтилъ Кнутъ.

Въ каретѣ было такъ темно, что трудно было разглядѣть лица сидѣвшихъ. Бернеръ прижался въ свой уголъ и глазъ не сводилъ съ бѣлѣющаго въ темнотѣ бѣлаго воротника Алисиной шубы.

— Но намъ необходимо узнать, что дѣлается съ той каретой! — воскликнула Алиса.

По настоянію Алисы Кнутъ опустилъ окошко.

— Что случилось? — успѣла крикнуть Алиса.

Толчокъ, и экипажъ покачнулся и тихо легъ въ сугробъ.

— Господи! — крикнула Алиса, почти задавленная подъ тяжестью Феддерсена и его шубы.

— Гдѣ Бернеръ? Бернеръ! — крикнула она, немного оправившись.

Бернеръ уже вытаскивалъ ее изъ кареты, пока Феддерсенъ и Кнутъ выкарабкивались съ большимъ трудомъ.

— Вотъ! — промолвила Алиса, — пока все-таки дѣло обстоить не очень плохо.

Вѣтеръ завывалъ; снѣгъ билъ по лицамъ.

— Ларсенъ! что же теперь?

— Теперь надо стараться добраться до дому, — отвѣтилъ Ларсенъ, все еще копошившійся возлѣ лошадей и кареты.

— Да, Ларсенъ, — спросила смѣясь Алиса, — но удастся ли намъ это?

— Это, конечно, не извѣстно, — замѣтилъ Ларсенъ. — Надо, чтобы господа помогли мнѣ поднять карету.

Подоспѣли Георгій и Ведель, и всѣ смѣясь и шутя окружили карету.

— Чудная погода! — острилъ Георгій.

Карету общими усилиями подняли и успокоили лошадей.

Кнутъ ласкалъ ихъ, хлопая по шеѣ.

— Ну, что же, — смѣясь объявила Алиса, — потанцуетъ дома! А ужъ сегодня двадцать перваго, балъ у насъ долженъ быть обязательно.

Посреди дороги стоялъ Георгій и угощалъ виномъ изъ своей дорожной фляжки.

Кучера совѣщались и, наконецъ, сѣли на козлы.

* *
*

Егермейстеръ вздремнулъ надъ журналомъ, сидя въ библиотекѣ, какъ вдругъ грохотъ колесъ по мосту разбудилъ его.

— Чортъ побери! — воскликнулъ онъ, — ужъ не вывалились ли они?

Выходя изъ библіотеки, онъ наткнулся на Гансена, который, со свойственной ему подобострастной вѣжливостью, доложилъ:

— Баринъ, кажется господа возвращаются.

— Это я и самъ слышу! — отвѣтилъ егермейстеръ. — Боже! не случилось ли чего съ Алисой!

Съ этой мыслью спустился онъ съ лѣстницы.

Но Алиса спокойно стояла въ передней подъ бронзовой люстрой; румянецъ на ея щекахъ особенно выдѣлялся надъ бѣлымъ воротникомъ шубы.

— Добрый вечеръ, папа! — крикнула она. — Теперь намъ придется потанцевать дома.

— Не предупреждалъ ли я? — спросилъ егермейстеръ, довольный тѣмъ, что дочь цѣла и невредима.

Онъ собирался еще что-то сказать, но Алиса весело захлопала въ ладоши.

— Раздѣвайтесь, господа! — воскликнула она. — Поидемте въ домъ.

Какъ вихрь пронеслась она черезъ гостиную. Ей прежде всего надо было переговорить съ Серенсенъ.

Серенсенъ, такъ называли почтенную широкоплечую даму съ парикомъ на головѣ и двумя рядами фальшивыхъ зубовъ, которые она такъ крѣпко стискивала, какъ будто этимъ хотѣла доказать, что не намѣрена разбалтывать тайнъ своихъ господъ. Она уже двадцать лѣтъ служила экономкой въ замкѣ, и никто никогда не слышалъ отъ нея лишняго слова. Когда у нея бывали

и личныя заботы и огорченія, она умѣла ихъ держать про себя.

Слабостью ея были золотыя украшенія. Брошки любила она въ особенности.

При появленіи Алисы; Серенсенъ сидѣла у стола съ вязаньемъ въ рукахъ; въ комнатѣ было тепло и уютно.

— Дорогая Серенсенъ,—начала было Алиса,—дорогая Серенсенъ, извините меня... я помѣшала вамъ...

Серенсенъ обыкновенно никто не тревожилъ въ обычное время, и извиненія Алисы казались весьма умѣстными.

— Но,—продолжала она,—намъ необходимо свѣчей для люстры. Есть ихъ у насъ запасъ?

— Для какой люстры?—спросила Серенсенъ.

— Милая Серенсенъ, голубушка, для люстры въ рыцарскомъ залѣ... и еще намъ нужно ѣды, вина... и еще многое... мы хотимъ танцовать.

Серенсенъ встала съ мѣста.

— Хорошо,—сказала она коротко и засѣменила ножками.

Алиса опередила и пробѣжала въ кладовую, большую комнату съ такими огромными шкапами и полками, могущими вмѣстить пищевые запасы для цѣлой казармы. Алиса открыла шкапы и вытянула ящикъ: тамъ находились въ большомъ количествѣ сушенныя сливы, винныя ягоды, шеколадъ.

— Ахъ,—обрадовалась она,—это больше, чѣмъ можно было желать.

— Гансенъ! Гансенъ!—крикнула Алиса.—Скажите

пожалуйста остальнымъ слугамъ, чтобы всѣ одѣвались: въ девять часовъ начнутся танцы.

Гансенъ остановился въ полномъ недоумѣніи.

— Слугамъ? — переспросилъ онъ. Слугамъ, барышня?

— Да, — отвѣчала Алиса, — служанки и слуги, работницы и работники, всѣ должны притти. Начнется въ девять часовъ. Еще остается часъ времени...

Алиса смѣялась удивленному лицу Гансена.

— Да поймите же, мы устраиваемъ танцы послѣ уборки полей? ну! а теперь устроимъ то же на пасху.

Съ этими словами она выбѣжала изъ комнаты.

Гансенъ и Серенсенъ переглянулись.

— Дровъ во всѣ комнаты, Серенсенъ! — крикнула уже изъ столовой Алиса.

Она вбѣжала въ гостиную, держа въ рукахъ шлейфъ своего вышитаго платья.

— Ну, господа, — обратилась она къ молодымъ людямъ, — теперь мы должны перенести мебель.

— Мебель? какую мебель? — спросилъ Георгій.

— Прежде всего рояль, — сказала Алиса, хлопая въ ладоши.

Молодые люди недовѣрчиво улыбались.

— Да, господа, — рояль, и мы позовемъ на помощь нѣсколькихъ работниковъ. Вѣдь мы танцовать будемъ въ рыцарскомъ залѣ.

Она приказала Гансену позвать нѣсколькихъ работниковъ, а сама понесла вазы и бюсты.

Въ это время въ дверяхъ появился егермейстеръ.

— Что все сіе значитъ? — спросилъ онъ.

Вошли четверо работниковъ; они остановились на порогѣ и переминались съ ноги на ногу.

— Беритесь за рояль,—скомандовала Алиса.

Работники приподняли рояль.

— Помогите же,—обратилась Алиса къ молодымъ гостямъ.

Лейтенанты поневолѣ ухватились тоже за рояль; Феддерсенъ взялъ въ руки канделябры.

— Бернеръ!—вы что же остолбенѣли? — спросила она.

Бернеръ стоялъ самъ не свой, какъ человѣкъ, которому вдругъ подарили луну и онъ держитъ ее въ рукахъ и любуется ею.

— Феддерсенъ, — сказала Алиса, — дайте Бернеру одинъ изъ канделябровъ. Вотъ такъ! — Теперь Бернеръ будетъ намъ свѣтить.

Работники медленно несли рояль вверхъ по лѣстницѣ. Алиса шла впереди. Бѣлый, серебристый шлейфъ какъ потокъ извивался по ступенямъ лѣстницы, и все это освѣщалось свѣтомъ канделябра въ рукахъ Бернера.

Они достигли рыцарскаго зала.

— Вотъ куда мы ее поставимъ,—указала Алиса.

Огонь пылалъ въ большомъ каминѣ, а по стѣнамъ изъ рамокъ выглядывали, какъ живые, портреты старыхъ предковъ.

— Какъ здѣсь прекрасно!—воскликнула Алиса.

— Вы сами прекрасны,—отвѣтилъ Феддерсенъ.

— А вѣдь все это только необходимая рамка!—сказала снова Алиса.

Феддерсенъ пристально взглянулъ на нее.

— Да, — Феддерсенъ, — рамка для чудной картины!
А знаютъ ли люди, что они танцовать будутъ? —
спросила она внезапно, измѣнивъ разговоръ.

Они объ этомъ знали.

Работники причесывались, умывались; дѣвушки быстро наряжались въ свои лучшіе платья.

— Георгій, — подошла Алиса къ брату, — сбѣгай-ка самъ къ Ларсу, музыканту. Онъ и сынъ его должны притти играть на скрипкахъ. Намъ нужна же музыка! А затѣмъ, господа, выпьемте по бокалу шампанскаго.

Въ сопровожденіи молодыхъ людей спустилась Алиса внизъ. Послѣдними шли Кнутъ и Феддерсенъ.

— Все же это удивительно! — сказала Кнутъ.

— Что именно?

— Да все.

По лицу Феддерсена пробѣжала тѣнь огорченія, что измѣнило всегда спокойное выраженіе его лица.

— Дорогой Кнутъ, — промолвилъ онъ, — надо стараться не быть недоброжелательнымъ.

— Конечно, — отвѣтилъ Кнутъ; не хорошо понимать, на что намекаетъ Феддерсенъ.

— У кого есть своя комната, — продолжалъ Феддерсенъ, остановившись на мгновеніе на лѣстницѣ, — тотъ долженъ былъ бы туда удалиться и искренно помолиться о томъ, чтобы быть застрахованнымъ отъ недоброжелательства и зависти.

Кнутъ ничего не отвѣчалъ. Ему представилось, что Феддерсенъ намекаетъ на самого себя.

— Но, — продолжалъ тотъ, — праздники остаются праздниками...

— А жизнь, — вдругъ сказалъ Кнутъ, — далеко не праздникъ.

Въ гостиной Гансенъ уже успѣлъ поставить холодильники съ виномъ. Передъ ними стоялъ Георгій.

Алиса уже сидѣла на любимомъ своемъ мѣстѣ подъ пальмами.

— Феддерсенъ, — сказала она, пока Гансенъ раскупоривалъ бутылки, — вы должны теперь поиграть на гитарѣ.

— Да, — замѣтилъ Кнутъ, — это было бы недурно.

— Спойте что-нибудь, — предложилъ Ведель.

Всѣ чувствовали себя нѣсколько утомленными отъ этого праздника, пока ограниченнаго лишь приготовленіями.

Бернеръ сидѣлъ въ углу.

Феддерсенъ принесъ гитару и сѣлъ у окна.

— Ну, вы, мужчина безъ лица, — сказала Алиса, — спойте намъ. (Она такъ въ шутку прозвала Феддерсена, увѣряя, что онъ однажды, желая скрыть истинное выраженіе своего лица, замѣнилъ его картинкой изъ моднаго журнала.) — Мы всѣ вниманіе.

Феддерсенъ на мгновеніе задумался. Блестящіе глаза его уставились на лампу; черезъ нѣкоторое время онъ запѣлъ, аккомпанируя себѣ на гитарѣ.

Есть много радостей:
Шумныя, бурныя всюду являются
Въ жизни онѣ,
Но становится тихо и нѣжно
Тамъ, гдѣ говорить любовь.

Любовью полны уста
Трепещуть, полны желанья.
Любовью полные глаза сияют
И яркимъ пламенемъ горятъ.
Двое любящихъ другъ друга
Робко трепещуть
И въ любви утопаютъ.

Феддерсенъ смолкъ. Взоры его опять уставились въ одну точку. Въ гостиной ничто не нарушало тишины.

— Кто авторъ этого романа?—спросилъ наконецъ Георгій.

Феддерсенъ отвѣтилъ не сразу; затѣмъ назвалъ какое-то имя.

— Ты чортовски понимающій человѣкъ!—воскликнулъ Георгій.

Никто не могъ бы сказать, слушала ли пѣснь Алиса. Она склонила голову на спинку стула, и лицо ея не было освѣщено лампой.

— И все же,—вдругъ сказала она, поднявъ голову,— поэты не всегда знаютъ, какъ человѣкъ можетъ любить. Но я забыла,—вдругъ вскочила она,—мы вѣдь должны испечь яблочныхъ оладій! Люди наши не обрадуются нашему празднику, если мы ихъ не угостимъ оладьями.

Она позвонила и, когда вошелъ Гансенъ, заказала оладій.

— Пусть пекутъ ихъ поварята,—сказала она,—они могутъ чередоваться и такимъ образомъ принять участіе въ танцахъ; но нельзя безъ оладій.

Поварятами состояли три дѣвушки 'изъ села, которыя платили за честь работать за Серенсенъ въ годъ по триста восемьдесятъ кронъ.

— Надо приготовить имъ и вина, — продолжала распоряжаться Алиса.

— Уже дай имъ лучше пуншу, — предложилъ Георгій.

Алиса согласна была и на это.

— Какое счастье не стѣсняться въ средствахъ! — промолвила она.

Она подняла бокаль искрящагося вина.

— Съ радостнымъ праздникомъ! — воскликнули молодые люди и опорожнили бокалы.

— Вотъ, — сказала Алиса, — начинаютъ садиться люди.

Машинально, не думая о томъ, почему онъ такъ дѣлаетъ, Бернеръ подошелъ къ Алисѣ и предложилъ ей руку.

— Спасибо, Бернеръ! — сказала она и улыбнулась.

Остальные, давая имъ дорогу, послѣдовали за ними въ нѣсколькихъ шагахъ. Въ дверяхъ толпились обитатели усадьбы и домика.

— Добрый вечеръ! — промолвила Алиса. — Пожалуйста.

Нѣсколько работниковъ и работницъ вошли, осторожно ступая, въ гостиную. Двѣ молоденькія горничныя присѣли передъ Алисой.

— Ну входите же, входите.

— Теперъ, — обратилась Алиса къ молодымъ лю-

дямъ,—ваше дѣло внести оживленіе. Это пустяки для такихъ блестящихъ кавалеровъ, какъ вы!

Молодые люди неуклюже, смущенно предложили руки дамамъ и провели ихъ въ залъ, гдѣ уже Феддерсенъ и музыкантъ Ларсъ съ сыномъ играли ригурнель, призывающій къ танцамъ.

— Маршъ! маршъ!—скомандовала Алиса, шедшая впереди всѣхъ подъ руку съ Бернеромъ. Работники и работницы смущенно жались въ дверяхъ, пока наконецъ шесть шведовъ сразу не выступили впередъ съ своими дамами.

— Вотъ такъ! вотъ такъ!—ободряла гостей Алиса.

— Скрипачи другого марша не знаютъ,—прошепталъ Феддерсенъ, когда Бернеръ съ Алисой поравнялись съ роляю.

— Намъ другого и не надо!—отвѣтила смѣясь Алиса.

Ларсъ и сынъ его во всю работали смычками, воображая себя на ярмарочномъ плацу, гдѣ они ежегодно осенью исполняли обязанности музыкантовъ.

Понемногу все пришло въ движеніе, кучера съ горничными, всѣ маршировали длинной вереницей съ сіяющими лицами, какъ ходили бывало въ сочельникъ вокругъ елки.

Впереди всѣхъ шла Алиса.

— Теперь,—сказала она Бернеру,—будемте танцовать.

Говоря это, она отошла отъ Бернера и для начала выбрала кучера Ларсена.

— Пойдемте, Ларсенъ,—пригласила она его.

Когда они, танцую, обошли вокругъ зала, она выбрала себѣ другого кавалера, затѣмъ третьяго и такъ далѣе.

Подошла такимъ образомъ очередь молодого человѣка, ученика по сельскому хозяйству; онъ пылалъ, какъ пѣнь, и капли пота выступали на его лбу.

Подъ конецъ она прошлась съ простымъ поденщикомъ.

Казалось, что она всѣхъ до единого хотѣла обвести вокругъ зала; никого она не пропустила: лейтенанты, работники, шведы, всѣ по очереди протанцовали съ нею. Двое лакеевъ разносили вино. Дѣвушкамъ, непривычнымъ къ употребленію крѣпкихъ напитковъ, кровь бросилась въ голову, и онѣ рукавами платьевъ вытирали вспотѣвшія лица. Работники опоражнивали стаканъ за стаканомъ, и языки у всѣхъ развязались. Ведель съ удовольствіемъ наблюдалъ за ученикомъ по сельскому хозяйству, который предавался танцамъ съ какимъ-то внутреннимъ вдохновеніемъ и жаромъ.

Впереди всѣхъ танцевала Алиса, держа шлейфъ въ рукахъ, стройная и граціозная съ гордо приподнятой головой.

Вошелъ и егермейстеръ. Разгоряченный возвышенной температурой зала, ходилъ онъ отъ однихъ къ другимъ своей странной походкой: онъ всегда ступалъ, какъ бы обутый въ высокіе кавалерійскіе сапоги.

— Ну! ну,—говорилъ онъ,—вѣдь это столпотвореніе Вавилонское, но разъ вамъ это доставляетъ удовольствіе...

Трое шведовъ прижали своихъ дамъ въ уголъ залы

и оттуда доносился ихъ веселый говоръ и шумный смѣхъ.

Въ другомъ углу остановился егермейстеръ и издали любовался дочерью.

У него явилась потребность высказать свою мысль другому. Первый стоявшій ближе къ нему оказался старымъ поденщикомъ.

— Да,—сказалъ онъ ему,—она видимо уже износила дѣтскія свои башмаки.

— Да,—отвѣтилъ тихо старый поденщикъ Перъ Эриксенъ,—барышня уже перестала быть ребенкомъ.

Этотъ Эриксенъ былъ ветераномъ среди поденщиковъ. Настроенія онъ былъ мрачнаго и помнилъ всѣ случившіяся въ замкѣ за семьдесятъ лѣтъ несчастія, начиная съ того случая, когда тетка егермейстера въ одно прекрасное утро повѣсилась на печной трубѣ.

— Да, да, то были плохія времена!—имѣлъ онъ обыкновеніе говорить, когда рассказывалъ о теткѣ хозяина.

Парь двадцать кружились и танцевали сразу.

— Скорѣй! скорѣй!—командовала Алиса, и Федерсенъ съ ожесточеніемъ заколотилъ по клавишамъ.

Она въ это время стояла рядомъ съ Бернеромъ между двумя окнами.

— Видите,—замѣтила она,—какъ теперь стало весело и оживленно!

Шумъ возрасталъ съ минуты на минуту; грохотъ ногъ по дубовому полу покрывали смѣхъ и голоса.

— Но гдѣ же управляющій?—спросила вдругъ Алиса.

Управляющаго-то и забыли! Гансена немедленно послали пригласить всю семью.

— Господь съ вами,—вмѣшался егермейстеръ;—они всё уже должно быть въ постеляхъ.

— Въ такомъ случаѣ,—отвѣчала весело Алиса,—они снова поднимутся. Въ эту ночь никто не долженъ у насъ спать!

Стоя рядомъ съ Бернеромъ, любовалась она толпою танцующихъ; они живописно пестрѣли, освѣщенные люстрами. Въ углу нѣсколько работниковъ пили вино.

Алиса радостно улыбнулась.

— Другъ мой,—обратилась она къ Феддерсену, который въ эту минуту поднялъ свои темные глаза съ клавишъ;—прошу васъ сыграйте вальсъ, тихій, тихій вальсъ. Это оказалось не по силамъ скрипачамъ. Они оставили на время скрипки, выпили по стакану вина и вытерли до нельзя разгоряченныя лица.

— Слѣдовало бы мнѣ теперь протанцовать съ Серенсень,—сказалъ егермейстеръ, подойдя къ роялю.

Но никто не услышалъ его словъ.

Начался вальсъ.

Вдругъ всё въ залѣ перестали сразу танцовать и, казалось, налетѣвшій шквалъ вымелъ всю толпу.

— Бернеръ,—сказала Алиса,—теперь наша съ вами очередь танцовать.

Они танцовали одни. Тихо, плавно плыли они по залу; ея стройный станъ нѣжно прижимался къ его груди.

Никто ихъ примѣру не послѣдовалъ; звуки рояля; какъ бы издали вторили имъ. Свѣчи люстръ, тревожно

пылавшія во время общей сумятицы, теперь свѣтло и прямо горѣли.

Они долго молча танцовали.

Алиса не сводила взора съ вздрагивающихъ по временамъ губъ Бернера.

— Жоржъ!—сказала она еле слышно и два раза повторила его имя.

Вльсь конченъ.

— Теперь опять галопъ!—крикнула она.

Тихо прошла она черезъ залъ, опираясь на руку Бернера.

— Бернеръ, скажите же что-нибудь, — произнесла она, когда снова всѣ принялись танцовать и поднялся прежній грохотъ.

Но Бернеръ остался нѣмъ. Онъ былъ въ состояніи огнепоклонника, который не можетъ оторвать глазъ своихъ съ солнца.

— Что же съ вами дѣлать, Бернеръ?—спросила сіяющая Алиса.

Вдругъ она быстрыми шагами направилась къ роялю, столкнула Феддерсена и сама сѣла на его мѣсто. Среди несмолкаемаго шума она запѣла:

Розмаринъ и незабудка
Расцвѣли въ моемъ саду.
Пусть твоя невѣста
Не такъ долго ждетъ!
Близка моя родина,
Ты не издалека...

Если чувствуешь, какъ я,
Будь женой моей.

Бернеръ стоялъ возлѣ нея. Онъ весь сіялъ необычайной радостью и, не соображая, что дѣлаетъ, машинально тихо отстранилъ Алису и запѣлъ самъ (онъ никогда не думалъ, что можетъ пѣть):

Розмаринъ и незабудка
Расцвѣли въ моемъ саду.
Ужъ невѣста моя
Ждать долго не будетъ.
Близка моя родина,
Ты не издалека...
Соединимъ же навсегда
Наши жизни вмѣстѣ.

Дальше онъ пѣть уже не могъ. Они стояли оба у рояли, держа другъ друга за руку. Ни одинъ изъ нихъ не могъ сразу заговорить.

— Пойдемъ, Бернеръ!—сказала наконецъ Алиса.

Тихими шагами направились они къ двери, ведущей на балконъ, и Бернеръ растворилъ ее.

— Затвори опять дверь, Жоржъ!—сказала Алиса.
На балконѣ царилъ полная тишина.

Черезъ плотно затворенную дверь шумъ залы не проникалъ.

Долго стояли они молча, плечо къ плечу.

— Алиса! какъ люблю я тебя!

Его сверкающіе глаза покоились на ея лицѣ, блѣ-
ломъ какъ балконъ, на которомъ они стояли.

— Какъ люблю я тебя!

Долго стояли они такъ и долго молчали.

— Какъ люблю я тебя!

Покрытая снѣгомъ окрестность разстилалась передъ
ними, какъ подвѣчное платье. Тихо мерцали звѣзды
надъ ихъ головами.

— Посмотри, Жоржъ!—сказала Алиса.—Ты видишь,
звѣзды для насъ мерцаютъ!

Но Бернеръ, какъ будто онъ зналъ только четыре
слова, продолжалъ тихо шептать:

— Какъ люблю я тебя!

* * *

Появилась въ залѣ семья управляющаго. Мать и
дочь были довольно кислыя дѣвы; платья ихъ пахли
стариннымъ одеколономъ и казались такими поблекши-
ми, какъ будто онѣ уже многіе годы висѣли въ гар-
деробѣ. Обѣ дамы, любезно кланяясь, приблизились къ
хозяйской дочери.

— Этотъ вечеръ сегодня — это вѣдь полная неужи-
данность, — замѣтила жена управляющаго.

— Нѣтъ, — отвѣтила, улыбаясь, Алиса.—Сегодняшній
вечеръ долго готовился и ожидался.

Въ залѣ опять весело возобновились танцы.

Алиса не покидала руки Бернера.

— Жоржъ!—сказала она,—ахъ, если бы могъ весь
міръ принять участіе въ нашей радости!

О любви.

Превосходительная позвонила, желая встать съ кровати, на которой спала уже много лѣтъ подь рядъ.

Это была большая, широкая кровать въ стилѣ empire, съ позолоченными колонками; рѣзвящіеся амуры украшали кровать въ ногахъ.

На звуки колокольчика появилась Шредеръ съ кофе.

Конференцъ-совѣтница пила кофе, сидя на кровати— она имѣла обыкновеніе спать въ парикѣ. — Въ это время происходило сравненіе градусниковъ въ спальнѣ, въ кабинетѣ и въ гостиной. Эти градусники должны были показывать одну и ту же температуру.

Когда конференцъ-совѣтница откушала кофе, начался туалетъ. Она проводила по меньшей мѣрѣ два часа передъ туалетнымъ столомъ, уставленнымъ безчисленнымъ количествомъ душистыхъ водъ и ароматичныхъ эссенцій, рецепты которыхъ восходили еще отъ временъ великой французской революціи.

Превосходительная не говорила ни слова. Молча, какъ бы поглощенная тяжелымъ трудомъ, сидѣла она передъ туалетнымъ столомъ и озабоченно вглядывалась въ свое отраженіе.

Шредеръ съ полнымъ спокойствіемъ и достоинствомъ хлопотала возлѣ нея.

— Всталъ ли онъ? — спросила превосходительная.

— Господинъ конференцъ-совѣтникъ звонилъ.

Говоря о мужѣ, она употребляла лишь слово «онъ».

Конференцъ-совѣтникъ былъ ея третьимъ мужемъ, и она вышла за него замужъ, когда ей было пятьдесятъ, а ему двадцать восемь лѣтъ.

Раньше онъ былъ управляющимъ въ ея имѣніи.

— Всталъ ли онъ? — переспросила она.

Странная нотка звучала въ ея словахъ: казалось, что она говоритъ о наемномъ слугѣ.

— Господинъ конференцъ-совѣтникъ звонилъ, — повторила Шредеръ.

Шредеръ была одной изъ пяти женщинъ, довольствовавшихся въ домѣ положеніемъ служанокъ, несмотря на то, что онѣ имѣли бы пожалуй право рассчитывать получить отъ совѣтника болѣе высокую награду.

Онѣ, одна за другой, поступали въ качествѣ компаніонокъ или экономокъ и сохраняли эти мѣста, несмотря на проходящіе года; совѣтница, все понимавшая, молчала.

Подъ конецъ она напудрила себѣ руки.

— Дорогой другъ! — говорила она обыкновенно гостю барону Риссенфельду, — мы, старики, не должны же стать чучелами для птицъ.

Покончивъ съ туалетомъ, взяла она свой шелковый ридикюль и, опираясь на палку изъ слоновой кости, черезъ кабинетъ отправилась въ гостиную.

Сидя у окна на своемъ широкомъ креслѣ краснаго

дерева, обитомъ шелковымъ штофомъ, она могла сразу видѣть три комнаты.

Мебель стояла однообразно вдоль стѣнъ подъ высвѣщими старинными фамильными портретами; полы были не крашенные и безъ ковровъ.

Превосходительная, имѣя въ рукахъ ридикюль съ вытканнымъ на немъ гербомъ семьи Ранцау и передъ собой плевательницу, сѣла у стола краснаго дерева.

— Теперь можетъ притти Адельгейда, — сказала она.

Шредеръ направилась черезъ анфиладу комнату, чтобы позвать внучку барыни.

Въ комнатѣ совѣтника слышно было движеніе. Онъ отворилъ дверь и подошелъ поздороваться съ Превосходительной.

Съ годами онъ сталъ съезжившимся, маленькимъ, коротко остриженнымъ человѣчкомъ, носившимъ коричневый парикъ, который онъ, казалось, вотъ-вотъ сниметь съ головы, когда сконфуженно низко кланялся своей супругѣ.

Конференцъ-совѣтникъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые всегда склоняютъ голову.

Онъ освѣдомился, хорошо ли почивала ея превосходительство.

— Хорошо, насколько можетъ хорошо спать старый человѣкъ, — отвѣтила она.

Она какъ-то особенно смотрѣла мимо управляющаго, котораго произвела въ мужья. Получалось впечатлѣніе, что давно ужъ она ни разу не взглянула ему въ лицо.

Онъ сейчасъ же вышелъ опять изъ комнаты. Онъ,

казалось, всегда особенно поспѣшно проходилъ въ двери собственнаго дома и имѣлъ обыкновеніе, даже не бывши до этого на дворѣ, вытирать ноги о половикиъ.

Превосходительная ожидала внучку.

Шредеръ вернулась и объявила своимъ обычнымъ голосомъ — она всегда говорила однотонно и безъ выраженія, точно такъ же, какъ неизмѣнно носила вязаную шерстяную куртку:

— Фрѣкенъ уѣхала верхомъ.

— Который часъ? — спросила превосходительная.

— Десять часовъ.

— Хорошо.

Превосходительная осталась спокойно сидѣть, устремивъ взоръ въ анфиладу своихъ комнатъ, гдѣ различныя часы часъ за часомъ отмѣривали время съ особымъ звукомъ, напоминающимъ звукъ лопнувшей струны музыкальнаго инструмента; когда отворялась дверь въ коридоръ, то тиканье остальныхъ часовъ заглушало громкое тиканье большихъ стѣнныхъ часовъ, которые, казалось, управляли остальными.

— Какой сегодня у насъ день?

— Пятница.

— Хорошо.

По улицѣ проходили люди. Всѣ они, глядя въ окно, кланялись. Превосходительная уже тридцать лѣтъ смотрѣла въ это окно. Она всѣхъ знала.

Случайно вдругъ проходилъ кто-нибудь не кланяющійся ей. Это былъ, значитъ, вновь прибывшій.

— Кто это такой? — спрашивала въ такихъ случаяхъ превосходительная.

Если лицо бывало извѣстно, ей его называли.

— Хорошо.

Со временемъ вновь прибывшій научался кланяться, и превосходительная его больше уже не замѣчала.

— Осталась недѣля до рожденія короля.

— Точно такъ, ваше превосходительство.

Слышно было, какъ отворилась дверь въ коридоръ.

— Не Кербицъ ли это? — спросила превосходительная.

— Точно такъ, ваше превосходительство.

Вошла фрѣкенъ фонъ Кербицъ, высокая, широкая, съ массивной золотой цѣпочкой вокругъ шеи и неподвижнымъ лицомъ, какъ будто бы она всегда старалась прислушиваться къ окружающему, но не слышала ни звука.

— Доброе утро! — сказала она, остановившись среди комнаты.

Затѣмъ она въ сосѣдней комнатѣ сѣла у третьяго окна въ кресло и принялась работать.

Фрѣкенъ фонъ Кербицъ всегда работала.

Изъ блестящихъ нитокъ получались безконечно длинныя, бѣлыя полосы. Никто не зналъ, что изъ нихъ дѣлалось. Фрѣкенъ фонъ Кербицъ плела ихъ, а затѣмъ онѣ исчезали.

Шредеръ ушла, и въ комнатѣ настала полная тишина. Превосходительная ожидала, прилежные же пальцы фрѣкенъ фонъ Кербицъ скользили по бѣлымъ ниткамъ, въ то время какъ глухія ея уши не слышали даже тиканья часовъ.

Вдругъ что-то блеснуло въ глазахъ превосходитель-

ной. Она смотрѣла въ окно и на углу улицы увидѣла Адельгейду. Стройная и гордая сидѣла она на своемъ пѣгомъ, покорно склонившемъ свою красивую шею подъ тяжестью прекрасной ноши.

Превосходительная позвонила.

— Чай барышнѣ! — приказала она.

Нѣкоторое волненіе чувствовалось въ ея голосѣ, и Шредеръ скорѣй обыкновеннаго прошла по комнатѣ.

— Доброе утро, Кербицъ! — слышалось въ дверяхъ, и Адельгейда появилась на порогѣ.

Высокая, стройная и блѣдная стояла она въ дверяхъ — утомленіе и возбужденіе всегда сгоняли на время румянецъ съ ея щекъ.

— Доброе утро, бабушка!

Она уже успѣла поцѣловать старушку въ обѣ щеки.

— Ты слишкомъ быстро скачешь, — сказала превосходительная.

— Это не моя вина, бабушка. Beauté не выносить итти шагѣмъ.

Адельгейда бросила перчатки на одинъ столъ, хлысть на другой.

— Ты должна умѣть регулировать шагъ лошади, дорогая моя, — сказала превосходительная, не спуская взора съ дѣвочки.

Адельгейда засмѣялась.

— Нѣтъ, Beauté управляетъ мною.

— Гм, гм, можетъ быть, — возразила старушка, какъ бы думая о другомъ.

Шредеръ принесла чаю въ чашкѣ, украшенной гербомъ семьи Ранцау, и Адельгейда, сѣвъ на стулъ

у окна и протянувъ далеко отъ себя обутыя въ изящныя верховыя сапожки ноги, стала пить чай.

— Когда придетъ портника? — спросила превосходительная.

— Въ шесть часовъ, бабушка.

— Пусть примѣряетъ она тебѣ платье при мнѣ.

Шредеръ тѣмъ временемъ принесла госпожѣ чашку бульона.

— Кто такой? — спросила вдругъ старушка, взглянувъ въ окно.

По улицѣ шелъ молодой человѣкъ, блондистъ, пріятной наружности. Когда онъ робко поклонился, взглянувъ въ окно, то обнажилъ красивые, вьющіеся волосы

— Нѣкій господинъ Гансенъ, — отвѣтила Шредеръ.

Превосходительная уже перестала на него смотрѣть

— Хорошо, — сказала она.

Когда превосходительной говорили о предметахъ ей неинтересныхъ, она производила впечатлѣніе плоскостыи.

— Онъ служить письмоводителемъ у г-на камеръ-совѣтника, — сказала Шредеръ.

Странная произошла вдругъ перемѣна къ Адельгейдѣ. Она прикусила губы, такъ что ротъ принялъ совершенно необычное выраженіе.

— Гдѣ «онъ»? — спросила превосходительная.

— Господинъ конференцъ-совѣтникъ переодѣвается, — отвѣчала Шредеръ.

Онъ переодѣвался къ верховой ѣздѣ. Онъ былъ еще въ состояніи ѣздить верхомъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ приобрѣлъ онъ себѣ

бѣлую лошадь, производившую впечатлѣніе старой лошади, такой же какъ сѣдокъ.

Въ одинъ прекрасный день конференцъ-совѣтникъ возвращался съ своей прогулки верхомъ. На улицѣ передъ домомъ играла шарманка. И вдругъ старая бѣлая лошадь принялась танцовать и выдѣлывать длинными, узкими ногами граціозные прыжки, тихо подымая ихъ въ тактъ.

Конференцъ-совѣтникъ безпомощно возсѣдалъ на спинѣ танцующей лошади.

Сбѣжались люди.

Старый арабъ выросъ въ циркѣ.

Во все это время превосходительная просидѣла неподвижно у своего окна.

Когда конференцъ-совѣтникъ всрнулся домой, она велѣла его позвать къ себѣ, и когда онъ вошелъ, заперла дверь. Этого не случалось уже нѣсколько лѣтъ.

Разговоръ длился не долго.

Подъ конецъ они оба встали.

— Онъ ставитъ себя въ смѣшное положеніе,—сказала превосходительная,—поэтому онъ больше не поѣдетъ верхомъ.

Конференцъ-совѣтникъ уставилъ на нее свои маленькіе пронизывающіе глазки.

— Когда-то я былъ совсѣмъ хорошъ!—отвѣтилъ онъ только.

Конференцъ-совѣтникъ ѣзду верхомъ не прекратилъ, только перемѣнилъ лошадь.

Когда онъ въ первый разъ выѣхалъ на новой лошади,

ему встрѣтились камерь-совѣтникъ и ландратъ, дѣлавшіе свою прогулку.

— Я не зналъ,—сказалъ товарищу ландратъ,—что конференцъ-совѣтникъ опять получилъ позволеніе ѣздить верхомъ!

— Онъ изъ двухъ самый сильный,—отвѣтилъ коротко камерь-совѣтникъ.

— Но какъ же это возможно?—спросилъ ландратъ и всѣмъ корпусомъ повернулся къ совѣтнику.— Жена и я, мы часто удивляемся, какъ это, можетъ быть?

Совѣтникъ ничего не отвѣчалъ, только улыбнулся.

— Конференцъ-совѣтница не дура!—воскликнулъ ландратъ.

Совѣтникъ пустилъ дымъ сигары по воздуху маленькими голубоватыми кольцами.

Онъ одинъ во всемъ городѣ курилъ настоящія гаванскія сигары.

Уже много лѣтъ оставался онъ вѣрнымъ поставщикомъ вина и сигаръ. То были единственными изъ его поставщиковъ, которымъ онъ платилъ.

— Потому что онъ сильный,— снова повторилъ совѣтникъ.

Внезапно какъ бы очнулась Адельгейда. Сидя такъ возлѣ бабушки, она часто предавалась задумчивому мечтанію.

— Сегодня сюда придетъ камерь-совѣтникъ,—сказала она.

Она всегда говорила такимъ тономъ, какъ будто бы думала при этомъ о совершенно другомъ, о предметахъ, никому не вѣдомыхъ.

— Онъ это мнѣ сегодня объявилъ,—добавила она.

Конференцъ-совѣтница проводила глазами Адельгейду, когда та встала и вышла изъ гостиной, и, долго еще зидя, улыбалась, погруженная въ свои думы.

— Дорогой другъ,—сказалъ ей какъ-то недавно конференцъ-совѣтникъ, — это походка, достойная зна-тока.

— Другъ мой,—возразила тогда конференцъ-совѣтница, — у всѣхъ насъ Ранцау та же походка.

Вообще же казалось, что Адельгейда ходила какъ бы насильно; задумчиво, полусознательно передвигалась она обыкновенно изъ комнаты въ комнату.

Чась пробили одиннадцать. То былъ часъ, когда превосходительная принимала бѣдныхъ.

Шредеръ доложила, что пришла фру Иенсенъ.

— Проси ее, — сказала превосходительная.

Фру Иенсенъ, блѣдное изможденное лицо которой утопало въ толстомъ шерстяномъ платкѣ, остановилась въ дверяхъ и тутъ же разразилась слезами.

— Но,—обратилась къ вошедшей превосходительная, — на сей разъ опять благополучно прошли у васъ роды.

Фру Иенсенъ продолжала всхлипывать, хотя уже не столь громко.

— И вѣдь на этотъ разъ опять умеръ ребенокъ.

— Но мы успѣли его окрестить,—заговорила наконецъ Иенсенъ.—Пасторъ такъ былъ добръ, что пришелъ, когда мы за нимъ послали. Вѣдь мы бѣдные люди, и это хорошо сдѣлалъ Господь, что взялъ его назадъ къ Себѣ; не хотѣлось намъ, чтобы онъ не былъ

крещень. Какъ-то кажется, что не крещенный младенецъ не попадетъ на небо.

— Теперь,—продолжала она, и слезы перестали течь по ея щекамъ,—я опять могу приходиться стирать.

Она съ мольбой взглянула на превосходительную.

Когда Иенсенъ приближалось время родить, то ее всегда очень беспокоила мысль, что кто-нибудь другой займетъ ея мѣсто.

— Я стираю, пока силъ хватаетъ,—говорила она часто,—но должны же дѣти являться на свѣтъ Божій. Безъ этого нельзя!

— Заплатили вы бабкѣ?—спросила превосходительная.

— Сколько беретъ она?—опять спросила она; получивъ отрицательный отвѣтъ.

Желанная сумма равнялась четыремъ кронамъ, которыя Шредеръ и вынесла Иенсенъ.

— Значить, приходите снова стирать.

Фру Иенсенъ присѣла и направила къ дверямъ, какъ вдругъ превосходительная опять остановила ее.

— Сколько у васъ всего было дѣтей?

— Это былъ тринадцатый, — отвѣтила фру Иенсенъ.

Она казалась такой жалкой, какъ собака, ожидающая удара палки.

— Отлично; значить, приходите опять къ намъ стирать.

Шредеръ проводила фру Иенсенъ до передней и затѣмъ вернулась съ настойкой отъ кашля. Она ворчала при этомъ о томъ, что есть люди, которые, Богъ тому свидѣтель, не должны имѣть дѣтей.

— Надо удивляться,—добавила Шредеръ,—что они не думаютъ о ихъ будущности.

Превосходительная съ силой ударила палкой по полу.

— Дорогая моя,—сказала она,—люди въ этомъ случаѣ обыкновенно не размышляютъ.

— Даже старухи,—продолжала она послѣ нѣкотораго молчанія,—могутъ еще имѣть дѣтей.

— Да,—отвѣтила Шредеръ,—во всякомъ случаѣ счастье, что Господь прибралъ ребенка.

Шредеръ, отличавшаяся религіозностью, слушала каждое воскресенье пастора Кисгарда, двадцати девятилѣтняго капелана, который своимъ мягкимъ, бархатистымъ голосомъ читалъ проповѣдь въ больничной церкви.

— Ждетъ еще кто-нибудь? —спросила превосходительная.

— Приходила Ганна Клемпнерсъ, но опять ушла. Отецъ выгналъ ее изъ дома,—отвѣтила Шредеръ.

— Когда же этому конецъ!—воскликнула превосходительная, ударивъ палкой объ полъ. — Пока она можетъ,—добавила она,—помѣститься во флигелѣ, въ саду. Куда же ей дѣйствительно дѣваться?

Вдругъ раздался рѣзкій звонокъ, и превосходительная увидѣла, въ окно подѣхавшій къ крыльцу экипажъ обѣихъ баронессъ изъ Стенсгаарда.

Шредеръ поспѣшила выйти, чтобы помочь имъ раздѣться.

Первая вошла баронесса Элина, высокая и полная,

съ высоко-приподнятой сѣдой головой надъ широкимъ, развитымъ станомъ.

За ней шла баронесса Софи, маленькая, слегка искривленная, укутанная въ мантилью.

Баронесса Элина помѣстилась на диванѣ и оперлась рукою о столъ; по своимъ движеніямъ она напоминала человѣка, держащаго въ рукахъ вожжи четверки лошадей; всѣмъ своимъ существомъ она, казалось, вдыхала свѣжій воздухъ, а говорила она такъ громко, какъ будто комната была на два аршина выше дѣйствительной вышины.

Баронесса Софи, которой Шредеръ принесла подъ ноги скамеечку, держала передъ исхудалымъ, но все же еще моложавымъ лицомъ маленькій бумажный вѣеръ, такъ какъ она совершенно не выносила яркаго солнца. Пока разговаривала баронесса Элина, она только отъ времени до времени вставляла кратко «да» или «нѣтъ».

Она всегда раздѣляла мнѣніе сестры.

— Да, какъ думаетъ Элина, — имѣла она обыкновеніе говорить.

И она, будучи очень воспитанной, при этомъ мило улыбалась; глаза же ея производили всегда впечатлѣніе, будто они видятъ гдѣ-то тамъ вдали разрушенное счастье.

Баронесса Элина рассказывала о мелкихъ будничныхъ происшествіяхъ ихъ жизни, между прочимъ и о томъ, что имъ совѣтовали произвести нѣкоторый ремонтъ въ домѣ.

— Это совѣтъ нашего Петерсена, — добавила она, — вы

знаете нашего стараго Петерсена. Но эту заботу мы предоставляемъ нашему наслѣднику.

«Нашъ наслѣдникъ»—это былъ отдаленный отпрыскъ по боковой линіи, который въ ожиданіи долженствовалъ шаго когда-нибудь открыться наслѣдства пока что произвелъ на свѣтъ десять человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ шесть дочерей, по милости баронессы Софи, всѣ по-немногу перекочевали въ Валло.

— Сдѣланы ли теперь рѣшетки къ окнамъ?—спросила превосходительная.

— Онѣ будутъ сдѣланы, моя дорогая,—отвѣчала баронесса.

Рѣшетки для оконъ были въ продолженіе всей зимы постоянной темой для разговора; онѣ должны были быть поставлены въ Стенсгаардѣ передъ окнами дѣвушекъ.

— Можетъ быть, Элина, — продолжала превосходительная, — было бы дешевле и проще предоставить женской прислугѣ нѣсколько комнатъ во флигелѣ.

Но баронесса Элина разъ навсегда рѣшилась на рѣшетки.

Долго говорили о простыняхъ.

— Теперь, моя дорогая, — заявила баронесса Элина, — полотняныя простыни просто продаются въ лавкахъ.

— Да, — добавила она немного погодя, — тамъ для своихъ бѣдныхъ и Софи покупаетъ холстъ и полотно.

Баронесса Софи объявила, что она въ лавкахъ покупаетъ многое.

Это была хитрость, при посредствѣ которой она выманивала деньги у баронессы Элины.

Въ дѣйствительности же она всего больше любила давать бѣднымъ наличными деньгами.

— Вѣдь они такимъ образомъ сами покупаютъ все, что захотятъ,—говорила она своей горничной Мари, которой довѣряла больше всѣхъ на свѣтѣ.

Управляющій увѣрялъ, что баронесса Софи давала дровоколамъ въ Стенсгаардѣ столько на водку, что они часто засыпали возлѣ своихъ дровъ.

— Фрэкень, — говорилъ не разъ пасторъ изъ Гьорслева, — надо умѣть давать, гдѣ слѣдуетъ. Баронесса Элина, — добавлялъ онъ, — очень много сдѣлала въ нашей мѣстности.

Баронесса Софи давала безъ разбора, всюду и съ тѣмъ же грустнымъ выраженіемъ лица, какъ будто она сама мало ожидала пользы отъ ея даяній.

— Мари, — говорила она, когда заходила рѣчь о пьянствѣ, — я нахожу это такъ хорошо, когда эти несчастные могутъ хоть разъ забыть свое горестное положеніе.

Только что перевела баронесса Элина разговоръ на цѣны на хлѣбъ, какъ снова раздался звонокъ и появился камеръ-совѣтникъ.

Онъ въ дверяхъ поклонился тремъ дамамъ — онъ имѣлъ странное обыкновеніе мужчинамъ протягивать лѣвую руку. Конфрэнцъ-совѣтница полуприподнялась, опираясь на свою палку.

Камеръ-совѣтникъ и баронъ Риссенфельдъ были единственными людьми въ городѣ, для пріема которыхъ превосходительная вставала со своего мѣста.

— Гм, — говорила она не разъ, когда со Шредеръ

бесѣдовала о совѣтникѣ, — онъ знаетъ жизнь, моя дорога...

— Садитесь, — обратилась она теперь къ совѣтнику, — чай будетъ сейчасъ готовъ.

Совѣтникъ, поблагодаривъ, сѣлъ возлѣ окна и заговорилъ о маскарадѣ.

Превосходительная улыбнулась. — Кербицъ собирается на этотъ вечеръ, — сказала она.

Костюмированный вечеръ былъ за весь годъ единственнымъ удовольствіемъ фрѣкенъ Кербицъ.

Всѣ въ городѣ повѣряли ей тайны предполагаемыхъ костюмовъ; когда же наступалъ вечеръ маскарада, Кербицъ, одѣтая монашенкой — почему-то любила она надѣвать этотъ незатѣйливый костюмъ, — отправлялась на вечеръ и ко всеобщему удивленію всѣхъ узнавала и называла по именамъ.

Нѣсколько дней послѣ вечера она еще часто, задумавшись, невольно про себя улыбалась.

— Начнется маскарадное шествіе еще до 12 часовъ ночи, — рассказывалъ совѣтникъ, — и всѣ будутъ въ итальянскихъ костюмахъ, такъ передавали мнѣ.

Городская молодежь брала уроки танцевъ у фрѣкенъ Гоппе.

— Эта барышня, — продолжалъ рассказъ совѣтникъ, — называется танецъ, которому теперь обучаетъ — тарантеллой.

Конференцъ-совѣтница спросила, кто же изъ молодыхъ людей будетъ участвовать въ танцѣ.

— Между прочимъ, — отвѣтилъ совѣтникъ, который въ эту минуту кивалъ кому-то въ окно, — и мой Гансенъ.

Превосходительная выглянула въ окно и видя, что проходилъ только что упомянутый Гансенъ, — спросила, какъ утормъ:

— Кто же это?

— Ваше превосходительство, — отвѣтилъ улыбаясь совѣтникъ, — это молодой человекъ, вотъ и все.

Превосходительная снова взглянула на удаляващагося Гансена.

— Есть ли у него и другія качества? — спросила она.

— Въ его годы, — отвѣчалъ улыбаясь совѣтникъ, — другихъ качествъ и не требуется.

Баронесса Элина вооружилась лорнеткой.

— Кто онъ? — спросила она.

— Онъ у меня занимается письмоводствомъ, а вообще онъ исполняетъ свое назначеніе.

Баронесса Элина, придававшая большое значеніе мнѣнію совѣтника, хотѣла продолжать разспросы дальше, но тотъ, проглотивъ немного чаю, глубокомысленно замѣтилъ: — Баронесса, у человека въ жизни одно назначеніе.

Снова позвонили, и въ дверяхъ появился молодой графъ Гвиде.

Кербицъ пошла за Адельгейдой.

Молодой человекъ низко поклонился превосходительной и поцѣловалъ ея руку.

Онъ сообщилъ, что собирается тоже на маскарадъ.

— А кого же вы будете изображать? — спросила превосходительная.

— Рицціо.

— Это идетъ стройному молодому челоѣку,—замѣтила превосходительная.

Графъ сѣлъ спиной къ окну.

Вошла Адельгейда.

Легкое волненіе изобразилось въ лицѣ Гвиде; онъ обернулъ къ Адельгейдѣ свой римскій профиль и заговорилъ мягкимъ, бархатистымъ голосомъ. Онъ сообщил ей, что сдѣлалъ ея портретъ на лошади.

Два года тому назадъ вернулся изъ Парижа молодой графъ Гвиде и съ тѣхъ поръ онъ почти ничего другого не дѣлалъ; какъ разрисовывалъ Адельгейду въ разныхъ видахъ.

— Дорогой другъ,—говаривалъ часто камереръ-совѣтникъ своему другу ландрату,—къ чему талантъ? Я никогда еще не слыхалъ, чтобы талантъ приводилъ къ чему-нибудь достойному вниманія.

Подобныя замѣчанія смущали ландрата. Совѣтникъ это зналъ и потому любилъ говорить на ту же тему.

— Простой рабочій получаетъ больше удовольствія и пользы отъ своей физической мускульной силы.

Гвиде продолжалъ вполголоса рассказывать Адельгейдѣ, что написалъ ее на фонѣ краснѣющей вдали зари.

Но когда онъ съ горечью замѣтилъ, что она не слушаетъ того, что онъ говоритъ, онъ замолкъ.

Адельгейда склонила голову на спинку стула.

Она обладала способностью не всегда слышать, что говорятъ, и чужія слова,—а всѣ слова ея окружающихъ казались ей чужими,—влетали у нея въ одно ухо и

вылетали изъ другого, какъ поѣздъ желѣзной дороги черезъ тунель.

Вдругъ она подняла голову, и глаза ея оживились. Каммеръ-совѣтникъ замѣтилъ это.

— Теперь время урока Гоппе, — сказалъ онъ.

Снова подъ окнами прошелъ молодой Гансенъ, направляясь на урокъ танцевъ.

Опять заговорили о маскарадѣ и о томъ, что въ половинѣ седьмого Адельгейдъ принесутъ костюмъ къ примѣркѣ.

— Вамъ можно будетъ посмотрѣть ее въ костюмѣ, — замѣтила молодому человѣку превосходительная.

— Не сегодня, — заявила Адельгейда.

Совѣтникъ, все время внимательно наблюдавшій за ней, теперь обратился къ баронессѣ Софи, казавшейся всеѣми забытой, и спросилъ, — будетъ ли она опять раздавать милостыню своимъ бѣднымъ въ день рожденья короля.

— Да, — отвѣтила та.

— Хватить ли духу, — добавила она, — не дать имъ поѣсть и попить въ такой день?

— Конечно, — отвѣтилъ совѣтникъ, — очень можетъ быть, что голодные дѣйствительно самые несчастные люди на бѣломъ свѣтѣ.

Онъ зналъ баронессу Софи еще съ юности и любилъ называть ее «мой милый другъ».

Тридцать лѣтъ тому назадъ женихъ баронессы упалъ съ лошади въ самое утро дня, назначеннаго для свадьбы, и расшибся до смерти. Съ тѣхъ поръ она никогда не уѣзжала изъ Стенсгаарда. За неимѣніемъ другихъ

интересовъ она предалась благотворительности и полюбилась всеобщимъ уваженіемъ.

Конференцъ-совѣтница, случалась, иногда бесѣдовала со Шредеръ о баронессѣ Софи.

— Ну,—говорила она часто въ заключеніе,—все къ лучшему; плоды, которыхъ не вкусишь, не могутъ и жизни отравить.

Конференцъ-совѣтница въ сущности смотрѣла на баронессу Софи, какъ на вдову.

Баронесса Элина собралась было уѣзжать, какъ вошла фру Бергъ, которую совѣтникъ привѣтствовалъ воздушнымъ поцѣлуемъ.

Графъ Гвиде простился и вышелъ; а фру Бергъ воскликнула, поднявъ руки къ небу:

— О Боже! какъ этотъ человѣкъ былъ бы достоинъ счастья.

— Да почему же ему и не быть счастливому?—спросилъ совѣтникъ.

— Боже мой!—продолжала фру Бергъ,—какъ часто бываетъ, что жизнь ничего не даетъ тому, кому она, казалось бы, все сулить.

— Вы, я вижу, стали философкой, — засмѣялся совѣтникъ.

— Да, — отвѣтила, засмѣявшись также фру Бергъ и поднявъ опять руки кверху со свойственнымъ ей движеніемъ,—станешь философствовать, когда уже другого ничего не остается.

Въ эту минуту Кербицъ позвала баронессу Софи и стала спрашивать ее о какой-то проповѣди. Но о ней баронесса ничего не слыхала.

— Вотъ какъ, — промолвила Кербицъ и снова погрузилась въ молчаніе.

— Есть ли вообще что-нибудь, во что вы вѣрите? — продолжалъ совѣтникъ свой разговоръ съ фру Бергъ.

— Да, — отвѣчала та и стала вдругъ совершенно серьезной, — я вѣрю въ любовь, пока она существуетъ.

Наступило минутное молчаніе.

— И въ горе, — снова продолжала фру Бергъ, — оно слѣдуетъ за любовью.

— Философствованіе, — вмѣшалась, видимо, неслышавшая разговору превосходительная, — по моему мнѣнію признакъ малокровія.

Баронесса Элина утвердительно кивнула головой. Она философствованіемъ никогда не грѣшила. Слухи шли о томъ, что, когда ей было двадцать два года, отецъ ея, баронъ, внезапно прогналъ ее изъ дома за непомѣрную любовь къ мужской силѣ и красотѣ и за то, что будто она совершенно попирала ногами отцовскую честь.

Послѣ этого баронесса прожила лѣтъ пятнадцать за границей, преимущественно въ Нормандіи. Она никогда не выносила жизни большого города.

Послѣ смерти отца она вернулась въ Стенсгаардъ и занялась управленіемъ имѣніями. При содѣйствіи болѣе молодыхъ силъ справлялась она отлично. Вводя систему новаго орошенія, заслужила она благодарность окружающаго ее сельскаго населенія.

На улицѣ подъ окнами проѣхалъ верхомъ молодой Гвиде.

Онъ не поклонился, проѣзжая мимо, а въ упоръ смотрѣлъ черезъ голову лошади впереди себя.

— Да,—сказала баронесса Элина,—мужчины не должны быть малокровными.

Вдругъ перешли къ разговору о помолвкахъ и свадьбахъ.

Городскія молодыя дамы вышивали коверъ, на которомъ должно было происходить вѣнчаніе френкень Елены Бокъ.

Три раза въ недѣлю собирались для вышиванія въ различныхъ семьяхъ, при чемъ подавался гостямъ чай и во время работы вслухъ читался Диккенсъ.

— Хорошо,—сказала фру Бергъ,—что при этомъ читаютъ.

— Почему?—спросилъ совѣтникъ.

— Чтобы разсѣять мыли,—сказала, улыбнувшись, фру Бергъ.

Совѣтникъ тоже улыбнулся и вдругъ обернулся къ Адельгейдѣ, которая все сидѣла въ спокойно выжидающей позѣ атлета, отдыхающаго передъ боемъ.

— Вы не вышиваете съ другими?—спросилъ совѣтникъ.

— Нѣтъ.

— А почему же такъ?

— Меня подобныя работы не интересуютъ.

Опять возобновился разговоръ о свадьбахъ и о френкень Бокъ, подвѣнчное платье которой выписано изъ Гамбурга и будто бы оно съ вырѣзанной грудью.

Разговоръ перешелъ на вырѣзныя подвѣнчныя платья.

Ландратъ всегда любовался такими нарядами.

— Моя жена, — сказалъ онъ, — тоже находить, что это придаетъ элегантность.

— Милый мой, — возразила превосходительная, — вырѣзное платье именно не подходитъ для невѣсты, вы это не понимаете.

— Это дѣлается, — добавилъ совѣтникъ, — преимущественно для зрителей.

— Да, при вѣнчаньяхъ церкви бываютъ биткомъ набиты народомъ, — сказала Кербицъ, державшая возлѣ уха свою слуховую трубку, хотя все же понимала лишь четвертую часть разговора.

Фрѣкенъ Адельгейда нѣсколько выпрямилась на своемъ стулѣ.

— Модныя свадьбы, — сказала она, — это зрѣлища, порорящія святость таинства.

Фру Бергъ громко размѣялась.

— Почему вы смѣтаетесь? — спросила Адельгейда.

— Потому что, — отвѣтила та, не переставая смѣяться, — вы такъ рѣдко что-нибудь говорите, Адельгейда.

— Я часто не нахожу, о чемъ говорить.

— Нѣтъ, — вмѣшался совѣтникъ, — дѣло въ томъ, что кто постигъ причину и цѣль жизни, тотъ становится молчаливымъ.

Опять раздался звонокъ. Вошли ежедневные посѣтители, баронъ Риссенфельдъ и майоръ.

Они приложились къ ручкѣ превосходительной, а совѣтникъ пожалъ руку барона.

Вновь прибывшіе присоединились тоже къ разговору о свадьбахъ.

— Майоръ еще всегда бываетъ тамъ, гдѣ есть на что смотрѣть, — сказала превосходительная.

Этого не могъ отрицать самъ майоръ.

— Только все же итти на маскарадъ ему не по годамъ, — замѣтила превосходительная.

— Подвѣчное платье выписано изъ Гамбурга, майоръ, — замѣтила она снова.

Майоръ улыбнулся, такъ что конецъ острой его бородки задрожалъ.

— Да, — сказалъ онъ, — тамъ они это понимаютъ...

Баронессы вышли; ихъ примѣру послѣдовали ландратъ и совѣтникъ. Прощаясь, послѣдній поцѣловалъ у Адельгейды руку.

— Что вы! — воскликнула она и протянула ему губы.

Совѣтникъ испытующе взглянулъ на нее.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, — нѣтъ Адельгейдочка, эти губки не для меня.

— Для кого же?

— Для другого.

* *
* *

Каммеръ-совѣтникъ и ландратъ молча шли внизъ по улицѣ.

— Истинно хорошее дѣвичье сердце! — воскликнулъ наконецъ совѣтникъ.

Казалось, что ландратъ не понялъ смысла этихъ словъ. Часто, когда онъ разговаривалъ съ пріятелемъ, у него бывало то же выраженіе, какъ и во время предсѣдательства въ своемъ правленіи.

— Чортъ побери всѣхъ этихъ дѣвиць!

Ландрата осянило просвѣтлѣніе, онъ понялъ, что дѣло идетъ объ Адельгейдѣ. А когда у него бывало просвѣтлѣніе, то его лицо выражало довольство, напоминающее выраженіе гастронома, смакующаго какой-нибудь любимый кусочекъ.

— Да, — сказалъ онъ, — прелестная дѣвушка!

Совѣтникъ не слушалъ, что говорилъ его пріятель. Онъ отдался своимъ собственнымъ мыслямъ

— И при всемъ этомъ, — сказалъ онъ, — она цѣломудренна, какъ, впрочемъ, всякій, кто остается господиномъ своихъ чувствъ.

Совѣтникъ прошелъ нѣсколько шаговъ молча.

— Но вѣдь это присуще ихъ семьѣ, — замѣтилъ онъ снова.

Ландратъ опять потерялъ смыслъ его словъ.

Онъ до сихъ поръ не зналъ, что именно цѣломудренность характеризуетъ эту семью.

На углу оба пріятеля разстались, и ландратъ пошелъ къ женѣ.

Когда часы на ратушѣ били двѣнадцать, жену ландрата можно было застать въ черномъ шелковомъ платьѣ. Въ ея положеніи всегда можно было ожидать гостей.

Ландратъ казался возбужденнымъ. Онъ всегда былъ такимъ послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго пребыванія въ обществѣ камеръ-совѣтника.

— Вигго, — сказала жена, — я тебя не понимаю. Я его считаю грубымъ человѣкомъ.

Говоря это, жена ландрата гладила одинъ изъ много-

численнѣхъ вышитыхъ ковриковъ; покрывавшихъ столы въ гостиной у судьи.

— Въ Копенгагенѣ его прямо не принимали бы, мой другъ.

Жена судьи была генеральской дочерью, родомъ изъ Копенгагена.

Раздался звонокъ.

Жена судьи ожидала къ шоколаду двухъ благочестивыхъ дамъ изъ Валло.

Когда подали шоколадъ, разговоръ коснулся умершаго въ Валло пастора.

— Это есть и будетъ — неизгладимая потеря, — сказала одна изъ дамъ. — Умъ Брамсена не имѣлъ себѣ подобнаго.

— Дорогая Эмма, — сказала другая, — вѣдь онъ также былъ близкимъ другомъ суперинтенданта.

— И что станетъ съ нами, если мы теперь получимъ свободомыслящаго проповѣдника?

Жена ландрата выразила надежду, что все же министръ войдетъ въ положеніе обывателей.

— Ну, — отвѣтила одна изъ гостей, — въ настоящее время уже нельзя полагаться на министровъ; сомнѣнія нѣтъ, что на это мѣсто не всякій пасторъ окажется подходящимъ.

* *
*

Всѣ гости разошлись, и у превосходительной подали обѣдъ.

Обѣдали въ четыре часа.

Передъ превосходительной стояла бутылка краснаго вина, изъ которой пили только она сама и Адельгейда. Бутылка была запыленная и не имѣла никакой этикетки.

Передъ приборомъ конференцъ - совѣтника стояла другая бутылка краснаго вина, съ этикеткой одного изъ городскихъ магазиновъ.

Послѣ обѣда превосходительная осталась одна.

Она спокойно сидѣла въ своемъ большомъ креслѣ; пока не наступали сумерки и не зажигались уличные фонари. Глаза ея упали какъ разъ на портретъ дочери. Онъ былъ написанъ художникомъ Экерсбергомъ. Дочь ея держала въ рукахъ темно-красную розу. Превосходительная не могла оторвать взора отъ портрета.

Тогда она была еще красивѣе.

Это было за годъ до ея свадьбы; да, за восемь мѣсяцевъ до свадьбы.

Лицо превосходительной приняло болѣзненное выраженіе.

Ея дочь, Адельгейда, всегда была такой тихой и кроткой...

Однако ея она хотѣла имѣть во что бы то ни стало.

Превосходительная все еще не сводила глазъ съ портрета.

Потомъ послѣдовалъ бракъ, а когда только что родился ребенокъ, и жизнь и смерть еще боролись между собой, онъ заложилъ серебряный чайный приборъ, еще когда дочь не успѣла закрыть глаза.

Теперь умеръ и онъ, и у нея осталась одна Адельгейда.

Лицо старухи опять освѣтилось.

За молодымъ Гвиде считала бы она Адельгейду, какъ за каменной горой.

Цѣлый часъ сидѣла она такъ въ раздумьи, а тусклый свѣтъ уличнаго фонаря тѣмъ временемъ слабо освѣщалъ портретъ дочери.

— Есть кто-нибудь? — позвала она.

Отвѣта не послѣдовало.

Сидѣла въ сосѣдней комнатѣ одна лишь глухая Кербицъ и работала свою работу. Она такъ привыкла къ этой работѣ, что могла работать даже въ темнотѣ.

— Есть кто-нибудь?

Опять отвѣта не было.

Превосходительная позвонила, и вошла Шредеръ.

— Поставь столъ для виста, — сказала ей конфекренцъ-совѣтница. — Но раньше, вѣроятно, придетъ еще портниха.

Шредеръ приготовила карточный столъ краснаго дерева и поставила на него серебряные подсвѣчники.

Адельгейда, вышедшая погулять — она особенно любила заходъ солнца — только что повернула на главную улицу, какъ ее обогналъ Гансенъ.

Онъ раньше еще никогда не кланялся ей.

— Добрый вечеръ, — сказала Адельгейда, и оба пошли дальше.

* * *

Изъ своего дома вышелъ каммеръ-совѣтникъ съ барономъ Риссенфельдомъ. Послѣдній обѣдалъ у него и съ

удовольствіемъ и полнымъ пониманіемъ дѣла вкушаль кримеры, выписанные изъ Брауншвейга.

Совѣтникъ узналъ Гансена.

— Гм, баронъ, — сказалъ онъ, — надо сказать: чудные попадаются экземпляры среди людей.

— Да, — отвѣтилъ баронъ.

— Жалко только, — продолжалъ совѣтникъ, — что другимъ, имъ близкимъ людямъ, иногда съ горечью приходится убѣждаться, что когда пройдетъ весна, время всеобщаго возрожденія, эти прекрасные экземпляры оказываются бездушными.

— Нѣтъ, — внезапно воскликнулъ баронъ, обыкновенно несловоохотливый, — вы ошибаетесь; и у этихъ людей есть своего рода душа, и для нихъ можетъ весь годъ тянуться весна!

* *
*

Въ половинѣ седьмого пришла портниха.

— Барышня примѣряетъ платье, — доложила превосходительной Шредеръ.

— Я желаю видѣть.

Превосходительная поднялась вверхъ по лѣстницѣ, вошла въ комнату и опустилась въ кресло.

Она не осталась довольной; она приподнялась, потомъ сѣла снова; костлявыми пальцами расправляла она и приглаживала складки, какъ бы желая исправить линіи фигуры Адельгейды.

— Вотъ гдѣ начало бедрамъ, — говорила она, — а въ

мое время, милая моя, на это обращалось вниманіе при покровѣ юбки.

Адельгейдѣ приходилось ворочаться во все стороны.

И спина не была такъ, какъ было бы желательно.

Старушка необыкновенно оживилась, давая вѣскія указанія.

Портниха молча повиновалась, распускала швы, снова сметывала ихъ, держа межъ стиснутыми губами съ дюжину булавокъ.

— Надо придать больше шику! побольше шику...

Спинка все какъ-то не ладилась.

У портнихи почти изсякъ запасъ булавокъ.

— Вотъ такъ дѣло, кажется, пойдеть! — заявила превосходительная.

Она отбросила палку и шаговъ на десять приблизилась къ Адельгейдѣ.

— Такъ! Хорошо!

Она любовалась внучкой въ роскошномъ штофномъ платьѣ.

— Въ мое время, — обратилась она къ портнихѣ, — женщины умѣли одѣваться къ лицу.

Она все смотрѣла на внучку.

Надъ золотистой штофной тканью вырисовывалась по бѣлой молодой шеѣ каждая жилка.

— Да, да, — промолвила она сама про себя, — въ мое время умѣли жить.

— А въ какомъ же костюмѣ будетъ Гвиде?

— Онъ будетъ одѣтъ Рицціо, — отвѣтила стоявшая здѣсь же Шредеръ.

— Гм...

Превосходительная вѣроятно забыла во всѣхъ ея подробностяхъ исторію прекрасной шотландки.

— Какой же цвѣтъ его костюма?

— Красный, — отвѣтила Шредеръ.

Адельгейда ничего не слыхала. Она въ своемъ золотистомъ штофномъ платьѣ стояла передъ зеркаломъ и улыбалась. Она, видимо, была занята своей собственной красотой.

— Ну, хорошо, — сказала превосходительная. — Прощайте!

Адельгейда и портниха остались вдвоемъ. Осторожно сняла портниха платье и вынула одну за другой всѣ булавки.

Адельгейда осталась въ задумчивости передъ зеркаломъ.

— До свиданья, фрѣкенъ.

— Прощайте, — сказала Адельгейда, не поворачивая головы.

Долго стояла она передъ освѣщеннымъ зеркаломъ и улыбалась; казалось, она думала въ эту минуту о предстоящемъ большомъ удовольствіи.

Кербицъ вошла въ дверь за ея спиной; Адельгейда вдругъ увидала ея отраженіе въ зеркалѣ.

Быстро набросила она себѣ на плечи накидку.

— Кербицъ, что вы опять и въ этомъ году собираетесь на маскарадъ?

— Нѣтъ, въ этомъ году нѣтъ.

— Вѣрно ли это?

— Да, въ этомъ году останусь дома.

Адельгейда одѣлась и спустилась внизъ, тамъ она застала компанію за вистомъ.

Кромѣ звука картъ, падающихъ на столъ, ничего не было слышно.

— Не принесешь ли газету? — спросила превосходительная

Адельгейда прошла черезъ всю вереницу комнатъ къ конференцъ-совѣтнику. Газета лежала передъ нимъ на столѣ. Онъ спалъ. Когда конференцъ-совѣтникъ предавался послѣобѣденному сну, онъ имѣлъ обыкновеніе снимать свой парикъ и вмѣсто него покрывать голову платкомъ. Платки его все отличались пестротой.

Адельгейда не разбудила его. Она взяла газету и вышла изъ комнаты.

Партнеры прервали игру, чтобы прочесть реестръ умершихъ за сутки. Въ особенности баронъ очень внимательно просматривалъ всегда этотъ списокъ.

— Теперь можемъ продолжать, — предложила превосходительная, и они возобновили игру.

Адельгейда сѣла въ смежной комнатѣ за рояль. Она взяла нѣсколько аккордовъ.

Вистъ шелъ своимъ обычнымъ чередомъ...

Кончивъ играть, оба гостя простились, а превосходительная, поддерживаемая Шредеръ, пошла къ себѣ. Ее раздѣли, и она сѣла на свою большую кровать.

— Портниха положительно не умѣетъ, — сказала она; — одѣтъ хорошую фигуру.

Шредеръ посыпала на уголья камина душистаго порошку и удалилась. Превосходительная любила, чтобы каждый вечеръ душили возлѣ ея кровати.

Въ домѣ царилъ тишина.

Кербицъ еще работала, а Адельгейда стояла у окна. Вечерами она могла такъ неподвижно стоять цѣлые часы.

У конференцъ-совѣтника, дверь въ комнату котораго была заперта, шумно и оживленно разговаривали.

Конференцъ-совѣтникъ пилъ грогъ, поданный ему Шредеръ. Никогда не бывало между конференцъ-совѣтникомъ и Шредеръ такого веселья и оживленія, какъ когда превосходительная бывала въ постели.

Такъ приходилъ къ концу, одинъ день за другимъ.

Утромъ превосходительная звонила, вставала съ постели, садилась къ туалетному столу, а Шредеръ приносила ей чай.

Конференцъ-совѣтникъ дѣлалъ свой утренній визитъ, Кербицъ приходила и молча садилась съ работой у окна, часы тикали во всѣхъ комнатахъ.

— Гдѣ Адельгейда? — спросила превосходительная.

— Фрѣкенъ вернулась съ катанья. Теперь фрѣкенъ въ ваннѣ.

— Это хорошо. Молодежь должна холить себя.

Наступило молчаніе.

— Есть ли у нея пахучія эссенціи? — спросила снова превосходительная.

Шредеръ ничего не отвѣчала.

— Въ мое время, — продолжала превосходительная, — женщины знали секретъ пріятнаго омовенія.

— Докторъ Мейеръ, — замѣтила Шредеръ, — считаетъ, что излишнее омовеніе возбуждаетъ.

Превосходительная только улыбнулась и отвѣтила французскимъ словомъ, котораго Шредеръ не поняла.

У Адельгейды недостатокъ въ эссенціяхъ не было. Долго нѣжилась она, лежа въ тепловатой душистой водѣ. Присутствіе горничной во время ваннъ было Адельгейдѣ неприятно, и она предпочитала раздѣваться и одѣваться одна. Она наполняла руку тепловатой молочнаго цвѣта водой и улыбаясь поливала свои кругленья бѣлыя плечи.

Передъ обѣдомъ отправилась она гулять.

Баронъ Гиссенфельдъ и майоръ встрѣтились ей.

Носъ майора казался еще длиннѣе обыкновеннаго; можетъ быть это происходило отъ весенняго воздуха.

Онъ такъ удивился, увидя Адельгейду, что ничего не нашель ей сказать.

Адельгейда тоже почему-то смутилась.

Майоръ остановился, глядя ей вслѣдъ.

— Я зналъ ее еще ребенкомъ, — пробормоталъ онъ, — теперь она похожа на весталку въ своемъ черномъ платьѣ!

Майоръ въ своемъ возбужденіи забылъ всѣ остальные женскія личики, встрѣчающіяся на улицахъ.

Адельгейда же повернула на улицу, ведущую въ поле.

Мимо нея проѣхалъ на лошади Гвиде.

Когда же онъ исчезъ изъ виду, его стройная фигура какъ выточенная изъ стали на спинѣ красивой лошади предстала въ воображеніи Адельгейды.

Какъ онъ красивъ, — подумала она и повернула на проселочную дорогу, по обѣ стороны которой зеленѣли

озимья поля. Особый запах сырой земли и распускающихся ростков окуталъ ее.

Адельгейда нагнулась и сорвала полную горсть ржаныхъ стеблей.

Она такъ любила сочную зелень.

Съ пучкомъ въ рукѣ сѣла она на скамейку. Передъ нею разстилались освѣщенные солнцемъ луга и поля.

Долго просидѣла она такъ подъ сводомъ голубого неба.

Поднявшись и собравшись уходить, она забыла пучокъ зелени.

— Вы, фрѣкенъ, забыли это, — вдругъ донесся до ея слуха голосъ.

За ея спиной стоялъ Гансенъ и держалъ пучокъ въ рукѣ. Онъ то блѣднѣлъ, то покрывался румянцемъ.

— Я? Благодарю!

Адельгейда протянула руку за зелеными стеблями и оставила изъ нихъ штукъ пять или шесть въ рукѣ Гансена.

— Благодарю, — промолвила она еще разъ, и ушла.

* *
*

Опять сѣли партнеры у стола и играли въ вистъ.

— Кербицъ, вашъ ходъ.

Молча и быстрымъ движеніемъ сбросила Кербицъ одну карту на столъ. Казалось, она за послѣдніе дни стала болѣе глуха, если это возможно.

Игра продолжалась, а Шредеръ принесла чай и печенье.

— Гдѣ Адельгейда? — спросила превосходительная. Фрѣкенъ вышла. Сегодня репетиція.

Это время были у Гоппе ежедневныя репетиціи танцевъ. Сегодня должна была быть первая репетиція въ костюмахъ.

— Вы о чемъ-то мечтаете, майоръ? — сказала превосходительная.

— Да, — отвѣтилъ тотъ, и онъ, дѣйствительно, казалось, только что пробудился.

— Гдѣ, сказали вы, она? — спросила она Шредеръ.

— Кто?

— Фрѣкенъ, — сказалъ майоръ, до сихъ поръ называвшій ее не иначе, какъ «маленькой».

— На репетиціи у Гоппе, — отвѣтила Шредеръ.

Позвонили, и почтальонъ принесъ газету.

— Прочтите, баронъ, — сказала превосходительная.

Баронъ Риссенфельдъ раскрылъ газету своими исхудалыми руками и началъ, по обыкновенію, громко читать. Никто, казалось, не слушалъ его, только превосходительная замѣтила:

— Весной списокъ всегда длиннѣй.

Баронъ все еще держалъ газету въ рукахъ.

— Ну, будемте играть, — сказала превосходительная и ударила палкой объ полъ.

Взоръ барона перешелъ теперь на театральныя объявленія.

— Они ставятъ сегодня «Домъ Свенда Диринга», — сказалъ онъ и тихо сложилъ газету.

— Не помню я этой пьесы, — заявила превосходительная.

— Прелестная пьеса, — сказалъ баронъ.

— О комъ вы это? — спросила Кербицъ, думавшая, что все еще дѣло идетъ о спискѣ умершихъ.

— Театральныя пьесы, дорогой баронъ, — продолжала превосходительная, — это одна ложь. Въ нихъ жизнь освѣщена ложнымъ свѣтомъ.

Наконецъ Кербицъ разслышала слова: «Домъ Свенда Диринга», и кивнула головой.

— Вы помните, — продолжалъ баронъ, — эта пьеса съ яблокомъ и таинственными пьсьменами.

— Да, будемте же играть, — сказала превосходительная.

* * *

*

Въ залѣ у Гоппе была репетиція въ полномъ разгарѣ. Дамы разрядились, мужчины же надѣли костюмы итальянскихъ рыбаковъ.

Въ рукахъ держали они тамбурины.

Гансенъ танцевалъ посреди залы въ парѣ съ маленькой легкой дамой съ темными вьющимися волосами.

Широкоплечій, сильный, онъ производилъ среди танцующихъ очень благопріятное впечатлѣніе.

Городскія дамы, изображая публику, сидѣли по стѣнамъ зала на диванахъ и въ креслахъ.

Среди нихъ сидѣла молча и неподвижно Адельгейда. Репетиція кончилась.

Гансенъ стоялъ въ дверяхъ, опершись о притолку. У Адельгейды за поясомъ были стебли зеленой ржи.

Вдругъ въ комнату, гдѣ еще конференцъ-совѣтница сидѣла со своими гостями за карточнымъ столомъ, во-рвалась фру Бергъ. Не снимая шляпы и накидки, бро-силась она въ первое попавшееся кресло.

— Репетиція окончилась, — сказала она.

— Какъ же прошли танцы? — спросила превосходительная.

Фру Бергъ расхохоталась.

— Ахъ! — сказала она, — вѣдь Гоппе сама ничего не понимаетъ. Она заставляетъ своихъ учениковъ на-клонять тамбурины, какъ будто у нихъ въ рукахъ фор-мы для пудинговъ. Но, Боже, что за красивый мужчина этотъ, какъ его... этотъ Гансень.

— Гдѣ Адельгейда? — спросила превосходительная.

— Фрэнкенъ пошла наверхъ, — отвѣтила Шредеръ.

— Хорошо, ну пойдѣте чай пить.

Фру Бергъ казалась голодной и набросилась на печенье и пирожки.

— Дорогая моя, — объявила она, — на этихъ репети-ціяхъ можно какъ волкъ проголодаться.

— Въ домѣ у насъ съѣдобнаго вдоволь, — замѣтила превосходительная, вообще не любившая, чтобы за ча-емъ съѣдалъ каждыи больше трехъ, четырехъ пи-рожковъ.

Фру Бергъ знала это отлично, но продолжала ѣсть.

— Дорогая Шредеръ, — заявила она, — чѣмъ больше подается на столъ, тѣмъ больше хочется ѣсть.

Вообще это у нея вошло въ привычку, куда бы она ни пришла, набрасываться на ѣду.

Утоляя такимъ образомъ голодь, она все возвращалась къ Гансену и его наружности.

— Дорогая моя, — твердила она, — вы не повѣрите, какъ хорошъ этотъ письмоводитель; костюмъ неаполитанскаго рыбака такъ идетъ къ его статной фигурѣ.

Превосходительная только кивала головой, будто она давно уже слышитъ одно и то же.

— Моя милая, — сказала она наконецъ, — подобный костюмъ всегда къ лицу хорошо сложенной фигурѣ.

Адельгейда была тѣмъ временемъ въ своей комнатѣ и тихо ходила взадъ и впередъ.

* *
* *
*

Пробило девять часовъ.

Всѣ, что были въ городѣ, экипажи катились по улицамъ.

Превосходительная отмѣнила вистъ и сидѣла въ одиночествѣ. Въ вереницѣ комнатъ было темно.

Вошла Шредеръ.

— Поѣдетъ ли онъ? — спросила превосходительная.

Шредеръ отвѣтила, что, вѣроятно, онъ на полчаса на поѣдетъ на маскарадъ съ майоромъ.

— Гм, — промолвила превосходительная, — старики съ ума сошли! Гдѣ Кербицъ?

— Въ своей комнатѣ.

— Она, кажется, останется на этотъ разъ дома?

— Да.

— Нѣсколько дней тому назадъ, — добавила немного погода Шредеръ, — къ Кербицъ опять явился ея пугало.

— Старая исторія, — сказала превосходительная, — отъ него старая душа никогда не отвернется.

Старая исторія заключалась для фрэкенъ Кербицъ въ молодомъ чловѣкѣ, тридцати приблизительно лѣтъ, который въ молодости Кербицъ безъ благословія церкви явился на свѣтъ Божій. Его называли Іенсенъ, и теперь онъ былъ виноторговцемъ въ Выборгѣ.

Вошла горничная.

— Готова ли фрэкенъ Адельгейда?

— Да. ваше превосходительство, фрэкенъ ждетъ.

Превосходительная встала.

— Вели зажечь люстру

— Она зажжена.

— Ну, такъ я иду наверхъ.

Посреди зала стояла внучка въ ожиданіи бабушки. При блескѣ люстры сіялъ великолѣпный костюмъ; тяжелыя складки облегли молодую, прекрасную женскую фигуру.

Превосходительная на мгновение остановилась въ дверяхъ и молча оглядѣла внучку. Такъ смотритъ художникъ на вышедшую изъ-подъ его кисти картину.

— Пройдись, — сказала она.

Адельгейда сдѣлала нѣсколько шаговъ. Она тоже молчала. Съ каждымъ шагомъ переливался золотистый цвѣтъ штофной ткани въ различные оттѣнки.

Бабушка поцѣловала внучку въ лобъ и спустилась. Она не хотѣла, чтобы освѣщали ея комнаты. Быть мо-

жетъ, хотѣла она скрыть отъ постороннихъ взоровъ выраженіе лица. Но глаза ея въ темнотѣ какъ-то расширились.

Адельгейда осталась одна. Она ждала кареты.

Вдругъ появился въ дверяхъ графъ Гвиде.

— Добрый вечеръ! — сказалъ онъ.

Стройная и элегантная выступала фигура Рицціо въ малиновомъ бархатномъ костюмѣ.

— Добрый вечеръ, — отвѣтила Адельгейда.

Гвиде еще больше поблѣднѣлъ, когда услыхалъ звукъ ея голоса; Адельгейда такъ сказала ему этотъ «добрый вечеръ», какъ будто передъ ней находился ея выѣздной лакей Георгъ и снималъ съ нея ея пальто. Онъ наклонился къ ея рукѣ.

— Да, вотъ и Рицціо, — сказалъ онъ.

— Но, — добавилъ онъ и зналъ, что она его не понимаетъ, а, можетъ быть, и не слышитъ того, что онъ говоритъ, — милосердіе умерло, нѣтъ больше и разбойниковъ.

На мгновеніе выраженіе лица у Адельгейды измѣнилось; казалось, что какъ бы издали дошелъ до нея звукъ голоса Гвиде.

— Что же, поѣдемте? — спросила она.

— Да, карета у крыльца.

Они уѣхали.

Въ домѣ стояла ничѣмъ не нарушаемая тишина.

Кербицъ тихо пріотворила свою дверь и осторожно вышла въ садъ. Она отворила садовую калитку и ступила на улицу.

Кербицъ была одѣта монашкѣй, а на ногахъ были калоши.

* * *

Превосходительная лежала на своей высокой кровати съ пологомъ и все не могла заснуть.

Она позвонила и потребовала сахарной воды.

— Дома ли Кербицъ? — спросила она.

Шредеръ нѣсколько разъ осторожно подходила къ двери Кербицъ, но она какъ была, такъ и оставалась запертой.

— Хорошо, — сказала превосходительная.

— Дорогая моя, — добавила она, — никогда не слѣдуетъ подглядывать за молодостью; пусть ей дана будетъ свобода.

Въ старомъ домѣ все было погружено въ молчаніе. Только часы продолжали свое тихое и равномерное тиканье.

* * *

Въ бальномъ залѣ царило небывалое оживленіе. Стильный танецъ Гоппе уже былъ съ успѣхомъ исполненъ.

Разгоряченныя парочки одна за другой переставали танцовать; среди всеобщаго шума голосовъ танцевала еще одна Адельгейда съ письмоводителемъ городскаго фюхта. Костюмъ рыбака особенно шелъ къ нему; улы-

бающійся, онъ, казалось, при звукахъ вальса велъ свою даму къ знакомой ему цѣли.

Лица ихъ почти соприкасались.

Блѣдная, какъ полотно, съ широко раскрытыми глазами, скользила по паркету Адельгейда въ своемъ чудномъ платьѣ. Посреди зала стояли старый майоръ въ желтомъ домино и съ выкрашенной въ черное бородкой, графъ Гриве и камеръ-совѣтникъ.

Совѣтникъ былъ единственный во фракѣ. Въ петличкѣ у него красовалась ленточка Почетнаго Легіона.

Майоръ покачивалъ свою покрытую парикомъ голову; при чемъ вздрагивала его бородка.

— Какъ весталка, какъ весталка! — повторялъ онъ.

Разъ ужъ майоръ придумаетъ понравившееся ему выраженіе, онъ не такъ-то скоро оставлялъ его.

Совѣтникъ улыбнулся.

— Да, — сказалъ онъ, обернувшись къ Гвиде и не сводя глазъ съ Адельгейды и молодого письмоводителя, — что-то есть чудесное въ неудержимомъ влеченіи человѣческой натуры.

Майоръ отошелъ; онъ не могъ долго стоять на слабыхъ своихъ ногахъ.

Гвиде и совѣтникъ продолжали смотрѣть на танцующую парочку.

— Я завтра уѣзжаю, — сказалъ Гвиде, не сводя глазъ съ Адельгейды.

Совѣтникъ, казалось, не сразу разслышалъ, что тотъ ему сказалъ. Пока онъ все попрежнему слѣдилъ за Адельгейдой и ея кавалеромъ, лицо его приняло какое-

то выраженіе счастливой мечты, какъ будто передъ нимъ вдругъ воскресло сладкое воспоминаніе.

— Вы собираетесь уѣхать?—спросилъ онъ наконецъ.

— Да.

— Вы намѣрены опять заняться живописью?

— Нѣтъ.

Гвиде на мгновеніе замолчалъ. Лицо его покрылось такой блѣдностью, какъ будто вся кровь отлила отъ его щекъ къ лицу обоихъ танцующихъ.

— Нѣтъ,— повторилъ онъ,— на этотъ разъ цѣль моего путешествія болѣе возвышенна... пожалуй, самая возвышенная...

Онъ смолкъ на мгновеніе.

— Побѣдить,— продолжалъ онъ черезъ нѣкоторое время,— сердечное горе.

Что-то внезапное, особенное было въ движеніи руки совѣтника, когда онъ дотронулся до плеча молодого человека; это простое движеніе руки казалось теплой лаской.

— Гвиде,— сказалъ онъ ему, и сочувственная нотка прозвучала въ его голосѣ.— Гвиде, отчего это любовь людей можетъ нести за собой такъ несказанно много горя?

— Ну, дорогой другъ,— продолжалъ онъ затѣмъ уже совѣмъ другимъ тономъ,— кто же можетъ упрекнуть въ этомъ молодыхъ людей?

За ними вдругъ проскользнула одѣтая въ черное фигура; вмѣсто маски черты ея скрывала густая вуаль монахини.

Танцы окончились.

— Пойдемте, — снова заговорилъ совѣтникъ, — разда-
вимте вмѣстѣ бутылку шампанскаго.

Гвиде вздрогнулъ.

— Да, на прощанье, — сказалъ онъ.

Направляясь къ двери, онъ еще разъ обвелъ глазами
залъ, какъ будто то была картина, которую ему хо-
тѣлось не забыть никогда.

* *
*

Превосходительная все еще не могла заснуть.

Она велѣла зажечь свѣчи въ высокихъ канделябрахъ
и сидѣла на своей широкой кровати.

Она сама не понимала; почему именно въ эту ночь
такъ много картинъ далекаго прошлаго вставало такъ
живо передъ ней.

Вѣдь прошлое ушло такъ далеко... такъ страшно
далеко.

Превосходительная приняла успокоительный поро-
шокъ.

Да, прошлое погребено давно!

И все же казалось, что всѣ мужчины, игравшіе
роль въ ея жизни, почему-то собрались въ этотъ часъ
и, толпясь тѣснымъ кругомъ, окружили ея кровать.

Горничная иногда входила къ барынѣ.

— Барыня страдаетъ безсонницей, — говорила она
участливо.

— Иди, ложись, — приказала ей старуха.

Начало свѣтать.

Въ холодномъ, сѣромъ освѣщеніи ранняго утра;

нѣжные амуры на рѣзной кровати казались жалкими гномами, а голубой ночникъ, висѣвшій надъ кроватью, напоминалъ большой непривѣтливый глазъ.

Превосходительная встала. Она одѣлась сама и взяла въ руки всегдашнюю палку.

Въ большихъ комнатахъ было свѣтлѣе; утренній свѣтъ врвался въ окна. Опираясь на палку, шла конференцъ-совѣтница изъ комнаты въ комнату; будучи возбужденной, она оставляла всѣ двери за собою открытыми.

По всему дому раздавалось равномерное тиканье многочисленныхъ часовъ.

Она шла все дальше, вверхъ по лѣстницѣ, внизъ, по коридору, во всѣ комнаты.

Въ большомъ залѣ все еще горѣла люстра. Вѣроятно ее забыли потушить. Догорающія свѣчи слабо мерцали; подавленные яркимъ свѣтомъ наступающаго дня.

Превосходительная не обратила на это вниманіе. Она шла дальше.

Она цѣлыми днями, цѣлыми годами не бывала во всѣхъ этихъ комнатахъ, не спускалась по этимъ лѣстницамъ. Но она все шла дальше, черезъ дворъ къ маленькой садовой калиткѣ, которую она растворила поблѣвшей отъ холода рукой, напоминающей руку мертвеца.

Отворивъ калитку, она вошла въ садъ, но внезапно ослѣбѣла.

Передъ собою, при свѣтѣ восходящаго солнца, увидѣла она въ широкомъ окнѣ садовой бесѣдки Адельгейду и фигуру мужчины въ плащѣ; они обнимались;

прижимаясь другъ къ другу, и казались двойной статуей.

Съ полминуты простояла превосходительная неподвижно; лицо ея покрывалось мертвенной блѣдностью, и она казалась состарившейся сразу на много лѣтъ... затѣмъ она подняла свою палку... но руки безжизненно опустились.

Молча покинула она садъ.

* *
* *

Съ того дня превосходительная не покидала уже кровати.

И только горничная, прислуживавшая ей, могла разглядѣть въ сумеркахъ плохо освѣщенной комнаты черты ея лица; о которомъ превосходительная перестала уже заботиться и которое она уже не холила.

О томъ, что должно умереть.

Старый баронъ встаетъ въ семь часовъ. Когда, стоя на полу, на колѣняхъ и согнувъ спину, Свендсенъ оканчиваетъ застегиваніе его гамашъ, часовыя стрѣлки обыкновенно показываютъ безъ десяти минутъ восемь.

Блаженной памяти королевское высочество имѣло обыкновеніе отправляться въ восемь часовъ на свою утреннюю прогулку въ паркъ, въ сопровожденіи дежурнаго кавалера, ожидающаго его высочества въ зимнемъ саду.

Съ той поры, и вотъ уже тому прошло тридцать лѣтъ, баронъ начинаетъ день съ той минуты, какъ часы бьютъ восемь.

Когда баронъ усаживается за столъ въ своемъ кабинетѣ, куда Свендсенъ приноситъ ему чай въ большой китайской чашкѣ—подарокъ его высочества,—онъ обыкновенно бываетъ одѣтъ въ черный сюртукъ и сѣрыя брюки, которыя вотъ уже сорокъ лѣтъ всегда неизмѣнно одного и того же оттѣнка.

За семьдесятъ восемь лѣтъ своей жизни баронъ Риссенфельдъ никогда не носилъ халата.

Онъ того мнѣнія, что халатъ совершенно неприличная одежда.

Когда баронъ осушить до дна свою китайскую чашку, начинается его ежедневная дѣятельность.

Изъ папки, украшенной короной, вынимаетъ онъ большіе голубоватые листы бумаги, и раньше, чѣмъ начать писать, отгибаетъ онъ своей тонкой, худой рукой широкое поле.

Годы сдѣлали его дальноржимъ, такъ что онъ отклоняетъ голову назадъ, когда начинаетъ писать своей дрожащей рукой. Онъ осторожно выводитъ буквы, а послѣ каждой строчки останавливается, какъ будто ему необходимо отдохнуть послѣ трудной работы.

Прижавъ тонкія губы къ блестящимъ, искусственнымъ зубамъ, пишетъ онъ однако цѣлыхъ три часа, страницы одна за другой наполняются неувѣренными, какъ бы бѣгущими куда-то буквами.

Въ домѣ полная тишина.

Въ столовой сидитъ, какъ бы окаменѣвъ на своемъ стулѣ, у двери въ кабинетъ Свендсенъ.

На кухнѣ возится безшумно въ своихъ прюнелевыхъ башмакахъ Лина съ огромнымъ темно-коричневымъ парикомъ надъ ярко-краснымъ сморщеннымъ лицомъ. Эти часы заняты у нея чисткой кухни. Баронъ можетъ войти во всякое время. Впрочемъ, этого случая никогда не бываетъ. Разъ въ году, вечеромъ въ сочельникъ, когда баронъ и майоръ кушаютъ яблочные оладьи, входитъ Лина въ столовую и присѣдаетъ въ дверяхъ, присѣдаетъ второй разъ, подойдя къ столу, и присѣдаетъ въ

третій разъ, когда баронъ поднимаетъ стаканъ, а майоръ трясеть ее нѣжно за руку.

— За твое здоровье, Лина!

Ну, а вечеромъ передъ первымъ январемъ приходитъ баронъ къ Линѣ; передъ кухоннымъ столомъ безукоризненной бѣлизны, на которомъ горятъ двѣ восковыя свѣчи въ жестяныхъ подсвѣчникахъ (начиная съ сочельника и до Крещенія у барона горятъ всегда восковыя свѣчи), стоитъ выпрямившись во весь ростъ Свендсенъ; Лина присѣдаетъ.

— Хорошій, счастливый годъ, Лина, — говоритъ баронъ и чокается съ ней.

— И тебя также, Свендсенъ, съ новымъ годомъ!

Баронъ уходитъ, а оба старыхъ слуги садятся за столъ, одинъ противъ другого.

— Да, что принесетъ съ собою новый годъ? — говоритъ Лина.

— Многое можетъ за годъ случиться, — замѣчаетъ Свендсенъ.

Лина утвердительно наклоняетъ голову.

— Да, возможно, — говоритъ она.

Потомъ они опять сидятъ молча, какъ въ каждый канунъ новаго года уже тридцать лѣтъ подъ рядъ, а годы идутъ, проходятъ; и новаго еще никогда ничего не принесли.

Баронъ же, побывавъ въ кухнѣ, возвращается въ столовую, гдѣ ожидаетъ его майоръ во фракѣ и съ большимъ чернымъ галстукомъ, придающимъ ему нѣкоторую торжественность, и оба молча сидятъ другъ про-

тивъ друга, пока часовыя стрѣлки медленно движутся къ полночи.

— Да, баронъ; когда мы были молоды... вдругъ прерываетъ молчаніе майоръ.

— Да, майоръ; это было давно!—отвѣчаетъ баронъ; и кажется, что въ этихъ пяти словахъ цѣлая длинная исторія.

Потомъ они опять сидятъ молча; оба погруженные въ свои мысли; а часы тѣмъ временемъ продолжаютъ неизмѣнно тикать.

Въ ту минуту; какъ часы бьютъ двѣнадцать, Свендсенъ торжественно приноситъ бутылку старой мадеры; и баронъ наполняетъ два стакана, а майоръ встаетъ.

— Съ новымъ годомъ; майоръ!

— Съ новымъ годомъ; баронъ!

Стаканы чокаются.

Неся въ рукахъ подсвѣчникъ; самъ баронъ провожаетъ майора до входной двери—это разъ въ годъ, въ эту, именно ночь—и такъ многозначительно запираетъ за нимъ дверь; какъ будто этимъ онъ означаетъ конецъ стараго года.

— Свендсенъ; можете идти спать,—говоритъ онъ затѣмъ; вернувшись наверхъ.

* * *

Баронъ; отклонивъ назадъ голову; продолжаетъ писать; жилы вздрагиваютъ на его худой рукѣ; а голубоватые листы бумаги медленно наполняются буквами.

Онъ пишетъ до половины двѣнадцатаго. Кровь бросилась въ его старые глаза, такъ устали они отъ долгаго напряженія.

Черезъ полчаса раздается звонокъ. Это пришелъ майоръ. Свендсенъ отворяетъ дверь и майоръ выставляетъ въ дверь свою бородку—всегда кажется, что бородка майоръ. Свендсенъ отворяетъ дверь и, майоръ выставляя двери—потомъ ковыляетъ онъ съ своей палкой по коридору—у него особая манера весело ковылять—и три раза стучить въ дверь къ барону, какъ бывало бывший лейтенантъ стучался въ дверь къ начальству.

Баронъ, перечитывавшій въ эту минуту писанные листы, повертываетъ голову.

— Плохо идетъ дѣло, майоръ,—говоритъ онъ,—старые глаза съ трудомъ разбираютъ, что написала рука.

— Вы, себѣ окончательно испортите глаза, баронъ! Въ ваши годы—майоръ былъ на два года моложе его—люди сидятъ на солнышкѣ и философствуютъ.

Майоръ иногда даже горячится. Писанье барона служить вѣчнымъ камнемъ преткновенья между старыми друзьями.

— Превосходительная,—жаловался онъ какъ-то конференцъ-совѣтницѣ, единственной его сверстницѣ въ городкѣ,—онъ ослѣпнетъ отъ писанія... и къ чему?... всѣ ящики его столовъ переполнены его писаніемъ, а со временемъ ни одна душа все равно не будетъ въ состояніи разобрать, что онъ тамъ писалъ...

— Майоръ, это его *idée fixe*, — отвѣчала совѣтница, сидѣвшая изо дня въ день на томъ же стулѣ передъ своей плевалыницей и ридикюлемъ,—представтье ему

это удовольствіе, оставьте его... Я часто прошу юго беречь себя, но, майоръ, получаю всегда одинъ и тотъ же отвѣтъ: «Такъ мало осталось людей, знавшихъ его; наша священная обязанность почитать его память». Пустьъ пишеть, мой другъ, оставьте его.

— Въ сущности,—добавила она немного погодя тономъ чловѣка, уже многое пережившаго и переиспытывшаго,—совершенно безразлично, можно ли будетъ впоследствии разобрать его писаніе или нѣтъ.

Наступило нѣкоторое молчаніе.

— Да, да,—вздыхнулъ майоръ, и бородака его, казалось, повисла къ груди,—это вѣрно...

* *
*

— Мы можемъ теперь итти, — говоритъ баронъ, кончивъ на этотъ день свои записки о блаженной памяти его высочествѣ.

— Да,—отвѣчаетъ майоръ и медленно встаетъ. Онъ за спиной барона поправляетъ спустившіеся на руки напульсники. Майоръ всегда носитъ напульсники—это настойчивое требованіе его экономки—но прикрываетъ ихъ своими манжетами съ серебряными запонками, подаркомъ ландграффа Гессенскаго.

Майоръ получилъ этотъ подарокъ послѣ какого-то парада: ландграфъ всегда дарилъ серебряными вещами.

— Вы были молодцомъ на этомъ парадѣ,—сказалъ въ то время ландграфъ, и майоръ часто повторялъ эти слова.

— Да, да,—говаривалъ майоръ, тогда въ полку были молодцы, но на что они теперь способны?

— Они могли бы умереть геройской смертью при Дюпелѣ,—говорилъ баронъ, и голосъ его слегка дрожалъ, какъ всегда, когда шла рѣчь о герцогахъ.

— Возможно, возможно...—отвѣчалъ разсѣянно майоръ, все еще думавшій о парадѣ.

— Да,—добавлялъ онъ, какъ бы пробудившись отъ сна,—а куда не годится теперь молодежь!

* *
*

Свендсенъ помогъ барону одѣться, и затѣмъ оба старика вышли на улицу. Баронъ шелъ выпрямившись впереди, майоръ же шелъ на два шага позади, опуская такъ осторожно на тротуаръ свои обутыя въ сѣрые гамаша (лѣтомъ онъ носилъ бѣлыя гамаша) пораженные подагрой ноги, какъ будто каждый шагъ причинялъ ему боль. Голову онъ всегда держалъ приподнятой кверху, какъ дѣлаетъ обыкновенно неволью старый охотникъ.

Онъ останавливался на каждомъ шагу. По противоположной сторонѣ улицы двигались два свѣтлыхъ зонтика, закрывая отъ солнца два свѣжихъ женскихъ личика. Глаза майора блестѣли, и бородка его задвигалась внизъ и вверхъ.

— Идите что ли,—сказалъ баронъ.

— Славныя личики,—сказалъ майоръ и поплелся дальше, догоняя своего товарища.—Кто онъ?—спро-

силъ онъ; вытягивая носъ; какъ бы принюхиваясь къ пріятному запаху.

— Я ихъ не знаю,—отвѣтилъ коротко и равнодушно баронъ.

За исключеніемъ баронессъ изъ Стенсгаарда, конференцъ-совѣтницы и нѣсколькихъ бѣдныхъ, баронъ не считалъ нужнымъ кого-либо знать въ городкѣ.

— Прелесть какъ милы! — снова сказала майоръ и опять остановился.

Говоря о женщинахъ, точно также какъ и при своихъ военныхъ воспоминаніяхъ, онъ всегда переходилъ со шведскаго на нѣмецкій языкъ.

Его пристрастьѣ къ женской красотѣ всегда дѣйствовало раздражительно на конференцъ-совѣтницу.

— Старый болванъ!—говорила она и отплевывалась въ плевальницу.

— Ваше превосходительство...

— Да... вы дѣлаете себя смѣшнымъ; майоръ.

— Что же остается старику, если ужъ у него отнимается право видѣть глазами?—спрашивалъ майоръ жалобнымъ голосомъ.

— У него есть и руки; майоръ,—говорила конференцъ-совѣтница строго,—и древній старикъ долженъ оставить молодость въ покоѣ.

Майоръ замолкалъ; но борода упорно торчала.

* * *

*

— Пойдемте же, майоръ,—сказалъ баронъ.

Майоръ снова остановился.

Оба старца вмѣстѣ совершаютъ свою прогулку, длящуюся приблизительно часъ; потомъ оба расходятся по домамъ. Баронъ, придя домой, раскладываетъ пасьянсъ. Все одинъ и тотъ же, «grinzeß patienze», которому онъ обучился у ея королевскаго высочества герцогини Августенбургской однажды вечеромъ въ зимнемъ саду королевскаго дворца, пока блаженной памяти его высочество игралъ въ вистъ.

Майоръ ковыляется къ себѣ домой.

Единственная улица, на которой майоръ никогда не останавливается, это его собственная: у его домоправительницы у окна зеркало. Майоръ уже издали косится на него; позади зеркала возвышается головной уборъ, нѣсколько напоминающій чалму.

— Съ добрымъ утромъ,—говоритъ онъ, входя.

Дама эта лишнихъ словъ не любитъ.

Послѣ входа майора она только рѣшительно запираетъ дверь, какъ бы въ знакъ того, что она плѣнника своего намѣрена держать въ совершенной сохранности.

* *
* *
*

Въ шесть часовъ у конференцъ-совѣтницы играютъ въ вистъ. Всѣ пьютъ чай, поданный имъ на серебряномъ подносѣ Шредеръ, которая однако моложе всѣхъ въ домѣ, — ей 60 лѣтъ, — затѣмъ говорятъ о своемъ времени и о людяхъ, которыхъ знавали только они.

Послѣ чая почтальонъ приноситъ почту. Она заключается въ одной лишь вечерней газетѣ—писемъ совѣтница почти никогда не получаетъ, ея корреспонденты

всѣ давно уже умерли. Начинается чтеніе газеты. Они ежедневно читають объявленія объ умершихъ. Баронъ читаетъ медленно и торжественно весь списокъ объявленій.

— Я ее не знаю, — замѣчаетъ конференцъ-совѣтница; — она не нашего времени.

И баронъ читаетъ дальше:

— Тайный совѣтникъ Нютцбель.

Всѣ прислушиваются. Это ихъ знакомый.

Отъ чего бы онъ могъ умереть? — спрашиваетъ конференцъ-совѣтница.

— Это не сказано.

— Сколько ему могло быть лѣтъ?

— Восемьдесятъ три...

— Да, восемьдесятъ три, это совершенно вѣрно; онъ былъ на три года старше своего двоюроднаго брата; я ясно помню... совершенно ясно... на три года старше.

— Совершенно вѣрно, — подтверждаетъ своимъ беззвучнымъ голосомъ баронъ. Мы вмѣстѣ были въ Феръ, а это было въ сорокъ четвертомъ году. Какъ разъ, когда мы уѣзжали, былъ для встрѣчи его высочества устроенъ фейерверкъ.

Долго еще послѣ этого говорили они о Фамиліи Нютцбель, о младшей линіи, о старшей линіи и о тѣхъ, съ кѣмъ члены этой семьи породнились.

— Она вышла за Мольтке, — говоритъ баронъ, — это было въ тридцатыхъ годахъ.

Старая френкень Кербицъ, играющая съ ними въ вистъ, видитъ по движенію ихъ губъ, что они оживлен-

но о чемъ-то интересномъ бесѣдуютъ; она нагибается къ нимъ и спрашиваетъ:

— О комъ идетъ рѣчь?

— О тайномъ совѣтникѣ Нютцбелъ, — громко, почти кричитъ конференцъ-совѣтница.

Глухая молчитъ.

— Ахъ, такъ! — шепчетъ она вдругъ и снова безучастно къ окружающему, отдается своимъ мыслямъ.

Баронъ кончилъ чтеніе объявленій объ умершихъ и складываетъ газету. Остальное, что происходитъ на бѣломъ свѣтѣ, ихъ не интересуешь.

— Пусть Шредеръ принесетъ карточный столъ, — говоритъ конференцъ-совѣтница.

Столъ разставляется, на немъ становятся серебряные подсвѣчники, и всѣ четверо садятся играть. Глухая френкенъ погружена въ свои думы и смотритъ въ упоръ на свѣчи. Конференцъ-совѣтница часто будитъ ее, когда ей надо играть.

— Вашъ ходъ, Кербицъ, — говоритъ она и ударяетъ палкой объ полъ.

Баронъ, съ трудомъ подслѣповатыми глазами различающій карты, беретъ взятку своими худыми, изящными руками.

— Кербицъ, вашъ ходъ...

Майоръ горячится и начинаетъ ругаться.

— Часовой механизмъ начинаеть дѣйствовать плохо, — говоритъ конференцъ-совѣтница.

— Да, — ворчитъ майоръ и многозначительно мигаетъ совѣтницѣ. Они оба понимаютъ другъ друга.

Игра длится два часа; потомъ наступаетъ для совѣтницы время итти спать.

Оба старыхъ господина цѣлуютъ у дамъ руки и удаляются.

Шредеръ осторожно провожаетъ конференцъ-совѣтницу до спальни. Конференцъ-совѣтница не въ духѣ:

— Баронъ, — говоритъ она, — скоро не будетъ различать ни одной карты; онъ все больше слѣпнетъ отъ своего писанія; но вѣдь онъ никого не слушаетъ...

Посреди комнаты она останавливается.

— Шредеръ, — говоритъ она, — я ни гроша не дамъ за посмертную память. Надо пользоваться жизнью, пока можно, а затѣмъ; пока не закроешь глаза, надо дать наслаждаться жизнью другимъ, не отягощая ихъ.

Конференцъ-совѣтница ложится на кровать.

— Но люди безумны, — продолжаетъ она, — они никогда не знаютъ своего времени, оттого все зло.

* *
*

Оба старыхъ господина сидятъ у барона.

Майоръ усталъ и временами впадаетъ въ дремоту; при чемъ борода его опускается почти до груди.

Баронъ забылъ сигару, и она догораетъ.

При свѣтѣ лампъ обѣ голыя, отклоненныя назадъ головы; похожи на головы хищныхъ птицъ.

Майоръ внезапно просыпается отъ дремоты и почти испуганно взглядываетъ на друга.

— Мы старимся, баронъ, — говоритъ онъ.

— Да, майоръ, — отвѣчаетъ тотъ.

— Намъ уже нечего другого ждать, кромѣ смерти, — говоритъ баронъ, поднявъ въ свою очередь глаза на стараго пріятеля.

Снова въ комнатѣ тихо, и слышно только однообразное тиканье часовъ...

* * *

Но на слѣдующее утро сидитъ опять баронъ у письменнаго стола и пишетъ, чтобы смыть «малѣйшее пятнышко съ памяти его высочества».

Его записки должны быть внесены въ архивъ Риссенфельдовъ и опубликованы лишь по истеченіи ста лѣтъ со дня его смерти.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Фрэкенъ Кайя.....	1
Прекрасный день.....	45
Ирена Гольмъ.....	103
Жизнь и смерть	
О счастье.....	127
О любви.....	177
О томъ, что должно умереть.....	227
